

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

№1 (23)

2010

Москва 2010

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, Л.Е. Горизонтов, Е.Н. Евсева, В.Д. Зимина,
А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Крушельницкий,
В.В. Минаев, А.С. Сенин, Т.И. Хорхордина, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вѣстникъ, 2010
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, E. Evseeva, L. Gorizontov, T. Khorkhordina,
A. Kilichenkov, T. Krasovitskaia, A. Krushelnitskii,
V. Minaev, A. Senin, P. Shkarenkov, V. Zimina**

Publisher **S. Ippolito**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:
6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat'»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2010
© by Russian State University
for the Humanities, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Давидович Степанский: друг и коллега 5

Статьи

- Мельников М.В.* Судьба золотого рубля: споры между сторонниками и противниками денежной реформы С.Ю. Витте (1895–1897 гг.) 11
- Чудакова М.С.* Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) 22
- Костров А.В.* Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. 35
- Кулинич Н.Г.* «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) 42
- Садовников С.И.* Неизвестный солдат – самый известный солдат Второй мировой 54
- Хохлов В.А.* Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем 67

Сообщения

- Бородкин А.В.* «Предивный» инок Капитон 75
- Булюлина Е.В.* Будни Царицынского уголовного розыска (первая половина 1920-х гг.) 81

Антибольшевистская Россия

- Иоффе Г. (Канада)* Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова ... 89
- Антоненко Н.В.* Н.Д. Тальберг и его «чаемая монархия» в России 107

События и судьбы

- Таймасова Л.Ю.* Князь Владимир Старицкий: в шаге от престола 116

XX век в нашей памяти

- Архипова Т.* Вспоминая Татьяну Михайловну Смирнову 138

У книжной полки

- Соколов Б.В.* Врангель 144
- Содержание, авторы, аннотации 154
- Contents, Authors, Summaries 161

**АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ СТЕПАНСКИЙ:
ДРУГ И КОЛЛЕГА**

Еще совсем недавно я и представить себе не могла, что когда-нибудь не будет Саши. Мне казалось, что он всегда будет неподалеку – на работе (мы долгое время работали на одной кафедре, а потом на соседних), дома (ему можно было не только позвонить, но и дойти до него: мы жили у разных выходов одной станции метро), на даче, наконец (нас разделяли всего четыре участка). И вот его нет, а я пишу воспоминания о нем.

Прежде всего я вспоминаю его как человека. Мне кажется, что о нем как об ученом другие напишут лучше. Тем более что наши научные интересы после моей защиты кандидатской диссертации несколько разошлись: мы стали заниматься разными эпохами.

Я услышала о нем раньше, чем мы встретились: у нас был общий учитель. Отзывы были настолько положительными, что мне не терпелось

познакомиться с этим человеком. Мы собрались, кажется, весной 1964-го, чтобы вычитать гранки наших статей, публикуемых в очередном томе «Трудов МГИАИ». Конечно, за годы нашего знакомства, а затем и дружбы, он, как и все, с возрастом менялся, но запомнился мне на всю жизнь красивым, молодым, кудрявым, открытым для общения (а ведь был без пяти минут кандидатом наук), жизнерадостным. Начинаясь редеть волосы создавали впечатление нимба вокруг головы. Ко всем подошел, всем помог, пошутил, рассказал пару анекдотов.

Вскоре в составе комиссии он принимал у меня вступительный экзамен в аспирантуру по специальности. Кое в чем я «поплыла», не заметить этого он не мог, но сделал вид, что все в порядке. Затем встал вопрос о моем поступлении на кафедру «госов» – Саша был «за», хотя были и те, кто считал меня «недостаточно серьезной». По поводу моей несерьезности можно было бы и поспорить, но вот ущербность свою в полном смысле этого слова я почувствовала почти сразу. Работавшие на кафедре Татьяна Петровна Коржихина, Татьяна Михайловна Смирнова, Александр Давидович Степанский (о Николае Петровиче Ерошкине не говорю – на него я вообще смотрела, открыв рот), поразили меня эрудицией, кругозором, начитанностью. Саша же поразил меня, помимо «быстроты реакции и широты ассоциации», врожденной способностью к скорочтению и феноменальной памятью. Это потом я узнала, что ничто человеческое ему не чуждо, а тогда мне казалось, что единственной его любовью является чтение. Правда, чтение именно того, что ему было интересно. Кстати, любовь к чтению привела к тому, что одним из самых любимых им литературных жанров стала рецензия, хотя писал он и диссертации, и монографии, и учебники, и научные статьи. Когда нам доводилось читать вместе какой-то текст, я не успевала прочитать несколько строк, а он, охватив взглядом всю страницу, уже ходил сзади меня, ожидая, когда я перейду на следующую. Особенностью его восприятия текста было и то, что он мгновенно улавливал в нем главное. Если этому еще можно было со временем хоть как-то научиться, то той памяти, которой он обладал, научиться было нельзя. Казалось, он помнит все, что когда-то читал, причем даже поисковые данные. Это был какой-то ходячий библиографический справочник. Ничего не оставалось, как смотреть на него снизу вверх.

Такое отношение к нему усилилось после того, как я в целях повышения квалификации посетила несколько его лекций. Они не могли не вызвать восхищения и мало в чем уступали лекциям моего кумира – Ерошкина. Их мастерство, как, впрочем, и мастерство других членов кафедры, мне казалось недостижимым. Если бы не шеф, то я, наверное, ушла бы из института. Николай Петрович сказал чуть ли ни словами Ленина: мол, надо учиться, учиться и учиться. То же самое, только с шуточками и прибаутками, сказал и Саша.

Без шуток он не жил. После его кончины я спросила у его жены: что он сказал ей перед уходом навсегда? И она ответила: «Собери мои вещи и поехали отсюда!» В этом весь Саша.

Сблизились мы с ним несколько позднее. Со времени неизлечимой болезни моей мамы я привыкла читать медицинскую литературу, и Саша изредка обращался ко мне за разъяснениями тех или иных терминов, диагнозов, по поводу применения лекарств и т.п. Сам он читать об этом не любил. Я же, как правило, эксплуатировала кладовую его знаний, советовалась с ним в поисках тем для своих публикаций, научных знакомств, подборе оппонентов сначала для себя, а потом и для моих аспирантов. Очень поддерживал он меня во взаимоотношениях с Татьяной Петровной Коржихиной. Любя меня, она с присущим ей максимализмом все время стремилась меня «улучшить», тем более что тогда я была младшей на кафедре. Иногда от такого «улучшения» я впадала в отчаяние. Воспрянуть духом мне помогали другие члены кафедры, и в первую очередь Саша.

Не будучи спортивным, он любил ходить пешком. Иногда мы ходили с ним пешком от «исторички» или даже от института до Курского вокзала: я тогда жила в Подмоскowie. Он хорошо знал все переулки и закоулки Москвы.

Помимо профессиональных тем (они, конечно, преобладали), нашлось много других.

Повторюсь: он любил читать. Много времени уделял художественной литературе, не упускал ни одной новинки. Окном в зарубежный мир прозы и поэзии для нас был журнал «Иностранная литература», ее очередного номера мы ждали с нетерпением. Отечественные новинки мы читали в «Новом мире», «Москве», других толстых журналах. Кафедра была читающей, каждый из нас выписывал какой-то журнал, читал его, комментировал, советовал что-то прочитать. Естественно, мы обменивались журналами. Саша успевал прочитать все не только в журналах, выписываемых нами. Он был одним из самых активных читателей институтской библиотеки. В годы «перестройки», когда вал новинок хлынул на страницы журналов, Саша ежемесячно вел своего рода семинар со студентами, живущими в общежитии, на котором анализировал все новинки. Во время наших прогулок по Москве, в перерывах между лекциями, на партийных собраниях, наконец, мы часто говорили о прочитанном.

Выяснилось, что мы оба театралы, – и у нас появилась еще одна тема для разговоров. Любовь к театру возникла у него в детстве. Его семья жила неподалеку от филиала Малого театра, он был для него «домашним». Затем число «объектов посещения» увеличилось, и постепенно такой досуг стал для него частью образа жизни. Конечно, до его театральных познаний мне было далеко. Казалось, он знал всех режиссеров и актеров московских театров, их репертуар, любил сравнивать игру составов в лучших спектаклях.

Хотя Саша был старше меня не намного, его жизненный опыт был куда как богаче. Он много рассказывал мне о родителях, о детском восприятии войны, о жизни в эвакуации, о детстве в районе Серпуховки. С некоторыми друзьями детства и юности он дружил всю жизнь. Незаживающей раной для него была смерть в эвакуации младшей сестры. О ней он рассказывал со смесью гордости – уж очень она была одаренным ребенком – и неизбывной боли. Особенно он волновался в день очередной годовщины ее смерти. Так было и в минувшем году.

Говорили мы о многом: он любил поговорить и был замечательным рассказчиком. Но была тема, которую он старался избегать: первый его брак. Я поняла это сразу и никогда не касалась этого сюжета. Для себя же решила, что, наверное, не все ему в этом браке нравится. Женская интуиция меня не подвела: вскоре он расстался с первой женой. Появилась главная женщина его жизни – Эмма. Вот мои первые впечатления о ней: светловолосая, невысокого роста, прекрасно сложенная, необычайно красивая с выразительными огромными зеленовато-голубыми глазами. Когда я однажды высказала Саше свое восхищение красотой его жены, он заметил, что к благополучию в семейной жизни женские ноги, например, не имеют никакого отношения. Я даже задыхнулась от негодования: полжизни тратишь на то, чтобы прилично выглядеть, страдаешь от плохо покрашенной одной ресницы, от лишнего килограмма, а это, оказывается, не имеет никакого значения! Он так долго над этим смеялся... Эмма приняла его таким, каким он был ко времени их знакомства, не пыталась его изменить, восхитившись однажды, сохранила восхищенное отношение к нему на всю жизнь. Если она и позволяла себе его изредка критиковать, то делала это с таким тактом, которому научиться невозможно. Она окружила его такой любовью и заботой, жила всеми его радостями и печалью, что кто-то из наших мужей в одной из кампаний в шутку сказал: «Эмма, возьми меня Степанским». Саша всю жизнь отвечал ей взаимностью. Он не представлял себе жизни без нее. И в конце концов предсмертная болезнь настигла его после того, как он положил ее в больницу.

Кафедра по своему составу была молодой, и мы дружили семьями – все праздники, дни рождения проводили вместе. Ерошкин задолго до современных «корпоративов» ввел такие встречи в практику наших взаимоотношений. Получив новую квартиру неподалеку от Степанских, я с мужем стала чаще бывать у них дома. Саша открылся мне уже другими сторонами своей натуры. Он оказался нежным и любящим отцом. Когда у них родился общий сын, и Эмма была вынуждена уделять больше внимания ему, Саша сосредоточился на старшем, сыне Эммы: читал ему, гулял с ним, водил по театрам и выставкам. Сдержанный в нежностях, он просто его заласкал. Он гордился ими, в разговоре всегда называл их «мои сыно-

вья». Рассказывал, где и как они учатся, что умеют, а они выросли на редкость рукастыми. В конце концов их руками была построена дача. Когда Саша с Эммой несколько месяцев были в Оксфорде, то мне было поручено опекать их. Я убедилась: они замечательные дети, достойные своих родителей.

Уйдя от нас заведовать другой кафедрой, Саша не порвал с нами. Заседания кафедры, наши знаменитые чаепития редко проходили без него. Теперь мне кажется, что он тосковал без нас. Когда не стало шефа, мы просили его вернуться к нам, но он отказался, заявив, что не представляет, как он нами, своими друзьями, будет руководить. Я, помню, даже обиделась: можно подумать, что я на работу ходить перестану, буду лекции срывать, научной работой прекращу заниматься!

Так сложилось, что с каждым событием в жизни у нас все больше и больше появлялось общих интересов. Теснее сблизило нас получение дачных участков под Чеховым. Машины тогда были у немногих, и «на дачу» мы чаще всего ездили «на моем муже». Приезжали на поросшее травой и кустарником поле, расчищали его, облагораживали, в перерыве между трудов тяжких стелили на бревнышке салфеточку, раскладывали нехитрую снедь, согревались домашним вином (другого в антиалкогольную кампанию не было). Муж поглядывал на нас с завистью: ему надо было везти нас обратно. Потом появились навесы, палатки – жить стало веселее, можно было остаться переночевать. Пока строились, то с утра договаривались, у кого будем сегодня со свечами или керосиновой лампой ужинать. Вместе искали стройматериалы, керосин и т.п. Отстроившись, стали собираться реже: хотелось побольше побыть в «своем доме», тем более что появились свет, тепло, телевизор, компьютер – можно было работать, как в Москве. И все равно праздники были общими, и Саша всегда был душой кампании: то свежую новость расскажет, то старую необычно препарирует, то анекдотом рассмешит до колик.

Дружил он со всеми, и все дружили с ним. Наверное, я по природе своей – собственница, и такое вот его дружелюбие порой вызывало у меня чувство ревности. Оглядываясь на прошедшие годы, я не могу припомнить, чтобы он стал соучастником какой-то ссоры. Даже научные споры, видя, что ему в данный момент не переубедить собеседника, он быстренько сворачивал. Умел прощать обиды, чего не скажешь, например, про меня. Я ему, бывало, напомню, что вот тот-то тебя обидел, а он мне в ответ: «Не помню!» И это с его памятью! Я вообще не могу вспомнить, о ком он отозвался плохо. Уж я его и Лукой, и блаженным называла, а он хохочет. Смеялся он до слез как мешочек-хохотунчик, вовлекая в этот процесс окружающих. Он как-то сказал, что еще в молодости дал себе слово никого из окружающих не винить в своих неприятностях. В любой, даже

неприятной, ситуации находил положительное. Не поступил после школы с золотой медалью в МГУ? Так поступил в лучший в мире и единственный в стране Историко-архивный институт! И так во всем.

Мне довольно трудно сравнить его с кем-то по доброжелательности. Кажется, ее он излучал. Друзья и коллеги использовали это его качество на полную катушку. Иногда он просто задыхался от вала работ, которые ему приходилось оппонировать. Все знали: Саша никогда не откажет, отзыв будет положительным и станет огромной поддержкой при рассмотрении диссертации в ВАКе.

Он любил детей, и дети любили его. Я убедилась в этом на собственных дочке, зяте и внучке. Они были в восторге от него. Бывало, приедут на дачу и бегом к дяде Саше. Когда я сказала восьмилетней внучке, что дяди Саши больше нет, она спросила меня: «А с кем же я буду общаться на даче?» Вообще он умел со всеми находить общий язык. Уж как я боялась, что у них с моим мужем не найдется тем для разговора: ведь муж – технар. Ничего подобного – подолгу и с интересом общались. Находил он, о чем поговорить, и с землекопом, и со слесарем.

На работу он всегда приходил заранее: ведь надо было обойти всех и всех поприветствовать, узнать последние новости. Не сплетни. Этого он не любил – сразу же сворачивал разговор, не поддерживал осуждающих кого-либо разговоров. Бывало, вернемся в воскресенье вместе с дачи, а в понедельник я сижу в своем кабинете злая, «урнирую» «вказивки», заходит Саша (в помещении становится много светлее) и говорит: «Тань, привет, как дела, что нового?» И теперь я жалею, что в административной суете не всегда находила время для более продолжительного общения с ним. Да много о чем можно пожалеть, когда человека уже нет...

В последние год-два жизни он заметно сдал: ослабела память, походка стала неуверенной и медленной, юмор стал грустнее, хотя он, как и прежде, пытался шутить, обнаружилась большая, чем прежде, сентиментальность... Я все чаще встречалась с ним в нашей поликлинике. Он почти не жаловался, только, бывало, спросит о назначении того или иного лекарства. Я, как, наверное, и все, видела это, но думала: никто из нас не молодеет, все мы стареем и дряхлеем, все идет своим чередом. Теперь я думаю иначе: а вдруг ему можно было помочь, и он еще бы побыл среди нас? Ну, прямо по Твардовскому: «Я знаю: никакой моей вины...и не о том же речь...но все же, все же, все же...» Прости меня, Саша.

Татьяна Архипова

СТАТЬИ

М.В. Мельников

СУДЬБА ЗОЛОТОГО РУБЛЯ: СПОРЫ МЕЖДУ СТОРОННИКАМИ И ПРОТИВНИКАМИ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ С.Ю. ВИТТЕ (1895–1897 гг.)

В конце XIX в. реформа денежного обращения стала в России одной из наиболее активно обсуждаемых среди «общественности» и в печати. Русское общество, еще недавно очень далекое от экономических теорий, с поразительной быстротой погрузилось в оживленные споры о денежной реформе.

Тон дискуссии задали публикации деятелей финансового ведомства и ученых, близких к бюрократической сфере, стремившихся обосновать намерение правительства С.Ю. Витте ввести в обращение золотой рубль. Наиболее видными теоретиками золотого монометаллизма были заведующий кафедрой политической экономии и статистики С.-Петербургского университета профессор И.И. Ка-уфман¹, профессор политической экономии и статистики Юрьевского университета А.Н. Миклашевский² и ученый секретарь Ученого комитета Министерства финансов А.Н. Гурьев³.

Сторонники золотого рубля стремились к тому, чтобы денежное обращение было устроено в форме золотомонетного стандарта или, как часто его тогда называли, «смешанного» обращения банкнот и золотых монет. Преимущества смешанного обращения видели в том, что оно, обеспечивая устойчивость денег, экономичнее и «эластичнее» чисто металлического обращения. Представление о том, что каждая страна автоматически удерживает то количество металлических денег, которое соответствует ее экономике, служило сторонникам денежной реформы в России главным аргументом против возражений своих оппонентов⁴.

С другой стороны, во второй половине XIX в. в России стали активно развиваться различные теории противников золотого монометаллизма, среди которых выделялись направления биметаллистов и сторонников бумажного обращения.

Противники золотого рубля утверждали, что золота недостаточно для выполнения функции денег. Переход многих стран к золотому обращению вызвал повышение стоимости денег, падение товарных цен и экономический кризис. Присоединение России к системе золотого монометаллизма, считали они, усилит недостаток золота и втянет ее в этот кризис.

Недостаток золота в стране приведет к новым крупным внешним заимствованиям, что повлечет за собой усиление ее зависимости от иностранного капитала. Попытка проведения реформы в условиях пассивного платежного баланса спровоцирует быстрый отток золота за границу. Таким образом, по мнению противников золотого рубля, результатом денежной реформы станет экономическая и финансовая катастрофа⁵.

Биметаллисты считали главным критерием устойчивости денег уровень цен, который, по их представлениям, определяется количеством обращающихся на рынке товаров и денег. Отталкиваясь от количественной теории денег, биметаллисты утверждали, что только совокупное использование золота и серебра в качестве денег обеспечит устойчивость финансовой системы, так как в этом случае путем взаимозаменяемости благородных металлов сбалансированы колебания в объеме их добычи, а следовательно – и в конечном количестве денег в обращении⁶.

Разработчики теории бумажных денег стремились осмыслить опыт длительного существования в России системы неразменных на благородный металл денег и выявить основные закономерности ее функционирования⁷. Наиболее законченную форму теория бумажных денег приобрела в работах известного правого публициста С.Ф. Шарапова⁸ – одного из самых активных критиков финансово-экономической политики правительства. Шарапов считал реформы Витте очередным наступлением на интересы «коренной сельской России», защитником которой он себя ощущал. По мнению Шарапова, перед ним стояла двойная задача: с одной стороны, показать «печальные последствия» металлического обращения, с другой – выработать «русскую теорию русских взглядов на понимание смысла и значения абсолютных знаков самодержавного государства»⁹.

Проявление общественного интереса к денежной реформе носило «сезонный» характер: это было связано либо с законодательными инициативами Министерства финансов, либо с введением законов, затрагивающих финансовую систему страны.

Большую роль в освещении общественного обсуждения реформы сыграла пресса. Наиболее влиятельные столичные газеты, наиболее распространенные в общероссийском масштабе – «Новое время», «Биржевые ведомости», «Новости и биржевая газета», «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», – регулярно помещали на своих страницах экономические материалы¹⁰.

О необходимости восстановления в России металлического денежного обращения в некоторых изданиях заговорили в конце 1894 г. Однако активное обсуждение этого вопроса началось после указа министру финансов от 3 марта 1895 г. об усилении разменного фонда. По этому указу, из разменного фонда Государственного банка изымалось серебро на сумму 1 125 682 руб. 14 коп. и заменялось на такую же сумму золотом,

а из Государственного казначейства в разменный фонд передавалось 98 061 276 руб. 84 коп. золотом¹¹.

Положительно оценивая этот шаг Министерства финансов, некоторые газеты попытались спрогнозировать его дальнейшие действия, связав их с подготовкой введения в России размена на золото. 6 марта в передовой «Биржевых ведомостей», посвященной указу, говорилось: «Мы находимся накануне крупной реформы денежно-го обращения, и золотой рубль перестает быть для нас чем-то недосягаемым, о котором можно мечтать»¹².

В этот же день «Новое время» так отреагировало на указ: «В связи с этой мерой напрашивается мысль о приготовлении правительства к установлению у нас металлического денежного обращения... Возможно, в настоящее время нет пока еще ясно сформулированной и определенно поставленной задачи установления металлического обращения. Но рано или поздно нам не миновать... этой задачи»¹³.

Неделю спустя в «Новом времени» появилась статья «67 вместо 100», в которой высказывалось предположение, что в России решено фиксировать курс на существующем уровне, то есть провести девальвацию. А это «внесет... путаницу в нашу внутреннюю торговлю, в промышленную жизнь... в финансы... в хозяйство каждой семьи... В настоящее время девальвация поведет к страшным потрясениям во всех наших денежных и хозяйственных делах»¹⁴.

Спустя день «Новое время» напечатало письмо в редакцию за подписью «В». По-видимому, автором его был сам Витте. В нем полностью отрицалась сама возможность столь катастрофических последствий: «Спрашивается, каких же губительных для наших финансов и для народного хозяйства последствий от такой девальвации, при которой каждая сотня кредитных рублей сравняется с сотней новых золотых рублей?» Автор не отрицал возможность разрешения в ближайшее время в России сделок на золото по курсу 1 кредитный рубль к 66 коп. золотом, но не считал данное мероприятие девальвацией, так как покупательная стоимость кредитного рубля при этом останется прежней. Комментируя это письмо, редакция выразила несогласие с ним по вопросу определения девальвации и ее возможных последствий, высказалась за подробное обсуждение этого вопроса в печати¹⁵.

Наконец, с «маленьким письмом» выступил сам издатель и редактор «Нового времени» А.С. Суворин. «Девальвация – это превращение рубля в копейку», – заявил он. Высказываясь против «скороспелых» конверсий и девальваций, он прошелся по адресу «финансовых Овидиев», вечно находящихся в зависимости от «людей денежных, поросших насквозь еврейскими традициями». И потребовал подробного обсуждения проекта реформы в печати. В заключении Суворин посоветовал министру финансов заняться более «важными и насущными» делами: повышением благосостояния населения страны и развитием народного образования¹⁶.

26 марта в редакционной статье «Забытый рубль» был дан обзор писем читателей. Большинство было против девальвации, считая ее несправедливой мерой для кредиторов казны, придерживалось мнения, что она приведет к потрясениям в сфере денежного обращения, и называло ее «отобранием имущества у ни в чем не повинных людей». В статье утверждалось, что это мнение разделяет большинство населения. Признавая, однако, необходимость и неизбежность преобразования денежного обращения, ее автор заключал: «Вопрос сводится к тому, как лучше всего провести реформу... Лучше повременить, чем преподнести ее России в виде совершившегося факта... Суть реформы, ее пределы, цели должны выясниться в общественном сознании. Представителям всех интересов надо дать возможность высказаться»¹⁷.

Столкнувшись с твердой позицией суворинской газеты, Витте развернул в прессе кампанию с целью убедить общественное мнение в том, что избранный уровень фиксации курса для размена на золото не является девальвацией и именно этот уровень является оптимальным для экономики страны.

28 марта в «Торгово-промышленной газете», близкой к Министерству финансов, была опубликована статья «По поводу превратных толков о скрытой девальвации». В ней заявлялось: «Разрешение в стране сделок на золото, если бы оно и последовало, не только ничего общего со скрытой девальвацией не имеет, но даже представляет собой прямую льготу держателям русских кредитных билетов по отношению к основной нашей серебряной единице, обесценившейся вследствие причин мирового характера. Таким образом, ныне нет, и не может быть речи об уменьшении покупной цены кредитного рубля...»¹⁸

Эта статья была перепечатана и прокомментирована всеми крупнейшими столичными газетами. «Биржевые ведомости» писали: «В настоящее время можно говорить лишь о возможно продолжительной стабилизации курса, но никак не о девальвации...»¹⁹ Им вторили «Санкт-Петербургские ведомости»: «С точки зрения торгово-экономических интересов страны избранный уровень фиксации курса должен быть признан мерой наиболее безобидной»²⁰. «Русские ведомости» считали, что «одно разрешение сделок на золотую монету отнюдь не есть девальвация...»²¹ Даже консервативно настроенные «Московские ведомости» поддержали Витте: «Обсуждая вопрос о разрешении сделок на золотую валюту, мы уже не раз замечали, что нельзя отождествлять эту меру с девальвацией или отказом правительства от исполнения принятых им на себя обязательств»²². «Новости», обсуждая вопрос о сделках на золото, высказали смелую мысль, что «данная мера будет представлять верную почву для подготовки будущей замены кредитной валюты металлической»²³.

«Новое время» выступило против «Торгово-промышленной газеты», разъяснив свою позицию так: «Только замена серебряного и кредит-

ного рубля полным рублем золотом не будет девальвацией, всякая же другая расценка... не что иное, как девальвация, переоценка ниже нарицательной стоимости»²⁴. Защищая свою точку зрения, Суворин вступил в бурную и многословную полемику с редактором «Торгово-промышленной газеты» М.М. Федоровым. «Новое время» продолжало утверждать, что предлагаемая финансовым ведомством мера есть девальвация, которая приведет к дальнейшему обесценению рубля и, как следствие, – общему кризису в сельском хозяйстве и массовому разорению крестьян.

Со своей стороны, крупные столичные газеты публиковали новые статьи о необходимости разрешения сделок на золото, убеждая читателей, что это будет способствовать стабилизации и устойчивости финансовой системы, привлечению иностранного капитала в отечественное производство, увеличению золотого запаса страны. Они использовали аргументы, приводимые Министерством финансов в защиту проекта о введении сделок на золото. Некоторые издания прямо цитировали проект финансового ведомства, что свидетельствует об активных попытках Витте повлиять через газеты на общественное мнение.

И суворинская газета, и издания, поддержавшие Витте, прекратили полемику лишь после одобрения Государственным советом представления Министерства финансов о разрешении сделок на золото. Дальнейшая дискуссия по этому вопросу просто не имела смысла. При этом редакция «Нового времени» попыталась поставить точку в споре. 28 апреля в статье «Разрешение сделок на золото» речь Витте в Государственном совете истолковывалась так: разрешение таких сделок – не первый шаг к реформе и девальвации, а лишь «особая мера, ничего не предвещающая»²⁵.

В ходе обсуждения вопроса о разрешении сделок на золото многие газеты не только поддержали финансовое ведомство, но и высказали пожелания дальнейшего реформирования финансовой системы страны, считая предложенную меру лишь первым шагом на пути введения в России золотого монометаллизма. Такая трактовка официально отвергалась Витте. Он утверждал, что разрешение сделок на золото – лишь давно назревшая необходимость, что данное мероприятие не связано ни с какими далеко идущими последствиями в области денежного обращения. Тем не менее, можно предположить, что такую инициативу некоторые газеты проявили с ведома и согласия министра финансов, который, по-видимому, таким образом, пытался начать заблаговременную подготовку «общественности» к проведению денежной реформы.

В феврале–апреле 1896 г. дискуссия в печати вспыхнула с новой силой. Вызвало ее представление проекта реформы на рассмотрение Комитета финансов и Государственного совета. Витте предполагал с помощью газетной кампании и «мобилизованного» газетами общественного мнения повлиять на решение членов Государственного совета, в чьих руках в тот момент находилась судьба реформы. К формированию общественно-

го мнения Витте относился очень серьезно. Необходимо, он считал, не только довести до «общественности» и представить ей в лучшем свете проект реформы, но и максимально нейтрализовать любую критику, ставящую под сомнение успех преобразования. Задача усложнилась тем, что первый этап реформы (разрешение сделок на золото) затянулся и проходил не совсем гладко. Кроме того, возрастало негативное восприятие всей финансово-экономической политики Витте как в обществе, так и среди представителей политической элиты.

В феврале в «Санкт-Петербургских ведомостях» появились статьи о приближающейся денежной реформе. Они были подписаны «N.N.». И стиль, и содержание рождало предположение: под этими инициалами скрывается либо сам Витте, либо кто-то из его ближайших сотрудников, принимающих участие в разработке проекта реформы. В статьях говорилось о необходимости проведения реформы на основе золотого монометаллизма, о различных сторонах отрицательного воздействия на экономику страны бумажно-денежного обращения, о наличии в России необходимых финансовых параметров для осуществления реформы и, самое главное, о полной готовности Министерства финансов немедленно приступить к преобразованию денежной системы²⁶.

Сразу же, как по команде, с подобными публикациями выступили крупнейшие столичные газеты. Издатель-редактор «Биржевых ведомостей» С.М. Проппер писал: «В настоящую минуту наступило уже время, когда можно поднять вопрос о том, следует ли России перейти от системы бумажных денег к золотым...»²⁷ «Новости» считали, что «осуществление денежной реформы не встретит никаких особых затруднений» и «выбранный для этого путь является наиболее целесообразным...»²⁸

В конце февраля дифирамбы в адрес Витте и его финансовой политики усилились: причиной тому стал указ об очередном усилении разменного фонда на 75 млн рублей. «Московские ведомости», оценивая этот шаг, писали: «Едва ли когда финансовое положение России было настолько блестящим, как в настоящее время...»²⁹ «Русские ведомости», анализируя статистические данные количества золота, находящегося на счетах Государственного банка, Государственного казначейства и в разменном фонде, подсчитали, что кредитные билеты на 97,3 % имеют покрытие золотом. И высказали пожелание правительству приступить к размену в самое ближайшее время³⁰.

Между тем позиция суворинского «Нового времени» стала меняться.

Еще 10 января 1896 г. в газете появилась статья А. Головина. Анализируя доклад Витте о государственной росписи на текущий год, он писал: «Конечная цель всей теперешней финансовой системы – восстановление размена... что приведет лишь к девальвации, то есть к сильному потрясению всей нашей экономической жизни...»³¹ Несколько дней спустя редакция заметила, что не все мысли Головина она разделяет³². Тем не менее,

его статьи, опубликованные в «Новом времени» в первой половине февраля, также не отличались лояльностью к финансовой политике Витте. Редакция помещала их на первых полосах без всяких комментариев, тем самым соглашаясь с автором³³.

Перелом наступил 26 февраля, когда была опубликована редакционная статья «К денежной реформе», поддерживающая основные положения реформы³⁴. Так «Новое время» вошло в ряд активных защитников финансовой реформы. Хотя защита эта была по-суворински своеобразной: на страницах газеты продолжали появляться статьи оппонентов Витте, но теперь каждая из них сопровождалась разгромным редакционным комментарием, опровергающим все аргументы против реформы³⁵.

14 марта Витте представил на рассмотрение Комитета финансов проект «Об исправлении денежного обращения». А на следующий день в статье, появившейся в «Новом времени», сообщалось, что подготовка реформы закончена, и были представлены, со ссылкой на «официальные источники» основные принципы преобразования денежного обращения. В другой статье этого же номера указывалось, что сущность реформы – в переходе от бумажно-денежного обращения к металлическому, что это «огромный культурно-исторический шаг, не лишенный и политического значения»³⁶.

Со ссылкой на «Новое время» статьи, посвященные проекту реформы, появились во всех крупных изданиях. Обсуждение предлагаемых мер развернулось не только на страницах печати, но и в различных общественных собраниях. Более всего внимание газет и общественности привлекло обсуждение проекта денежной реформы в Вольном экономическом обществе. Происходило оно в III отделении общества 16, 19, 30 марта, 2 и 5 апреля³⁷.

Уже на первом заседании был определен круг вопросов, вокруг которых в дальнейшем велось обсуждение проекта: условия, необходимые для осуществления реформы, и последствия реформы для экономики страны. Речь шла о конкретных положениях, содержащихся в проекте: о девальвации, о серебряном, биметаллическом и бумажном обращении, об обеспеченности и выпуске кредитных билетов, о положении Государственного банка.

По мнению большинства участников заседаний, из-за пассивного расчетного баланса России результатом осуществления реформы будет «утечка» золота за границу, быстрое исчезновение его из Государственного банка, а затем из обращения, прекращение вследствие этого размена билетов на золото и новое падение курса бумажных денег.

Большие сомнения вызвало положение проекта реформы, касающееся обеспеченности и выпуска кредитных билетов, поскольку проект предполагал связать восстановление металлического обращения с дальнейшим выпуском кредитных билетов. По проекту реформы, эмиссион-

ная операция являлась прерогативой Государственного банка. Многие считали, что положение Государственного банка является самой слабой стороной проекта реформы: поскольку он является лишь «департаментом» Министерства финансов, то «эмиссионная операция не будет ограждена от произвольных действий финансовых органов. В результате будут сосуществовать и бумажные, и металлические деньги, и денежная реформа потерпит крах»³⁸.

С защитой министерского проекта реформы на заседаниях выступали чиновники финансового ведомства А.Н. Гурьев, В.И. Касперов и Л.Е. Рейнбот. Они безуспешно пытались убедить публику в том, что платежный баланс России вполне благоприятен, а размен на золото обеспечен в полной мере³⁹.

Столичные газеты публиковали выступления участников обсуждений с редакционными комментариями. Издания, поддерживающие Витте, всячески старались преуменьшить критику в адрес проекта и наиболее полно представить аргументы его защитников. Так, «Новости» полностью опубликовали доклад Касперова, а прения по нему печатали в виде кратких информационных сообщений⁴⁰.

Столичные газеты публиковали выступления участников обсуждений с редакционными комментариями. Издания, поддерживающие Витте, всячески старались преуменьшить критику в адрес проекта и наиболее полно представить аргументы его защитников. В конечном итоге, оценивая обсуждение реформы в Вольном экономическом обществе, влиятельные столичные газеты стали иронично отзываться о степени компетентности как докладчиков, критикующих реформу, так и публики, присутствующей на обсуждениях. «Петербургская газета» писала: «Кто-то назвал Вольное экономическое общество «общественным мнением», и общество должно заботиться о поддержании такой репутации... Врывательство же на заседание полусведущей улицы, которая восторженно аплодирует парадоксам Шарাপова или нелепостям Преображенского, едва ли сохранит эту репутацию»⁴¹.

В Министерстве финансов обсуждение проекта в Вольном экономическом обществе оценили критически. По мнению Гурьева, реформа не заслужила со стороны специалистов того внимания, которого она заслуживала. «Ни одно из возражений, которые были сделаны в столь общей форме, не было упущено Министерством финансов из вида при разработке этого вопроса; напротив, все они были рассмотрены и рассмотрены гораздо более детально. Если бы оппоненты направили свои возражения на те пункты вопроса, которые ускользнули из внимания при разработке законопроекта, или обосновали сделанные ими возражения более глубоко, то возражения эти, конечно, могли бы иметь существенное значение; в настоящем же своем виде они особенного значения иметь не могут»⁴².

Наряду с материалами, посвященными обсуждению реформы в Вольном экономическом обществе и других собраниях, во второй половине марта – апреле газеты печатали целые серии статей, подробно излагающих позицию Министерства финансов по проблеме преобразования денежного обращения. Такая практика была впервые опробована в «Санкт-Петербургских ведомостях» серией публикаций за подписью «N.N.» и впоследствии нашла применение на страницах «Нового времени» (пять статей Гурьева под общим названием «По поводу денежной реформы»)⁴³ и «Новостей» (редакционные статьи «Важность исправления денежного обращения»)⁴⁴.

Общественное обсуждение столь важного вопроса отнюдь не оказалось бесполезным. С одной стороны, Витте смог убедить в отсутствии более или менее достойной альтернативной программы преобразования денежного обращения. С другой – обсуждение помогало внести некоторые коррективы в тактику защиты проекта при обсуждении его в Государственном совете.

Тем не менее, итоги обсуждения реформы были неутешительны для Витте: ему не удалось с помощью прессы и публичных обсуждений «мобилизовать» общественное мнение в свою поддержку. И тем более – положительно повлиять на результат решения по проекту в Государственном совете. Скорее наоборот: общественный резонанс, вызванный предстоящим преобразованием денежной системы страны, был отрицательно воспринят членами Государственного совета, а приводимые оппонентами Витте доводы против реформы выглядели для них более убедительно, чем аргументы Министерства финансов⁴⁵.

Витте изменил тактику. Не чувствуя широкой общественной поддержки, не сумев провести реформу одним законом, министр финансов решил реализовать ее основные положения постепенно, через указы императора. В течение 1897 г. в стране поэтапно происходило преобразование системы денежного обращения на принципах золотого монометаллизма. Витте считал, что лишняя шумиха вокруг реформы может принести ей только вред. Поэтому проправительственная пресса очень скупо освещала мероприятия по преобразованию денежной системы. Большинство материалов, посвященных этой теме, сводилось к небольшим информационным сообщениям об очередном указе, касающемся финансовой сферы. Редакционные комментарии, если они и были, содержали мажорный тон при оценке деятельности Витте.

Например, «Биржевые ведомости» так отреагировали на указ 3 января 1897 г.: «Фактически, реформа денежного обращения, связанная с именем нынешнего министра финансов С.Ю. Витте, может считаться завершенной»⁴⁶. «Московские ведомости», со своей стороны, высоко оценили закон об эмиссионной операции 29 августа 1897 г.: «Этим законом впервые устанавливается в России стройная, основанная на взаимодей-

ствии между золотом и кредитными билетами, система денежного обращения»⁴⁷.

В это время среди печатных изданий сильно выделялась еженедельная газета «Русский труд», крайне националистическое и антисемитское издание Шарапова. Первый номер «Русского труда» вышел 19 января 1897 г., и вплоть до закрытия газеты в 1899 г. она являлась самым бескомпромиссным критиком денежной реформы Витте. Наибольшим нападкам газета подвергала финансовую политику правительства именно в 1897 г. и даже получила за свои критические публикации в течение этого года два предупреждения министра внутренних дел⁴⁸.

Таким образом, готовя реформу денежного обращения, Министерство финансов в значительной мере само инициировало обсуждение ее основных направлений, а затем активно участвовало в этом обсуждении. Воздействуя на прессу, отрядив своих представителей для участия в публичных обсуждениях, Министерство финансов пыталось направить обсуждение вопроса о преобразовании денежной системы в нужное русло и заручиться поддержкой общественного мнения во внутриправительственной борьбе вокруг реформы. Однако различные теории противников золотого монометаллизма находили поддержку как среди «общественности», так и в правительственных сферах. Влиятельные представители консервативных кругов видели в стабильной денежной системе, основанной на золоте, не только угрозу своим экономическим интересам и потерю дополнительной курсовой прибыли от экспорта, но и важнейший элемент западной модели модернизации России, против которой они активно выступали. Либеральная общественность критически оценивала любые действия правительства, в том числе и политику в сфере денежного обращения. Ситуация осложнялась внутриправительственной борьбой, в которой Министерство финансов и его руководители имели влиятельных противников среди высшей бюрократии. В это время сторонники золотого монометаллизма представляли собой немногочисленную группу высококвалифицированных экономистов-теоретиков, тесно связанных в своей профессиональной деятельности с Министерством финансов.

Столкнувшись с резкой критикой своей политики со стороны как консервативных, так и либеральных кругов, Витте и руководимое им Министерство финансов вынуждено было постараться свести это обсуждение к минимуму и проводить денежную реформу, игнорируя «общественное мнение» и опираясь на поддержку исключительно самодержавной верховной власти.

Примечания

¹ Кауфман И.И. Теория и практика банковского дела. Т. 1. Кредит, банки и денежное обращение. СПб., 1873 ; *Он же*. Неразменные бумажные деньги в Англии.

СПб., 1877; *Он же*. Серебряный рубль в России. СПб., 1910; *Он же*. Бумажные деньги в Австрии, 1762–1911. СПб., 1913; и др.

² Миклашевский А.Н. Деньги: Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895; *Он же*. Денежный вопрос в литературе и в явлениях действительной жизни. СПб., 1896.

³ Гурьев А.Н. Реформа денежного обращения. СПб., 1896; *Он же*. Денежное обращение в России в XIX столетии: Исторический очерк. СПб., 1903.

⁴ Бурлачков В.К. Теория реформы и реформирование теории (развитие теории и практики денежной системы) // С.Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов. Т.3. Кн. 2. М., 2007. С. 101–104.

⁵ См.: Власенко В.Е. Денежная реформа в России, 1895–1898. Киев, 1949. С. 127–128.

⁶ См. подр.: Бутми Г.В. Золотой монометаллизм и его значение для России. СПб., 1897; *Он же*. Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1903 гг. СПб., 1904; Оль П. Мнимое перепроизводство серебра: Доклад Обществу для содействия Русской Промышленности и Торговли 29 апреля 1898 г., сделанный С. Шараповым. СПб., 1898; Рафалович Л.А. Что говорят против биметаллизма. СПб., 1896; Слонимский Л.З. Финансовые задачи: Золото или серебро? // Вестник Европы. 1895. № 7. С. 623–658; *Он же*. Споры о денежной реформе // Вестник Европы. 1895. № 8. С. 689–721; и др.

⁷ См. подр.: Шинов А.П. О средствах к устранению наших экономических и финансово-вых затруднений. СПб., 1866; Шавров Н.А. О причинах современного финансового состояния России и о средствах улучшения последнего. СПб., 1882; Красильников А.А. Объяснение причин успеха Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения. СПб., 1882; Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.

⁸ См. подр.: Власенко В.Е. Теории денег в России. Конец XIX – дооктябрьский период XX века. Киев, 1963. С. 33–42; Базулин Ю.В. Двойственная природа денег: Русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2005; и др.

⁹ Шарапов С.Ф. Бумажный рубль. СПб., 1895. С. 4, 8–10.

¹⁰ См. подр.: Лаврычев В.Я. Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX века // История СССР. 1972. № 1. С. 37–39.

¹¹ Торгово-промышленная газета. 1895. 5 марта.

¹² Биржевые ведомости. 1895. 6 марта.

¹³ Новое время. 1895. 6 марта.

¹⁴ Новое время. 1895. 14 марта.

¹⁵ Новое время. 1895. 16 марта.

¹⁶ Новое время. 1895. 20 марта.

¹⁷ Новое время. 1895. 26 марта.

¹⁸ Торгово-промышленная газета. 1895. 28 марта.

¹⁹ Биржевые ведомости. 1895. 29 марта.

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 31 марта.

²¹ Русские ведомости. 1895. 14 апр.

²² Московские ведомости. 1895. 16 апр.

²³ Новости. 1895. 2 апр.

²⁴ Новое время. 1895. 29 марта.

²⁵ Новое время. 1895. 28 апр.

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 14, 15, 20, 22, 29 февр.

²⁷ Биржевые ведомости. 1896. 12 февр.

²⁸ Новости. 1896. 18 февр.

²⁹ Московские ведомости. 1896. 28 февр.

- ³⁰ Русские ведомости. 1896. 26 февр.
- ³¹ Новое время. 1896. 10 янв.
- ³² Новое время. 1896. 11 янв.
- ³³ Новое время. 1896. 5, 15 февр.
- ³⁴ Новое время. 1896. 26 февр.
- ³⁵ См. подр.: *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.
- ³⁶ Новое время. 1896. 15 марта.
- ³⁷ См.: Денежная реформа: Свод мнений и отзывов. СПб., 1896; Реформа денежного обращения: Доклады и прения в III Отделении ВЭО. Стенографический отчет. СПб., 1896.
- ³⁸ Денежная реформа... С. 222–232.
- ³⁹ Денежная реформа... С. 232–248.
- ⁴⁰ Новости. 1896. 2, 5 апр.
- ⁴¹ Петербургская газета. 1896. 6 апр.
- ⁴² *Гурьев А.Н.* Реформа денежного обращения в России. С. 136.
- ⁴³ Новое время. 1896. 15, 17, 19, 22, 27 марта.
- ⁴⁴ Новости. 1896. 19, 22, 24, 27 марта.
- ⁴⁵ См.: *Мельников М.В.* Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете в 1896–1897 годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 131–138.
- ⁴⁶ Биржевые ведомости. 1897. 5 янв.
- ⁴⁷ Московские ведомости. 1897. 5 сент.
- ⁴⁸ *Конягин М.Ю.* С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 45–58.

М.С. Чудакова

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ (1907–1917 гг.)

До начала XX в. русская политическая полиция применяла в основном наружное наблюдение и перлюстрацию. Возникновение массового революционного движения, а затем и политических партий вызвало необходимость создания широкой агентурной сети.

Многие деятели политического сыска осознали тогда важность постановки секретной агентуры: С.В. Зубатов, Г.М. Трутков, П.И. Рачковский. Последний в записке «Об условиях деятельности русской политической полиции» отмечал, что необходимо немедленно «приступить к правильной организации внутренней агентуры, чтобы этим способом

учредить рациональный и вполне достигающей своей цели надзор за оппозиционными элементами в столицах и во всех выдающихся культурных центрах империи. Таким образом Департамент полиции будет получать точные и всесторонние сведения о положении революционного движения из всех пунктов, и розыскная деятельность не будет основана только на удаче, как до сих пор, но приобретет строгую систему»¹.

В феврале 1907 г. Департамент полиции МВД разослал подведомственным розыскным учреждениям два документа, в которых излагались формы и методы работы политического розыска по изобличению государственных преступлений – инструкции по организации наружного (филерского) и внутреннего агентурного наблюдения. Они окончательно положили в основу политического сыска России использование агентуры «внутреннего осведомления», а наружному наблюдению отвели вспомогательную роль.

Агентов «внутреннего осведомления» часто вербовали в среде арестованных. К одним подсаживали своего сотрудника, который, войдя в доверие, склонял к откровенным показаниям². Других заинтересовали материально или, при наличии компрометирующих материалов, возвращением свободы. На третьих воздействовали убеждениями, используя идейные разногласия с товарищами по партии. Больше всего подходили привлекавшиеся или подозревавшиеся по политическим делам, одинокие, находившиеся в тяжелых материальных условиях, а также самовольно возвратившиеся из ссылки. Начальник Московского охранного отделения П.П. Заварзин полагал: «Самым надежным сотрудником для розыска является тип беспартийный, проводимый в обследуемую среду через ее организации постепенно, начиная от низшей к высшей»³.

Человека, намеченного к вербовке, секретно задерживали на улице, доставляли к заведующему розыском для беседы. Эту задачу выполняли филеры. К такому способу прибегали в случаях, когда имелись достаточные улики для его дальнейшего задержания. Если достичь соглашения не удавалось, то органы сыска считали целесообразным ликвидировать всю группу.

«Сотрудничество, – отмечал А.И. Спиридович, – явление сложное; причины, толкающие людей на предательство своих близких, знакомых, часто друзей – различны. Они должны быть или очень изменны или наоборот, очень высоки»⁴. Инструкция предусматривала использование и тех, кто «будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и, хотя не изменяют коренным образом своих убеждений, ради денег берутся просто продавать своих товарищей»⁵. Спиридович писал: «Получать несколько десятков рублей в месяц за сообщение два раза в неделю сведений о своей организации – дело нетрудное, если совесть позволяет»⁶.

Однажды «сознательный бундист» явился к Спиридовичу с кипой прокламаций и объяснил, что более двух месяцев разносит литературу по

районам, а комитет не выполнил обещания купить ему калоши. «Обозленность его на обман с калошами была так велика, что я, прежде всего, подарил ему именно новые калоши, – писал Спиридович. – И проваливал же он потом своих сотоварищей, проваливал с каким-то остервенением. Вот что наделали калоши»⁷.

Главную роль в «освещении» нелегальной деятельности различных партий и организаций охранка отводила своим секретным сотрудникам – агентам «внутреннего осведомления». Инструкция предписывала начальникам охранных отделений иметь агентов в каждой революционной группе, существующей в данной местности, причем нескольких в одной организации. Этим решалась и задача проверки достоверности сведений, поскользнувшись на которых не знали о существовании друг друга. Полковник фон Антониус в сентябре 1913 г. информировал начальника Московского охранного отделения о социал-демократической организации Ярославля: «По вновь поступившим агентурным сведениям, добытая рабочим Андреем Звездовым через типографов табачной фабрики Вахрамеева «Феникс» масса оказалась непригодной для гектографа», массу будут готовить в домашних условиях с помощью рабочего свинцово-белильного завода Дунаевых А.А. Ярчукова. И самое важное: «Разработка приведенных сведений продолжается путем перекрестного внутреннего наблюдения»⁸.

Способы вербовки в секретные сотрудники были аналогичны способами приобретения внутренней агентуры в целом. Находились такие, кто становились агентами по собственной воле, предлагая свои услуги охранке. Мотивы в таких случаях были различны: от мести, материальных факторов до «идейных» причин. Исключением были изъявившие желание стать секретным сотрудником с целью тайной помощи революционным организациям. Заварзин свидетельствовал: «Предлагали свои услуги для секретной работы лица, в действительности подосланные обследуемым лагерем в розыскное учреждение для его дезорганизации, разведки и даже совершения убийств руководителей розыскным делом»⁹. Однако это не всегда можно было реализовать, так как органы политического сыска проверяли кандидатов на такую работу.

Так, начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления в марте 1914 г. сообщал о сыне московского купца Б. Герцыке, «известном своей политической неблагонадежностью»: «Проживавший долгое время за границей, намерен предлагать розыскным учреждениям услуги в качестве секретного сотрудника, дабы таким путем в действительности оказывать содействие преступным организациям»¹⁰. Попытка Герцыка предложить свои услуги начальнику С.-Петербургского охранного отделения провалилась. Вероятно, жандармы получили сведения о подлинных намерениях Герцыка от секретного сотрудника или осведомителя заграничной агентуры.

Однако очень часто «недобросовестность» секретного сотрудника выяснялась после проведения операции. Так произошло с агентом «Афа-

насьевым». От начальника Самарского губернского жандармского управления полковника Боброва в мае 1907 г. были получены сведения о складе оружия. Центральное районное охранное отделение¹¹ отреагировало немедленно, известив Департамент полиции: «Ввиду сообщения полковника Боброва о предстоящем выезде из Саратова, Сызрани и Самары многих революционеров в Кинешму для разборки склада оружия прошу полковника Боброва сопровождать едущих со сказанной целью лиц филерами, передавая их в Нижнем ротмистру Трещенкову... Командирую своих филеров в Кинешму. Ликвидировать будет полковник Мочалов (Начальник Костромского губернского жандармского управления. – М. Ч.)»¹². В свою очередь подполковник Бобров доносил начальнику Московского охранного отделения о том, что в Кинешме находится и секретный сотрудник «Афанасьев», давший эти сведения¹³. Однако 15 июня Мочалов телеграфировал в Департамент полиции: «Склад оружия в районе Кинешмы в настоящее время не обнаружен. Приезда каких-либо лиц наружным наблюдением не установлено. Секретного сотрудника под псевдонимом «Афанасьев» в Кинешме не оказалось»¹⁴. 28 июня в Костроме был арестован казанский мещанин П.П. Глузман, «сотрудничавший под псевдонимом “Афанасьев” по подозрению его в политическом шантаже»¹⁵. Чуть позже начальником Костромского жандармского управления было сообщено начальнику Московского охранного отделения, что сведения того же сотрудника о вынесении Московским областным комитетом (неведомой партии) смертного приговора управляющим фабрики Разореновых Грибкову и Устинову, являются вымышленными¹⁶.

Основанием для проверки полученных от агента сведений обычно служили: длительность и качество его работы на местное жандармское управление или охранное отделение, уровень его информированности (зависел от положения в организации), а также данные о его недобросовестности во время работы его в другом органе политического сыска. «Последнему обстоятельству, – отмечал Департамент полиции в депеше от 27 января 1914 г., – не все розыскные учреждения придают серьезное значение». «В сообщениях о политической неблагонадежности, – отмечалось далее, – часто указываются в качестве достоверных такие сведения, которые, будучи получены от недобросовестного сотрудника и являясь в действительности вымышленными, могут незаслуженно нанести серьезный и непоправимый вред служебному и общественному положению неблагонадежных»¹⁷.

«Особенно опасны секретные сотрудники, уличенные в недобросовестной службе по розыску. Знакомые с требованиями розыска, они начинали шантажировать и систематически лгать», – отмечал в своих воспоминаниях Заварзин¹⁸. Об агентах, утративших доверие, розыскных учреждениях обменивались информацией¹⁹. В картотеке, составленной ОГПУ в 1949 г. по архивным документам Костромского губернского жандармского уп-

равления, из 99-ти секретных сотрудников органов политического сыска губернии не заслуживающими доверия числились 38 человек²⁰.

Между розыскными учреждениями постоянно происходил обмен агентами, которые по каким-либо причинам не могли продолжать работу в конкретной местности. Например, в случае провала. Так, начальник Пензенского губернского жандармского управления обратился в январе 1908 г. с просьбой к ярославскому коллеге устроить секретного сотрудника «Петухова», выехавшего в Ярославль: «Он намеревается явиться к Вам с предложением услуг... Оказавший ценные услуги в Пензе, причем по его сведениям была успешно выяснена и ликвидирована группа партии, сотрудник «Петухов» ныне, вследствие своего пошатнувшегося положения в партии, вынужден оставить г. Пензу»²¹.

Начальник Костромского губернского жандармского управления просил усилить штат агентов наружного наблюдения путем взаимного обмена. Однако особо отмечал при этом: «Филеры из Ярославля все провалены, а потому благодаря близости и частоте сношений наблюдаемых Ярославль–Кострома, едва ли здесь будут полезны»²².

Полнота добываемой агентом информации зависела от степени доверия к нему со стороны «товарищей по партии». А доверие зависело от поведения самого агента. Начальник Тверского губернского жандармского управления генерал Шлихтинг писал: «Некоторые из агентов не вполне правильно сознают свои роли по секретному розыску. В некоторых случаях выказывают свое враждебное отношение лицам, сочувствующим революционным идеям». В результате такого поведения они «представляют из себя нечто вроде стражников и урядников». В общении с противоправительственным элементом сотрудники должны «показывать вид, хотя и молча, что они их не противники, в целях заручиться доверием»²³.

На основе собеседования с секретным сотрудником жандармский офицер составлял агентурные записки. В целях конспирации агенты подписывали свои донесения псевдонимами, а в агентурных записках упоминались наряду с остальными революционерами в третьем лице. Однако далеко не всегда такой порядок соблюдался, и за этим ревностно следил Департамент полиции: «Имеются сведения об отсутствии самой примитивной конспирации в постановке внутренней агентуры, секретные сотрудники значатся действительными именами в бумагах, ходящих по рукам в канцеляриях. Они известны не только всем окружающим, но даже филерам, которым сотрудники указываются для облегчения наблюдения. Такая обстановка привела уже к провалам и нетерпима. Требую немедленного изъятия из дел, безусловно, всех следов со сведениями о действующих внутренних агентах и об их кличках». Начальникам охранных отделений и губерnskих жандармских управлений предписывалось держать такие документы у себя, «а при назначении наружного наблюдения не обнаруживать службу сотрудников. Конспиративная квартира не должна

быть известна никому, кроме вас и ближайшего помощника. Охраняться же она может при надобности только самими избранными филерами»²⁴.

Секретных сотрудников ценили и берегли, снабжая – при необходимости скрыться – паспортами, указывая безопасное место жительства. Об опасности пренебрежительного отношения к жизни сотрудников многократно предупреждали руководители учреждений политического розыска²⁵. Спиридович отмечал, что у любого, даже самого преданного сотрудника, наступает переломный момент, когда у него возникает желание покаяться и искупить свою вину: «Здесь у сотрудника зарождалась мысль отомстить жандармскому офицеру за свое падение, хотя в большинстве случаев последний не был в том повинен. Этот момент неминуемо наступал у каждого сотрудника, исключая действительных идейных». Он рекомендовал не только поддерживать сотрудника, вывести его из революционной среды, но и устроить вдали от политики. «Последствия же промедления в данном деле, – свидетельствовал он, – были тяжелы» Заподозренным в предательстве революционеры ставили условия искупить вину путем участия в терроре. Так стреляли в полковника Коттена, так были убиты полковник Карпов и подполковник Судейкин. «Работа по секретной агентуре, – подчеркивал Заварзин, – требует постоянной сосредоточенности, наблюдательности и особой предусмотрительности»²⁶.

Помимо агентов внутреннего наблюдения в штате жандармских управлений и охранных отделений состояли агенты наружного наблюдения – филеры и надзиратели. Инструкция Департамента полиции 1907 г. определяла филерство как одно из средств негласного расследования посредством наблюдения за лицами, причастными к революционному движению. Указывалось, что штат внутренней и внешней агентуры должен работать взаимосвязано, хотя «филеры ни под каким условием не должны знать лиц, состоящих секретными сотрудниками, и – наоборот»²⁷.

Работа внутренней агентуры не была бы такой эффективной без наружного наблюдения. И наоборот: последнее устанавливалось чаще всего именно по «указанию» секретного сотрудника. Важность бережного отношения к филерским кадрам всегда подчеркивалась в циркулярах Департамента полиции: «Провал филеров не только парализует разработку поступающих агентурных указаний, но ввиду тесной связи наружного наблюдения с агентурными сведениями, приводит к разоблачению личного состава внутренней агентуры, отнимая таким путем у розыскного учреждения средства для ведения политического розыска»²⁸.

Для усиления состава агентов наружного наблюдения начальникам губерnskих жандармских управлений вменялось в обязанность выбирать лучших унтер-офицеров запаса не старше 30 лет²⁹. Преимущество отдавалось лицам, окончившим военную службу в год поступления на филерскую. Филерами не могли быть лица польской и еврейской национальности. Подготовка их велась при тех охранных отделениях, где наиболее четко

была поставлена служба наружного наблюдения. Ярославское было одним из таких³⁰.

Высокие требования предъявлялись и к личным качествам филера³¹. Он должен быть «благонадежным, трезвым, смелым, откровенным, но не болтуном, дисциплинированным, сознательно относящимся к делу, крепкого здоровья, с хорошим зрением, слухом и памятью, такой внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы». Так, в 1907 г. в Ярославском охранном отделении состояло на службе 6 вольнонаемных филеров из числа унтер-офицеров³². Тогда же в штате Костромского губернского жандармского управления было всего 3 агента наружного наблюдения³³, в 1913 г. – 14 унтер-офицеров, 7 из которых были филерами³⁴.

Успешное ведение слежки предполагало наличие у филера определенного минимума знаний: «что такое государственное преступление, что такое революционер, несостоятельность учений революционных партий, задачи филерского наблюдения». «Известны случаи, – отмечалось в инструкции Департамента полиции – когда наружные агенты являлись на революционные сходки и заседания, но, не умея говорить, а также, будучи совершенно незнакомы с программой партии, проваливались и даже платились жизнью»³⁵. Желательным считалось привлечение к службе лиц «интеллигентных, с образованием и людей, основательно осведомленных как с программами политических партий, так и с особенностями деятельности отдельных членов их». Филеру указывалось, что «совокупность безусловных точных, передаваемых им сведений, ведет к успеху наблюдения, тогда как искажение истины в докладах и, в особенности, стремление скрыть неудачи в его работе наведут на ложный след и лишат филера возможности отличиться»³⁶. Он должен знать не только все районы города, но и время работы предприятий, форменную одежду чиновников и учащихся³⁷.

Инструкция 1907 г. предписывала ознакомить филеров со всей наблюдаемой группой. Это давало возможность не только «иметь понятие о важности того или иного лица в наблюдении» (увидев серьезного наблюдаемого без сопровождения, они могли оставить свой пост как «менее важный» и «взять его в наблюдение для передачи потерявшим филерам»), но и «скрыть себя от случайно проходящего одного из них». Филера не должны были знать в лицо, именно поэтому инструкция запрещала встречаться с наблюдаемым глазами, «ибо глаза были самыми запоминающимися»³⁸. Особенно важно это было для небольших городов, где филеры становились быстро известны.

Большое внимание уделялось выбору места наблюдения, поведению и одежде филера. Было издано специальное «пособие» о применении грима³⁹.

Наиболее «интересные для наблюдения лица» включались в сводку данных наружного наблюдения. На основе этих данных составлялась картограмма. Имея ее, заведующий секретной агентурой должен был ввести в круг знакомств наблюдаемых 1–2 сотрудников. Тем самым наружное

наблюдение превращалось во внутреннее. Показательна «Сводка результатов наблюдения в Ярославле по группе Северного комитета РСДРП с 1 декабря 1904 г. по 1 января 1908 г.». В поле зрения жандармов попало 205 человек. Путем слежки за «Резвой» (Н.А. Дидрикиль) было выявлено 27 членов комитета, за «Пушкинской» (?) – 23 человека⁴⁰. При этом агентурным путем было выявлено 14, взято под наблюдение после сходки – 4.

Руководители местных учреждений розыска, заинтересованные в эффективной работе филеров, высказывали свои идеи по совершенствованию наружного наблюдения. Начальник Ярославского губернского жандармского управления полагал, что наибольшую пользу может принести наблюдение, организованное в крупных городах, а «в незначительных губерньских большей частью дает отрицательный результат» и влечет за собой провалы внутренней агентуры. Он отмечал нежелательность частой смены агентов, поскольку «новые должны ознакомиться с городом, на что должно быть потрачено немало времени»⁴¹. Не случайно во время упразднения Ярославского охранного отделения в 1913 г. решили «контингент филеров освежить, так как они сделались известными наблюдаемому элементу и с пользой для дела работать не могут»⁴².

И все же, несмотря на все принимаемые меры, провалы агентов наружного наблюдения были не редки. «Масса раненых, замученных и убитых филеров во время повседневной службы не останавливала их сослуживцев от продолжения работы с явной опасностью для жизни», – вспоминал Заварзин⁴³. Департамент полиции анализировал причины неэффективной работы филеров, информируя о своих выводах местные органы сыска путем издания циркуляров и инструкций⁴⁴. Они объяснялись, во-первых, недостатком средств для конспирации (например, подходящих костюмов для каждого отдельного случая и принадлежностей грима). Большинство филеров на собственные средства могли приобрести не более одного сезонного костюма, в котором и выходили ежедневно на службу, обращая на себя внимание не только революционеров, но и городских обывателей. Они становились заметными из-за неправильного выбора места наблюдения (например, улицы, где обычно никто не ходит), неадекватной обстановке или одежде поведения, пренебрежения (или незнания) правил конспирации.

К провалам вели незнание филерами программ политических партий и организаций, их уставов, а также неумение поддерживать разговор, беседе вследствие низкого образовательного уровня. Проникая на революционные сходки, они быстро выдавали себя.

Наконец, провалы часто становились результатом несогласованности действий охранного отделения и общей полиции: они часто не только не помогали друг другу в политическом сыске, но и умышленно вредили своему сопернику. Типичен, например, следующий факт: полиция прислала повестки для явки в суд ярославским филерам Кузнецову и Рачкову,

в которых были точно указаны место их службы и звание. Но если Кузнецов жил под своим именем (поэтому вручение ему такой повестки имело некоторое оправдание), то попытка вручить ее Рачкову, проживавшему по подложным документам, было грубой ошибкой. Хуже того: не обнаружив Рачкова на месте жительства в Ярославле, полиция обратилась за справками к родственникам (а по правилам, заведенным в охранном отделении, семья филера не должна была знать о его занятии). В результате, полиция «провалила» не только нелегальную квартиру филера, но и его самого⁴⁵. При этом оба филера находились в отделении на хорошем счету, считались наиболее опытными.

Часто местная полиция «подводила» и агентов наружного наблюдения, присланных из столицы и губернских городов. Так, в марте 1910 г., в Ярославское охранное отделение пришла депеша, в которой описывался подобный случай. При командировке в один из уездных городов филеры, несмотря на предъявленные по первому же требованию местной полиции агентурные карточки, подверглись преследованию со стороны пристава. Последний, собрав своим криком толпу, потребовал объяснений, кто они и с какой целью прибыли. Позже местная полиция подняла шум в номере гостиницы, где жили приезжие филеры. В результате последние были вынуждены покинуть город⁴⁶.

В целях предотвращения подобных провалов Департамент полиции и Центральное районное охранное отделение указывали на нежелательность привлечения филеров в качестве свидетелей по делам, производившимся жандармским управлением. В инструкции, датированной 1916 г., уточнялось, что наблюдательные агенты могут быть допрошены в качестве свидетелей «не иначе, как в помещении того розыскного учреждения, где таковые агенты состоят на службе»⁴⁷. Особо подчеркивали недопустимость занесения в протокол сведений о служебном положении и деятельности агентов, а также обстоятельств, касающихся способов наружного наблюдения⁴⁸. В том же 1916 г. Департамент полиции отмечал в своем циркуляре: «При допросе наблюдательных агентов, безусловно, не допускать предъявления им со стороны лиц, производящих дознание, требований объяснения... возможных отношений их к внутренней агентуре, а равно и объяснений, касающихся их служебного положения». Допрос наблюдательных агентов мог производиться только в том случае, если обвинения строились исключительно на их показаниях. Надобность в нем отпадала, когда «сопровожаемое ими лицо разыскивалось по циркуляру Департамента полиции»⁴⁹. Последний в циркулярах предписывал местным органам сыска проводить соответствующую работу с чинами общей полиции, так как нередко прибывшие на место агенты наружного наблюдения не имели при себе документов.

Значительную помощь в наружном наблюдении оказывала и вторая категория агентов – надзиратели (околоточные и вокзальные). Их обязан-

ности заключались в сборе сведений от гостиничной прислуги, горничных, дворников. Так наблюдением охватывались не только улицы города, но и вокзалы, гостиницы, жилые дома.

Департамент полиции отмечал в 1907 г., что благодаря умело поставленному наружному наблюдению, «порой без помощи внутренней агентуры», ему «оказалось по плечу раскрытие опаснейших предприятий революционных кружков, ликвидации тайных типографий. Такие плодотворные результаты получены в результате обучения и умственного развития филеров». Особенно большое внимание этому стало уделяться после 1907 г. Число агентов наружного наблюдения резко возросло. Во всей империи их насчитывалось около 700⁵⁰. По свидетельству же Заварзина, в России было чуть более 1 000 агентов наружного наблюдения, их число в губерниях колебалось от 6 до 40. В обеих столицах ежедневно на службу выходили от 50 до 100 агентов⁵¹.

Помимо штатных секретных агентов, охранка имела и внештатных сотрудников – осведомителей, «боковых» и вспомогательных агентов. Внештатными осведомителями являлись лица, «освещавшие» изнутри деятельность какой-либо партии и организации либо сообщавшие о настроениях рабочих и служащих по месту работы, службы или учебы доносителя. Некоторые осведомители давали сведения не систематически, за что получали разовое вознаграждение, – их называли «штучниками». Зубатов ценил их невысоко: «“Штучников” гоните прочь, это не работники, это – продажные шкуры»⁵². Но гнали их далеко не всегда.

Осведомителями становились как по собственной воле, так и по принуждению со стороны органов сыска. Секретные агенты, внедренные в революционную организацию или завербованные, извещали заведующего розыском о колеблющихся, не имевших твердой позиции ее членах. Таким чином охранного отделения предлагали осведомительством искупить свою вину. Осведомителями становились люди нетвердых политических убеждений, слабые психологически. Или, напротив, горячие сторонники существующего порядка: те, кто по каким-либо причинам желал «искупить вину» перед властью.

Если вербовка удавалась, то данная организация еще функционировала некоторое время, пока с помощью нового осведомителя уточнялся ее состав. Затем при ликвидации осведомитель либо покидал город под благовидным предлогом, либо ненадолго арестовывался вместе со всеми. Как «опытный сотрудник» организации он, как правило, становился членом инициативной группы по восстановлению прежних связей. Таким образом, изначально новая организация контролировалась охранкой. Осведомитель, работавший в революционной организации до ее ликвидации, чаще всего обращался к вновь созданной группе с просьбой перевести его в другую организацию. Осведомителя кооптировали в вышестоящий комитет (городского или губернского уровня). После ликвидации все

повторялось сначала (если, конечно, подпольщикам не удавалось разоблачить агента).

«Противоприветственные сообщества», таким образом, все более и более оказывались охваченными системой агентурного наблюдения. В отличие от штатных секретных сотрудников такой агент всегда имел постоянное место работы, и осведомление не являлось для него основным источником существования.

«Боковые» агенты не состояли в партийных организациях, но соприкасались с ними. Появление такого вида агентов вызывалось прежде всего трудностями проникновения в подпольную партийную организацию со стороны. Работать «боковой» агент мог значительно дольше, годами не вызывая подозрений. Чаще всего это были владельцы конспиративных квартир, закусовых, где собирались революционеры, а также посредники в отношениях между организациями.

Вспомогательные внештатные агенты либо жили преимущественно в сельской местности, либо служили в гостиницах и меблированных комнатах. Инструкция 1907 г. предусматривала «приобретение» таких агентов в городах и селах, в которых «в текущее время наиболее возможно ведение и восприятие политической пропаганды». «Секретных агентов надлежит подыскивать станковым приставам лично или через особо доверенных лиц и способных чинов вверенной им полиции». Особое внимание обращалось на людей, «которым по их развитию, способностям, занятиям и положению имели возможность следить за жизнью и настроениями народных масс (чины почтового ведомства, фельдшеры)»⁵³.

О лицах, желавших работать в качестве вспомогательных агентов, наводились справки в губернском жандармском управлении. Принятым на службу следовало «внушать быть строго правдивыми при передаче сведений, так как каждое сведение будет подвергнуто проверке». Агенту давалась кличка, которой он подписывал донесения и расписки в получении денег. Каждые два-три месяца, а также в особо важных случаях, он должен был иметь личное свидание с чинами полиции. Таким агентам не рекомендовалось определять постоянное жалование: «За сведения, которые при проверке окажутся основательными и полезными, им будет выдаваемо вознаграждение от 1 до 15 рублей»⁵⁴.

Такие агенты «приобретались» из среды местных конторщиков, дворников, паспортистов, швейцаров и другой гостиничной прислуги. Связь с ними поддерживал, как правило, участковый надзиратель⁵⁵. Особое внимание уделялось наблюдению за домами. Ярославское губернское жандармское управление требовало, чтобы количество вспомогательных агентов в уездах не превышало 10-ти⁵⁶. Но в Романово-Борисоглебском уезде их было 42, в Мологском – 28. Число вспомогательных агентов постоянно росло. К 1912 г. при Ярославском губернском жандармском управлении их состояло уже 49⁵⁷.

В 1917 году Новоторжский уезд Тверской губернии обслуживался 17 агентами, из которых трое давали сведения по городу и 12 по волостям. Не имели собственной агентуры 6 волостей из 18-ти. Два агента обслуживали Каменскую писчебумажную фабрику⁵⁸. Общее руководство полицейскими чинами в уездах по «приобретению» ими вспомогательной агентуры принадлежала исправнику.

Однако доносительство частных лиц не приветствовалось. Департамент полиции предупреждал местные учреждения розыска о том, что в случае, если факты ничем, кроме доноса, не подтверждаются, требуется «проверять негласным путем основательность обвинения». К дознанию следовало приступать только при условии подтверждения первоначальных сведений негласной проверкой. С особенным вниманием следовало отнести к изучению доносов на людей, «занимающих известное общественное или судебное положение». То же относилось к доносам рабочих на хозяев, подчиненных на начальников. Требовалось «всегда принимать меры к выяснению, не кроется ли причина доноса в личных отношениях заявителя к оговариваемому»⁵⁹.

Таким образом, в последнее десятилетие существования русского самодержавия секретная агентура стала важнейшей составной частью системы тайного политического сыска в России. На основе ее информации изменялся механизм деятельности карательно-розыскного аппарата, система слежки, реорганизовывались его органы.

Примечания

¹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 196.

² *Агафонов В.К.* Заграничная охранка. Петроград, 1918. С. 187.

³ *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 418.

⁴ *Спиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 193.

⁵ *Агафонов В.К.* Указ. соч. С. 196.

⁶ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 193–194.

⁷ Там же. С. 194.

⁸ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 912. Оп. 1. Д. 438. Л. 80.

⁹ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 419.

¹⁰ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 920. Оп. 1. Д. 80. Л. 15.

¹¹ Районные охранные отделения (по Положению от 14 декабря 1906 г.) были учреждены в Петербурге (Северное – для 5-ти губерний), Москве (Центральное – для 12-ти губерний), Самаре (Поволжское – для 11-ти губерний) и т.д. Просуществовали до 1914 г.

¹² ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3051. Л. 58.

¹³ Там же. Л. 68.

¹⁴ Там же. Л. 75.

¹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁶ Там же. Л. 159.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И СТАРООБРЯДЦЫ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В 1920-е гг.

Судьбы регионального старообрядчества в период утверждения Советской власти – важная научная проблема. В том числе и староверия Байкальской Сибири, где компактно проживала большая группа старообрядцев – семейские. К разным аспектам истории местного старообрядчества в 1920-е гг. обращались Ф.Ф. Болонев¹, В.Л. Петров², С.В. Васильева³, С.В. Бураева⁴ и другие историки. Однако многие сюжеты, многие аспекты взаимоотношений старообрядцев и новых властей до сих пор не изучены. Цель настоящей статьи – анализ отношений, складывавшихся между старообрядцами Байкальского региона (в составе Прибайкалья и Забайкалья) и органами Советской власти в 1920-е гг.

Процесс становления и утверждения советского государства вел к серьезным изменениям в социально-экономической и культурной сферах. Старообрядцы разных регионов втягивались в процессы форсированной этатистской модернизации вне зависимости от своего желания. Старообрядческие общины Сибири также не остались в стороне от набирающих силу процессов строительства советского общества. В силу сложившейся традиционной системы взглядов важнейшим вопросом для старообрядцев, как и раньше, стала проблема отношений с властью и подчиняющимся ей обществом.

К моменту завершения Гражданской войны местные старообрядцы видели от Советской власти больше добра (освобождение от «семеновщины» и интервентов, решение земельных вопросов и т.д.), чем неприятностей. Однако по мере ее утверждения, активизации ее политики, в том числе антирелигиозной, отношение к большевикам начинает портиться и среди лояльно настроенных старообрядцев.

В распространявшейся в те годы по региону старообрядческой рукописи «О неповиновении новой власти» сказано: «...Много есть уложено новою властью таковые постановления, которые нам, христианам, выполнять никак не возможно»⁵. Прежде всего, новой власти вменялось в вину отрицание Бога, а значит – «склонение ко диаволу». Поэтому складывалась ситуация, когда «христианам, боящимся Бога, оказалось лучше со зверми в лесах жити и всякую нужду переносити», чем «в городах или в красных селах при власти жити, Бога же отступити»⁶.

В другом произведении сибирских староверов время строительства новой власти характеризовалось так: «Хулу на древность износящих считают за великих мудрецов, почитают, уважают паче чем святых отцов» и в то же время «Устав древний содержащих всех считают за глупцов. Их теснят и изгоняют из домов и городов...»⁷

- ¹⁷ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1849. Л. 3.
¹⁸ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 419.
¹⁹ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1849. Л. 11.
²⁰ Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф. 3656. Оп. 3. Д. 21. Л. 2–119.
²¹ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 90. Л. 25.
²² ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3051. Л. 2.
²³ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2343. Л. 12–12об.
²⁴ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
²⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 195.
²⁶ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 419.
²⁷ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.
²⁸ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1067. Л. 62.
²⁹ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 63. Л. 16.
³⁰ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.
³¹ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 63. Л. 16.
³² ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 661. Л. 262–263.
³³ ГАРФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3051. Л. 2.
³⁴ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 749. Оп. 1. Д. 417. Л. 21.
³⁵ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 661. Л. 37.
³⁶ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 63. Л. 16.
³⁷ Там же. Л. 16об.
³⁸ Там же. Л. 18.
³⁹ Климов. Курсовые записки о применении грима в сыском деле. Кельцы, б.г.
⁴⁰ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 78. Л. 7–19.
⁴¹ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 661. Л. 136.
⁴² ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 463. Л. 38.
⁴³ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 430.
⁴⁴ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 100. Л. 136–137.
⁴⁵ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 201. Л. 3.
⁴⁶ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 295. Л. 4.
⁴⁷ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1067. Л. 62.
⁴⁸ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 63. Л. 32.
⁴⁹ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1067. Л. 62об..
⁵⁰ Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охраны 1910–1914 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 97.
⁵¹ Заварзин П.П. Указ. соч. С. 431.
⁵² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 50.
⁵³ ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 297. Л. 38.
⁵⁴ Там же. Л. 38об.
⁵⁵ Там же. Л. 20.
⁵⁶ Там же. Л. 68.
⁵⁷ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 5. Д. 7. Л. 20–22 об.
⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 209, 210.
⁵⁹ Там же.

В этой ситуации ортодоксальные староверы решили, «что дожили до последних времен», а поэтому предписали последователям своего согласия «блюстися предтеч Антихристовых»⁸.

В секретном отчете уполномоченного по Надеинской волости Верхнеудинского уезда за 1925 г. говорилось, что «влияние революционных тенденций оказало воздействие» на местных старообрядцев (в первую очередь – на бедноту), однако «зажиточные крестьяне являются столпом и хранителями церковных преданий, выразителями общественного мнения»⁹. А общественное мнение, судя по сводкам ОГПУ, а также по свидетельствам исследователей, побывавших в те годы в старообрядческих селах, было не в пользу властей. Как отмечала А.М. Попова, часто бывавшая в семейских селах с 1924 по 1927 гг., «о коммунистах, как о слугах антихриста, мнение довольно дружное», к Советской власти «семейские относятся не особенно доброжелательно», а во многих селах «некоторые слои населения даже враждебно»¹⁰.

К этим «некоторым слоям» прежде всего относились состоятельные члены и уставщики (духовные руководители) общин. Так, в 1926 г. в донесениях ОГПУ отмечалось, что «со стороны старообрядческого духовенства имеются также проявления агитации среди населения с целью восстановления последнего против Советской власти»¹¹. Так, проживающий в селе Надеино уставщик Филипп Антонов говорил: «Мирияне, не нужно придерживаться нового закона и работать по праздникам, ибо сошлет Бог град и сгубит все ваши посеяны». И добавлял, что «не нужно идти по стопам коммунизма», а надо «держаться всецело старого закона»¹². В селе Новая Брянь Верхнеудинского уезда уставщики говорили, что «скоро будет война». А зажиточный старовер Анфиноген Заиграев добавлял, что в связи с этим «коммунистам скоро будет крышка»¹³. В таком же ключе высказывался председатель Куйтунского сельсовета того же уезда старообрядец-средняк Васильев: «Скоро будет война и советскую власть уничтожат»¹⁴. Старовер из села Старая Брянь средняк Иван Болонянский во время подготовки к празднованию 9-й годовщины Октябрьской революции говорил местным ветеранам партизанского движения и представителям сельсовета: «Праздновать вам осталось только один этот год, потом уже не придется – так сказано в священном писании»¹⁵. А зажиточный старообрядец из села Новая Брянь Семен Шитин говорил, что «весной 1927 г. сбудется священное писание», имея в виду свержение Советской власти»¹⁶.

Таким образом, на фоне разворачивающегося советского строительства, многие тенденции которого в корне противоречили старообрядческой доктрине, в мировоззрении староверов происходило обострение эсхатологических переживаний. В связи с этим обостренно стали восприниматься тезисы о «божьем» и «антихристовом» пространствах. Как следствие – в среде ортодоксально настроенных старообрядцев стали усиливаться тен-

денции к ограничению контактов с представителями власти, которые все чаще стали восприниматься как носители «антихристового царства». Коммунисты чаще всего стали обозначаться как «слуги антихриста», «дьявольские сосуды» и т.д.¹⁷ Головной убор красноармейцев стал ассоциироваться с «ликом звериным», а из пятиконечной звезды стало выводиться «дьявольское число 666»¹⁸. Многие уставщики признали Ленина «Антихристом».

Однако, как указывала А.М. Попова, мнения о Ленине в среде старообрядцев-семейских разделились. Когда одни стали считать его «Антихристом», другие говорили о том, «что Владимир Ильич перед смертью покаился, отступился от «коммунии», позвал попа, причастился, и его похоронили с архиереями»¹⁹. Видимо, тут сыграл свою роль традиционный «наивный монархизм», в новых условиях переходящий в «наивный вождизм». И все же многие старообрядцы говорили: «Разве могли бы свергнуть царя, если бы Бог не попустил за наши грехи?» А в Никольской волости Верхнеудинского уезда, где по сведениям ОГПУ в 1927 г. «старообрядческие начетчики взяли под полное влияние массы верующих», велась активная антисоветская агитация. 86-летний начетчик Никифор Ефремович Киреев говорил, что «народился в настоящее время Антихрист и царствует, богохульство полнейшее, строят антихристовы учреждения, клубы, избы читальни, школы и прочее». Он же добавлял: «Зачем все это? Разве нам крещеным это нужно? Нам нужно Богу молиться»²⁰.

Показательная ситуация сложилась в селе Никольском. Секретарь местной партиячейки жаловался, что «в настоящее время начетчики ходят по домам» и агитируют против коммунистов. А 30 августа 1928 г. «явилось два начетчика к моему отцу и столько ему наговорили... что отец меня... выгнал из дома»²¹. Более того, когда у этого коммуниста умерла дочь, то ему «пришлось хоронить ее без всяких религиозных обычаев», так как уставщики отказались ее отпевать. А во время похорон «масса верующих устроила «манifestацию» за гробом и кричала, что это пропащий покойник». При этом раздавались крики: «Идите в веру, молитесь Богу, не ходите никуда, где ходят коммунисты»²². Таким способом верующий мир устроил показательную акцию, в которой четко проявились приоритеты его представителей. Но на этом дело не закончилось. Уже после похорон по селу стали распространяться слухи, что верующие собираются выкопать захороненное тело «коммунистического» покойника и «выбросить из кладбища, чтобы не поганил верующих»²³.

Дело в том, что старообрядческое мировоззрение делило пространство на «чистое» («божье») и «нечистое» («антихристово»). В силу обострения политической и социально-экономической обстановки, а также из-за разворачивания антирелигиозной борьбы, атеистическая власть коммунистов стала восприниматься как «антихристовая». Поэтому правверные старообрядцы старались всячески оградить себя и свое пространство

от осквернения представителями «безбожных» властей. Это проявлялось в многократных запрещениях на общение с «кадровыми». Ярче всего это проявлялось в религиозном быту, в частности в вопросах захоронения умерших. В селе Никольском отцу-коммунисту было отказано не только в отпевании умершего ребенка, но и в его захоронении на кладбище, где были похоронены правочерные христиане. Более того, после проведенного, не смотря на протесты верующих, захоронения звучали угрозы удалить тело «нечистого» покойника из «чистого» пространства старообрядческого кладбища. Характерно, что отец-коммунист жаловался, что ему «пришлось» хоронить своего ребенка без отпевания. То есть, и в среде коммунистов той поры сильна еще была инерция религиозной традиции, сохранялось желание хоронить по традиционным правилам. Однако сообщество верующих в этом отказывало, и им приходилось хоронить своих умерших без отпевания.

Власти жестко стремились как минимум – поставить старообрядческие общины под свой контроль, а как максимум – изжить религию из повседневности граждан Советского государства. После завершения Гражданской войны власти приступили к регистрации старообрядческих обществ. Это привело к активизации старообрядческого населения, которое стало в разных формах активно выражать свое отрицательное отношение к политике государства. Дело в том, что последователи многих старообрядческих согласий традиционно избегали подачи сведений о себе представителям власти («антихристовым слугам»). А непременным условием регистрации была подача исчерпывающих сведений о членах общины и ее руководителях. При этом прихожане, перечисленные в списке общины, автоматически становились «лишенцами», то есть «поражались в правах» и становились объектом репрессивной политики.

В Байкальском регионе относительно спокойно пошли на регистрацию своей общины последователи Белокриницкой иерархии, проживающие в Иркутске. Однако представители семейных белокриницких общин Забайкалья сначала отказались от подобного оформления отношений с властью. Так, руководитель белокриницкой общины села Тарбагатай о. Амвросий Феофанович Федотов, «обслуживающий 260 человек верующих», на сделанное 3 апреля 1924 г. предложение зарегистрировать свое общество «категорически отказался», мотивируя это тем, что «регистрировать культ нам не позволяют наши канонические правила»²⁴.

Так же оппозиционно отнеслись к регистрации семейские беглоповцы и беспоповцы (в том числе «лужковцы» и «федосеевцы»). В итоге, к 1 марта 1924 г. («к последнему сроку») не было зарегистрировано ни одной семейской общины. Отказ не носил стихийный характер. Для обсуждения вопроса о регистрации старообрядцы разных согласий собирали соборы, на которых принимались мотивированные решения об отказе. Решения этих соборов распространялись по всем общинам. В итоге все

старообрядческие общества Забайкалья выразили свое нежелание провести регистрацию.

Семейские беглоповцы планировали проведение собора на 2 марта 1924 г. в одном из старообрядческих храмов села Хонхолой Никольской волости. На нем должны были присутствовать депутаты от старообрядческих обществ ряда крупных семейских сел и волостей (Никольской, Мухоршибирской, Бичурской, Тарбагатайской, Больше-Куналейской, Куйтунской и Ново-Брянской). Среди прочих должен был обсуждаться и вопрос о регистрации. Чтобы избежать излишних сложностей, старообрядцы подали в местный волисполком заявление за подписью местных старообрядческих деятелей Потапа Федосеева, Амоса Федосеева, Алексея Леонова с просьбой разрешить проведение этого собора. Однако власти отказали в проведении собора, мотивируя свое решение тем, что заявленные общины официально не зарегистрированы²⁵.

И тем не менее собор был проведен. На нем было принято решение, что «Забайкалье не принимает регистрацию»²⁶. Поэтому, когда власти принялись настаивать на срочной регистрации религиозных обществ, старообрядческие общины одна за другой стали от этого отказываться. Власти, естественно, не собирались отступать. В ответ на отказ старообрядцев весной 1924 г. была развернута компания по принуждению верующих к регистрации своих обществ. Пик ее пришелся на апрель.

Трудность поиска взаимопонимания состояла помимо прочего и в том, что у сторон было разное понимание «свободы совести», закрепленной в советском законодательстве. Старообрядцы стремились сохранить в неприкосновенности «старую веру» (как залог спасения души и мира). Атеистическая же «антихристовая» власть своим вмешательством могла привести к ее порче, а значит – поставить под вопрос спасение и «душ правочерных», и мира в целом. Власть же стремилась в конечном итоге вытеснить религию из всех сфер жизни общества. Это противоречие вело к неизбежным конфликтам. И они не заставили себя ждать.

Одно из самых острых столкновений старообрядцев с представителями власти произошло в селе Хонхолой. 19 августа 1924 г. из Никольского волисполкома в Хонхолой была направлена комиссия (в составе заместителя председателя волисполкома, секретаря местной партийной ячейки и трех милиционеров), которая должна была закрыть и опечатать часовню не зарегистрировавшейся беглоповцевской общины. Однако собравшиеся члены общины не только отказались выбрать из своего состава представителя для участия в комиссии, но и не отдали ключи от часовни. Когда же секретарь хонхолойской партийной ячейки попытался опечатать часовню, то один из местных староверов – Анкундин Тимофеевич Варфоломеев – «набросился на него с палкой». Он кричал, что «комиссия пришла грабить» и призывал на помощь своих однообщинников. Ему на подмогу подошли другие активисты общины: Александр Иванович Киреев, Никифор Илла-

рионович Киреев, Маркел Ананьевич Варфоломеев, Дей Иванович Горпонов, Михаил Пимонович Варфоломеев и другие – всего около 20 человек. Три милиционера, которые входили в состав комиссии, ничего не могли сделать. В итоге, опасаясь что «разъяренная толпа» совершит «расправу самосудом», комиссия «под угрозой смерти» вынуждена была покинуть село²⁷.

«Опечатывание часовни» для старообрядцев было не только актом передачи культового строения в распоряжение властей. Нанесение «антихристовой печати» воспринималось как порча сакрального здания, порча святыни, порча веры. Поэтому действия местных советских и партийных работников («антихристовых слуг») и вызвали такую бурную реакцию со стороны староверов.

Спротивление старообрядцев вызвало репрессивную реакцию властей. Были арестованы «предводитель восстания» Анкундин Тимофеевич Варфоломеев, уставщик общины Амос Федосов и другие. Но это не остановило волнения, которые прокатились по многим старообрядческим селам. Так, 21 апреля 1924 г. старообрядцы Мухоршибири и Нового Загана «категорически отказались принять какую либо регистрацию», объясняя это тем, что «регистрироваться – великий грех», и не дали комиссии опечатывать свои молельни. При этом из собравшейся по этому случаю толпы в адрес комиссии раздавались крики: «Вы – Антихристы и безбожники», «Мы вам не дадим опечатывать часовню», «Если хотите, то расстреливайте нас»²⁸.

Из всего происходящего один из членов комиссии сделал вывод, что силами нескольких милиционеров «закрывать часовни нет никакой возможности». В связи с этим предполагалось, что их можно закрыть «только вооруженной силой» и добавлялось, что «пожалуй, без жертв не обойдется»²⁹.

В ответ на действия властей старообрядцы проводили соборы разного уровня. На них формулировалось общее отношение к властям и к регистрации общин. Также обсуждались способы отстаивания своих интересов. Одним из таких способов стали жалобы в вышестоящие инстанции. Забайкальские старообрядцы писали жалобы и прошения в столицу Бурят-Монгольской автономной республики Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ). Но не только: старообрядцы Большого Куналея отправили ходок в Москву³⁰.

В итоге, учитывая общую взрывоопасную ситуацию, власти были вынуждены временно отступить. Владея информацией с мест, ОГПУ предупреждало об опасности социального взрыва и предлагало органам власти вести более мягкую политику в старообрядческих районах и населенных пунктах. Прислушиваясь к мнению чекистов, советские и партийные работники ослабили натиск на старообрядческие общины и в ряде случаев даже пошли на попятную. Например, в ответ на прошение прихожан Больше-Куналейской старообрядческой Покровской церкви, закрытой в

середине апреля 1924 г., храм был возвращен верующим. Прошение о возврате было написано 15 июля 1924 г., а решение о передаче принято уже 24 июля³¹. Однако храм возвращался при условии, что у старообрядцев будут «отобраны» не только описи церковного имущества и расписка о получении его в пользование, но и список членов общины³². Таким способом старообрядцы, желающие сохранить или вернуть свои храмы, были принуждены к подаче сведений, необходимых для регистрации.

Вынужденное отступление властей продолжалось недолго. Используя угрозу потери храма как основной инструмент давления на старообрядцев, они стали настойчиво подводить разные старообрядческие общины к необходимости регистрации. В 1926 г. началась относительно массовая регистрация старообрядческих обществ. К 1 января 1930 г. на территории Бурят-Монгольской автономной республики было зарегистрировано 50 старообрядческих общин (при 51-м «служителе культа» и 45-ти «молитвенных зданиях»), с общей численностью «верующих» в 22 640 человек³³.

Таким образом, отношения старообрядцев Байкальской Сибири и Советской власти в 1920-е гг. были сложными, а порой – конфликтными. И если поначалу новая власть воспринималась многими староверами как сила, способная принести порядок в жизнь местного общества и избавить его от тягот Гражданской войны, то с разворачиванием антирелигиозной политики отношения к ней стало отрицательным. Все больше старообрядцев стремились ограничить свои контакты с атеистическим государством. Ярче всего эта тенденция проявилась в вопросе официальной регистрации старообрядческих общин. Однако крепнущая власть могла и активным образом использовала свои административные возможности в ходе наступления на местное старообрядчество. Поэтому большей части местных старообрядческих обществ со временем пришлось принять правила игры, продиктованные сверху.

Примечания

¹ *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004.

² *Петров В.Л.* Некоторые вопросы ликвидации культовых сооружений старообрядцев Забайкалья в 30-е гг. XX в. // История и культура семейских Забайкалья: Хрестоматия. Ч. 2. Улан-Удэ, 2007. С. 258–268.

³ *Васильева С.В.* Изменение статуса семейской женщины в 20-е гг. XX в. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2004. С. 145–147.

⁴ *Бураева С.В.* Рукописное наследие забайкальских старообрядцев. Улан-Удэ, 2006.

⁵ О неповиновении новой власти // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 330.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 5а. Л. 462.

⁸ Бикинское соборное уложение // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 376.

⁹ НАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 846. Л. 4.

¹⁰ *Попова А.М.* Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 34.

¹¹ НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Т. 1. Д. 836. Л. 180.

¹² Там же. Л. 209.

¹³ Там же. Л. 145.

¹⁴ Там же. Л. 117.

¹⁵ Там же. Л. 232.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Цыремпилова И.С.* История взаимоотношений государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1917–1940 гг. Дисс.... соиск. ученой степени канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 106.

¹⁸ *Попова А.* Указ. соч. С. 34.

¹⁹ Там же.

²⁰ НАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Т. 1. Д. 1296. Л. 38.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 14. Л. 20.

²⁵ Там же. Л. 47об.

²⁶ Там же. Л. 49об.

²⁷ Там же. Л. 48об.

²⁸ Там же. Л. 49об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 55–55об.

³² Там же. Л. 55, 209.

³³ НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 16. Л. 16–17об.

Н.Г. Кулинич

«СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ» И СОВЕТСКИЙ БРАК: СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1920–1930-е гг.)

Основным источником формирования городского населения Дальневосточного края (ДВК) на протяжении длительного времени оставалось переселение из центральных районов страны. Большинство переселенцев составляли выходцы из крестьян, становившиеся горожанами в первом поколении. Они стремились сохранить патриархальные традиции, в том

числе и патриархальную форму брака, регламентируемую Русской православной церковью и Сводом законов Российской империи.

Однако в дальневосточных условиях подобное стремление встречало множество препятствий. Наиболее серьезным из них было крайне неблагоприятное соотношение между полами в демографической структуре дальневосточного населения. В 1916 г. в городах Дальнего Востока на 100 мужчин приходилось всего 70 женщин¹, что существенно ограничивало возможность создания семьи. Сложившиеся в регионе тяжелые жилищно-бытовые условия вызывали повышенную социальную мобильность населения, что также не способствовало сохранению семейных отношений. И, наконец, немалую роль в расшатывании патриархального семейного уклада сыграло отсутствие в составе промышленных переселенцев представителей старшего поколения, выступавшего, как правило, хранителем сложившихся традиций.

Семейная политика Советской власти, основывавшаяся на идеологии равенства полов и отрицании буржуазных форм брака и семьи, ускорила процесс распада патриархальных семейных отношений. Декретом ВЦИК и СНК от 20 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния» была утверждена единая процедура гражданской, светской регистрации брака, отменявшая церковную регистрацию, бытовавшую до революции в качестве единственно легитимной. Фактически речь шла о «свободе любви», которая рассматривалась как политическое достижение новой власти наряду с предоставлением других гражданских свобод. Марксистский теоретик в женском вопросе А.М. Коллонтай в одной из своих работ откровенно заявила: «Надо сказать прямо то, что есть: старая форма семьи отжила. Коммунистическое общество в ней не нуждается»². Семья стала рассматриваться лишь как временное отклонение от коллективного существования. Журнал «Коммунистка» в 1920 г. констатировал: «Старые, гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днем». Но при этом признавалось, что «нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия»³.

Принятый 19 декабря 1917 г. декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака» до предела упростил бракоразводный процесс, превратив его фактически в формальную констатацию факта. Учитывая, что по законам Российской империи расторжение брака разрешалось лишь в исключительных случаях и представляло весьма сложную и длительную процедуру, можно представить, какое воздействие декрет оказал на молодое поколение страны, не имевшее устоявшихся моральных норм и еще не сформировавшее представление о новой советской семье.

В дальневосточных условиях, характеризующихся расшатыванием семейно-брачных отношений, влияние новой семейной политики было особенно сильным. Установившаяся здесь в 1920-е гг. свобода отношений

между полами, по признанию Дальневосточного крайкома ВКП(б), являлась главной причиной самоубийств среди женщин, которым приходилось самостоятельно справляться с последствиями «свободной любви»⁴. Плоды такой скороспелой любви – подкидыши – к середине 1920-х гг. составляли основной контингент питомцев приютов. Только за 1925/26 г. в дальневосточные городские дома ребенка поступило 130 подкидышей⁵.

Еще одним прямым следствием новой политики в области семейных отношений стал стремительный рост числа разводов. На Дальнем Востоке в 1928 г. на 16, 3 тыс. заключенных за год браков приходилось 5,4 тыс. разводов. Распадался фактически каждый третий семейный союз. При этом быстрее всего этот процесс шел в крупных городах, характеризующихся постоянным обновлением состава жителей. Так, если в сельской местности на 100 заключенных браков приходилось 20 разводов, то в небольших городах – 45, а в окружных городах – уже 59⁶. То есть в наиболее крупных городах Дальнего Востока в 1928 г. распадался каждый второй семейный союз, в то время как в сельской местности – только каждый пятый. Сохранение патриархальных традиций в сельской местности проявилось и в том, что основное количество заключаемых браков здесь приходилось по-прежнему на два осенних месяца – октябрь и ноябрь. Это вполне соответствовало сельскохозяйственному укладу жизни.

Существовала прямая связь между темпами обновления окружающей человека действительности и изменением его отношения к крепости семейно-брачных отношений. Так, в быстро менявшемся краевом центре Хабаровске в 1928 г. на 100 браков приходилось уже 63 развода. В наиболее патриархальном, медленнее преобразовавшемся Благовещенске семьи были сравнительно более устойчивыми: здесь на 100 заключенных в год браков приходилось только 45 разводов⁷.

Тогда же проявилась тенденция создания очень непродолжительных семейных союзов. Из 818 браков, заключенных в 1928 г. во Владивостоке, 2 брака просуществовало всего полмесяца, 3 – до 1 месяца, 17 – от 1 до 3 месяцев, еще 17 – от 3 до 6 месяцев. Всего в дальневосточных городах в 1928 г. 7 % разводов пришлось на браки, просуществовавшие менее одного года.

Утвердившаяся свобода отношений оказывала свое воздействие и на семейные союзы, сложившиеся еще в дореволюционный период и скрепленные церковным браком. Нередки были случаи, когда семейные пары расставались и после 20 и более лет совместной жизни. В 1928 г. во Владивостоке они составили 9,5 % от всех разведившихся пар⁸. О царившей в дальневосточных городах свободе нравов свидетельствовал и тот факт, что определенная часть горожан успела к 1928 г. расторгнуть уже далеко не один брак. Так, во Владивостоке из 818 подавших на развод мужчин, в первом браке состояло 660, во втором – 147, в третьем и более – 11. Соответственно из 818 женщин первый брак расторгли 672, второй – 130, третий и более – 16⁹.

Примерно половина браков, распавшихся в 1928 г., были бездетными. Однако около 8 % разведенных женщин оставались с 3 и более детьми. В небольших городах, таких как Спасск, количество многодетных «разведенков» доходило до 15 %¹⁰. В этом случае положение горожанки после развода было особенно сложным. Тем более если она была уже немолода, не имела собственного источника дохода, профессии и опыта работы. Развод в ситуации, когда женщина традиционно сохраняла статус домохозяйки, имел для нее очень тяжелые последствия. Поэтому значительная часть расторгнувших брак предпочитала не оставаться в одиночестве, а вступить в новый семейный союз. Шансы на это и у женщин, и у мужчин, несмотря на численное превосходство последних, были примерно равными. Так, в 1928 г. разведенные мужчины составляли 21 %, а женщины 22 % всех заключивших брак в крупных городах Дальнего Востока¹¹.

В 1930-е гг. процесс распада семейных союзов ускорился. В 1932 г. в статистике разводов по городам Дальнего Востока браки, просуществовавшие не более одного года, составляли уже 23,1%. Менее 1 месяца прожили вместе 2,3 % расторгнувших брак, от 1 до 5 месяцев – 11,5 %, от 6 до 11 месяцев – 9,3 %¹². В краевом центре Хабаровске статистика крепости брачных уз была самой отрицательной: менее 1 года состояло в браке 30,3 % разведившихся пар, из них до 1 месяца – 4,1 %, от 1 до 5 месяцев – 15,1%, от 6 до 11 месяцев – 11,1%¹³. Более благополучная ситуация по-прежнему сохранялась в Благовещенске, значительно в меньшей степени вовлеченном в процесс индустриального обновления. Здесь в 1932 г. из 201 расторгнутого семейного союза менее года (6–11 месяцев) просуществовало только 4 брака, то есть менее 2 %¹⁴.

Значительный приток на Дальний Восток в 1930-е гг. молодежи из центра страны не способствовал улучшению семейно-брачных отношений. Молодые люди не имели необходимого жизненного опыта и сформировавшейся системы жизненных ценностей. Оказавшись вдали от дома, фактически предоставленные самим себе, многие из них вели себя очень вольно в отношении противоположного пола. Сложившаяся ситуация заставила власти обратить внимание на семейно-брачные отношения дальневосточной молодежи. В 1935 г. на страницах газеты «Ударник Комсомольска» в статье «О комсомольской семье» был поднят вопрос о советских семейных ценностях и культуре отношений между полами. В ней говорилось о сложившейся у «части молодежи» практики «краткосрочных браков» и даже «браков на ночь». Многие парни такие отношения «считают не только нормальным явлением, но находят в этом особую прелесть жизни» и готовы так «жениться» много раз. В 1930-е гг. подобное поведение уже не только осуждалось, но и получило политическую оценку. Причиной «этой скотской, мелкобуржуазной разнузданности», по мнению автора статьи И. Шарикова, являлось невежество «в марксистско-ленинском понимании семьи», в том, что часть молодежи «не освободилась

от буржуазного взгляда на женщину». Он предлагал комсомольцам «резко осудить таких «семьянинов» и, конечно, лишить их возможности быть членами ленинской организации». Молодежи предлагались новые ценности семейной жизни. По мнению И. Шарикова, «комсомольская семейная жизнь должна сопровождаться взаимной помощью друг другу в труде и образовании»¹⁵.

Однако изменить складывавшуюся в городах-новостройках практику свободных отношений, ведущую к «мимолетным половым связям», оказалось непросто. В докладной записке в ЦК ВЛКСМ «О состоянии молодежи хетагуровского призыва»¹⁶ инструктор сектора по работе среди женской молодежи Цынгаленок писал, что должным образом встреча девушек в крае не была подготовлена. «Лишь организовывали шумиху в связи с приездом хетагуровок, и на этом работа кончилась, приехавшие были отданы на откуп самим себе. Неустойчивая часть из них начала вести себя распутно, стала пить, что приводило к многоженству, издевательствам над девушками, хамскому отношению к девушкам и опозрению звания хетагуровок». Самый главный недостаток, по его мнению, заключался в том, что «с девушками не было проведено ни одной беседы, не предупредили их о ряде плохих поступков и в результате в Комсомольске 36 случаев попыток к самоубийству на 99 % на почве семейных неполадок». «Некоторые девушки, приехавшие на ДВК, – докладывал Цынгаленок, – не все хорошего поведения и не все твердо подходят к вопросу семьи, к вопросу об отношениях с юношами. Наблюдаются случаи, когда выходят замуж после короткого знакомства, затем расходятся через несколько дней. Появляются дети, а отец скрывается, отрицая сожителство с девушкой. Выходят замуж и женятся по 3–4 раза». В качестве примера была приведена комсомолка Демшина, приехавшая по вербовке в Комсомольск-на-Амуре 2 января 1939 г. Уже 15 января она вышла первый раз замуж, 23 января разошлась и вечером 23 января вышла замуж за другого. Весь день 24 января справляли свадьбу и прогуляли всю ночь, а утром молодожены опоздали на работу. Их уволили. Попав, как ей казалось в безвыходное положение, Демшина предприняла попытку самоубийства. По оценке инструктора сектора по работе среди женской молодежи ЦК ВЛКСМ, «такое же положение есть и в других комсомольских организациях». В условиях катастрофической нехватки женщин, в «городе юности» в конце 1930-х гг. были случаи вступления в брак девочек-подростков 14–15 и 16 лет, на которые власти «реагируют с большим опозданием»¹⁷.

Причины разводов были самыми различными. Главной, конечно, являлась царившая атмосфера свободных отношений, простота самой процедуры развода. По-прежнему не способствовала крепости браков и сложившаяся в дальневосточном крае диспропорция между мужским и женским населением, особенно в быстро растущих городах. Так, если в среднем в городах ДВК в 1937 г. на 100 мужчин приходилось 73 женщины,

то в Биробиджане – 52, Советской Гавани – 59, Комсомольске и Лесозаводске – 62¹⁸.

Препятствовали созданию крепкой семьи тяжелые жилищные условия, в которых преобладали худшие формы коллективного проживания, когда в одной барачной комнате размещали вместе несколько семей или одновременно семейных и холостых. Только в конце 1930-х гг. парткомы городских предприятий стали принимать решения о расселении семей, проживавших до этого в одной комнате¹⁹. С другой стороны, катастрофическая нехватка жилья заставляла членов одной семьи проживать отдельно, в разных комнатах или даже бараках, не имея никакой возможности обустроить «домашний очаг». В таком положении оказался стахановец завода Дальэнергомаш (Хабаровск) Белозеров. Проработав на предприятии более пяти лет, добившись значительных производственных успехов и даже вступив в ряды «сочувствующих», он вынужден был, за неимением свободной комнаты, жить с женой врозь, по разным баракам²⁰. Естественно, что такие формы «совместного проживания» не способствовали сохранению семьи.

В 1930-е гг. среди множества причин разводов стали появлялись и такие, которые определялись уже новыми социальными реалиями, возникшими в результате политики правящей коммунистической партии. Одна из них была связана с выдвижением рабочих на высокие государственные и хозяйственные должности. Быстрый социальный и, как правило, сопутствовавший ему образовательный рост одного из супругов подчас негативно сказывался на семейных отношениях. Такова судьба А.В. Омельченко, вышедшей замуж в 1928 г. за такого же неграмотного крестьянского парня, как и она, который «не умел в то время даже расписываться». В 1929 г. семья приехала в Хабаровск, где супруг устроился сторожем с зарплатой в 45 рублей. В 1930 г. его отправили на тракторные курсы, потом на курсы в краевую профшколу и т.д. Жена в это время воспитывала двоих детей, жить приходилось на одну стипендию. Муж выучился и в 1936 г. был уже директором учебного комбината в Благовещенске. Оставшаяся малограмотной супруга перестала его устраивать, он стал «пить запоями», бить жену, укорять и, в конце концов, бросил. Жене пришлось одной «мыкаться» с детьми, на работу устроиться не смогла, потому что «нет никакой специальности», «негде и не на что жить»²¹.

В тоже время молодые женщины, получившие образование и профессию, воспитанные в условиях официально принятого равноправия, не хотели признавать патриархальное главенство мужа, терпеть контроль с его стороны и ограничение собственной свободы. Так, комсомолка Семенова, работавшая электромонтером на одном из предприятий Комсомольска-на-Амуре, выйдя замуж, стала жертвой мужской ревности: «Муж ее никуда не пускает, боясь, что она изменит... Муж принуждает «любить» себя силой и, то, что мужу кажется свободой, для Семеновой – рабство».

Результатом таких отношений стал развод по инициативе женщины. Не устраивало молодых женщин и традиционное для патриархальной семьи разделение обязанностей между супругами, при котором значительная часть бытовых тягот ложилась на женские плечи. В 1930-е гг. комсомолки жаловались на страницах дальневосточной печати, что их мужья, тоже комсомольцы, «из-за занятости на производстве и на комсомольской работе» не уделяют внимания семье²².

Проводившиеся в 1930-е гг. чистки партийных рядов стали еще одной причиной разводов. Брак с политически неблагонадежным супругом или супругой мог быть достаточным основанием для исключения из партии. По этой причине в 1937 г. распалась семья инструктора Далькрайкома ВКП (б) А.Т. Выборова, признавшего на районной партконференции свою политическую ошибку, состоявшую в том, что «он был короткое время женат на Чистяковой, с которой развелся, так как выяснил, что Чистякова имела в прошлом мужа-троцкиста». Скоропалительный развод не спас А.Т. Выборова от выраженного ему партконференцией «политического недоверия в связи с делом Чистяковой». Признание коллективистского начала выше личного позволило партийным и советским властям вмешаться в интимную жизнь граждан. Были случаи, когда партийные организации сами рекомендовали члену партии развестись с «классово-чуждым» супругом или супругой. Таков случай Шипиловой (г. Петропавловск-Камчатский), члена партии с 1920 г., заключившей брак с молодым парнем: о нем «получили сведения, что он кулак чуждый, ей предлагали развестись, она не развелась... из-за мужа – врага – ее исключили из партии»²³.

С другой стороны, в середине 1930-х гг. партийно-государственная политика по отношению к семье претерпела существенные изменения, смысл которых заключался в ее сохранении, в усилении контроля над нею. Первым шагом в этом направлении стало принятие 27 июня 1936 г. постановления ВЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатежи алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе». Расширилась практика вмешательства парторганизаций в семейные дела. Во время чистки партии 1936–1937 гг. даже имели место случаи исключения из ВКП(б) за «некоммунистическое отношение к семье»²⁴.

Нередко интимные семейные проблемы в этот период обсуждались на заседаниях завкомов и парткомов. При этом объектом осуждения в равной степени становились и мужчины, и женщины. Таким было дело члена парторганизации завода Дальэнергомаш Остапенко, обвиненной бывшим супругом Машковым в «нетактичном отношении к нему как к мужу и нематеринском отношении к сыну». После длительного разбирательства и заслушивания обеих сторон, партком вынес решение: «Оста-

пенко указать на необходимость более внимательного и заботливого отношения к детям», а относительно ее бывшего супруга Машкова «сообщить в парторганизацию по месту нахождения на учете»²⁵.

Принятие не продуманного закона о запрещении абортов создало очень сложную ситуацию.

Во-первых, оно ограничило свободу выбора женщины, превратив ее фактически в заложницу сложившихся свободных сексуальных отношений. На встрече 28-ми активистов-комсомольцев Комсомольска-на-Амуре, состоявшейся в Хабаровске 16 февраля 1939 г., выступавшие говорили о том, в «городе юности» «с пошляками и мерзавцами, уродующими жизнь девушек, не борются, их не разоблачают. На одном лишь предпрятии за последние месяцы 17 случаев самоубийств девушек и ряд попыток к самоубийству. В городе буквально сотни молодых матерей, не имеющих мужей. Нельзя больше терпеть таких позорных фактов, такого позорного положения в городе, за который комсомол отвечает перед партией и страной»²⁶.

Во-вторых, принимая закон, направленный на увеличение рождаемости, государство не обеспечило соответствовавших для этого материальных условий. Только 20 августа 1936 г. было принято постановление СНК РСФСР «О порядке финансирования мероприятий, связанных с проведением Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов, расширении сети родильных домов, детских яслей, детских садов и т.д. и о плане снабжения строительства этих учреждений стройматериалами». Общий объем расходов был определен в 305,6 млн. руб. На эти средства в обозримом будущем предполагалось построить роддома, детские ясли, молочные кухни, детсады, акушерские пункты, а также подготовить профессиональные кадры для работы в них. Из общего количества средств ДВК было выделено 10,1 млн. руб.²⁷ Для строительства всех этих учреждений и подготовки кадров требовалось значительное время, а рост рождаемости стал сказываться фактически сразу. Так, в Благовещенске за первое полугодие 1936 г. (до принятия закона) было сделано 1 012 абортов, а за второе полугодие в связи с запрещением абортов – только 53²⁸. Соответственно выросло количество родов. Обеспечить сразу роддомами, молочными кухнями и яслями увеличившееся количество новорожденных государство оказалось не в состоянии. В 1940 г. в городах Амурской области на 6 843 родившихся младенца приходилось всего 1 049 мест в детских яслях, а производительность городских молочных кухонь составляла 490 порций в день²⁹. Не лучше было положение и в других городах региона.

В-третьих, принятие закона, грозившего тюремным заключением врачам за неразрешенные аборты, привело к росту криминальных абортов и смертности женщин. Так, в Благовещенске уже за второе полугодие 1936 г. произошло «некоторое увеличение неполных абортов (кровотече-

ния), вызванного подпольными абортными. В связи с этим было 7 случаев передачи материалов о подпольных абортах в прокуратуру»³⁰. Состояние, в котором оказались женщины в результате принятия этого закона, очень точно описала горожанка Н. Барздун в письме к М.И. Калинину. «Хочу описать все последствия постановления «О запрещении абортов». Мне 24 года, один ребенок уже есть, муж студент, матери 70 лет, беременна вторым. Для того чтобы избавиться от ребенка, я начинаю пить разную дрянь, поднимаю умышленно тяжести и т.д., и это разве я одна делаю? Сколько нас таких? Как страдают женщины. Это не раскрепощение, а закабаление. Сколько женщин приводят в больницу ежедневно с кровотечением. Потому что они идут к бабке или ковыряют сами»³¹. За первое полугодие 1939 г. только официально было признано 5 случаев смертей от подпольных абортов во Владивостоке, по 2 – в Благовещенске и Петропавловске-Камчатском, 1 – в Уссурийске³².

В 1940 г. в городах Амурской области на 100 родов приходилось 15,9 абортов. При этом только 6,6 % всех случаев искусственного прерывания беременности было произведено по разрешению специальных врачебных комиссий, 93,4 % абортов произошло или началось вне стен лечебных учреждений. За год в связи с этим в Амурской области было заведено и передано в прокуратуру 15 уголовных дел³³.

Еще одним отрицательным последствием стало возрастание детской смертности, при этом наиболее неблагоприятное положение было официально зарегистрировано в городах северо-востока страны. Вероятность новорожденных дожить до конца первого года жизни в 1937 г. по сравнению с 1935 г. снизилась во Владивостоке с 0,8563 до 0,8008, в Хабаровске – с 0,7967 до 0,7860³⁴. Существенно выросла детская смертность в дальневосточных городах-новостройках. В Комсомольске-на-Амуре за 1936 г. родилось 2 257 детей, из них 624 умерло, не дожив до одного года (фактически каждый четвертый ребенок). В январе 1937 г. родилось 202 ребенка, умерло до одного года 44³⁵. Главными причинами возрастания детской смертности явились «слабость новорожденных» и родительский «недосмотр». Дело в том, женщины-работницы и матери-одиночки, не планировавшие рождение этих детей, вынуждены были, подчинившись постановлению, сохранять беременность, не имея необходимых условий для обеспечения должного ухода. Чрезвычайно высокая смертность в городах-новостройках, таких как Комсомольск-на-Амуре, объяснялась, кроме того, отсутствием помощи и поддержки молодым матерям со стороны родительской семьи. Роженицами там, в основном, становились приехавшие в край по оргнабору или призыву молодые женщины, не имевшие еще материнского опыта.

Во второй половине 1930-х гг. семейно-брачным отношениям пришлось столкнуться с новым испытанием на прочность – массовыми репрессиями. Людям приходилось на свой страх и риск делать невероятно

тяжелый выбор, кому верить: близкому человеку, с которым прожил годы, родил и вырастил детей, или власти, объявившей его «врагом народа»? Большинство попавших в эту ситуацию женщин, в соответствии со сложившейся в русской культуре традиционной женской преданностью и жертвенностью, целиком встали на сторону несправедливо, как они считали, осужденных мужей. Во множестве писем, обращенных в различные партийные и советские инстанции, жены пытались защитить оклеветанных, исключенных из партии и даже арестованных супругов. «Я знаю своего мужа как честного и преданного человека, так за что же его забрало НКВД?...». «Мой муж не шпион и не вредитель, он работал честно». «Живя с мужем 12 лет, я категорически заявляю, что ни шпионажем, ни вредительством он не занимался, работал честно и добросовестно...». «Я 20 лет знаю Коваль как мужа и товарища, он всецело отдавался партии и порученной партией работе». «Я никогда, ни за что не поверю, что мой муж мог оказаться в лагере чуждых людей советской стране»³⁶.

Однако сложность выбора усугублялась изменением социального статуса женщины. В советских условиях она была уже не просто женой и матерью, а членом производственного коллектива, общественницей или даже коммунисткой. В последнем случае ей приходилось сложнее всего: она должна была держать ответ и за себя, и за мужа перед партийной организацией.

Такой тяжкий выбор пришлось делать Пирозерской, бывшей в течение трех лет, с 1935 по 1937 гг., секретарем парткома завода Дальэнергомаш (Хабаровск). В мае 1937 г. ее супруг Коробочкин, работавший начальником отдела политуправления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), был арестован. Первой реакцией жены было желание защитить его, и она написала письмо в Управление НКВД по Хабаровской области о том, что «в преданности Коробочкина партии она уверена и такую оценку она дает ему не с обывательской точки зрения, а как член партии, проживший вместе с Коробочкиным свыше 11 лет». Однако партком завода осудил поведение женщины, назвав ее заявление в защиту мужа «опрометчивым», «легкомысленным поступком». И она вынуждена была признать правоту партии и власти, заявив на заседании парткома, что ее «из партии исключить нужно хотя бы как жену арестованного, которая взяла мужа под защиту». «Теперь я понимаю, – говорила бедная женщина, – что политически поступила неправильно. НКВД, конечно, верю больше, чем Коробочкину, но помочь в разборе дела не могу, так как ничего компрометирующего в Коробочкине не вижу». Решение парткома гласило: «За взятие под прямую защиту мужа и за неискреннее объяснение на собрании политического лица Коробочкина, Пирозерскую из партии исключить»³⁷.

В тоже время инспирированная сверху истерия поисков «врагов народа» не могла не вынудить многих женщин «отказаться» от близкого че-

ловека. Так, член партии, участница Гражданской войны А.Н. Лебедева, прожив с мужем 17 лет в любви и согласии, каялась, что «проглядела врага у себя под носом». «Я глубоко ошиблась, оказалась исключительно слепой к этому презренному мною, теперь ненавистному врагу, – писала она в августе 1937 г. – Я вам заявляю прямо, я любила его крепко, теперь я так же, еще больше, ненавижу, презираю. И поверьте, если бы мне разрешили, я... растерзала бы его на кусочки за то, что предал честь советского гражданина, за то, что опозорил мое имя и имя сына...» Это «раскаяние» растерявшейся, запуганной женщины, стремившейся, вероятно, прежде всего, обезопасить сына, ей самой не помогло: в 1938 г. и она, и ее муж Е.В. Лебедев были расстреляны как враги народа³⁸.

Непростым было и положение мужчин, оказавшихся в ситуации трагического выбора, вызванной арестом жены. Однако в отличие от женщин, они были более склонны поверить в виновность близкого человека, чем поставить себя под удар выражением хотя бы малейшего сомнения в правоте «органов». Такой выбор в 1937 г. сделал председатель Дальневосточного краевого комитета радиовещания А.Л. Ткаченко, проживший с женой четыре года и заявивший после ее ареста, что она «внешне жила активной политической жизнью, а внутренне – черт ее знает!» В этих случаях мужа часто прибегали к пьянству, излюбленному мужскому способу избавления от необходимости принятия ответственных решений. Пил и Ткаченко, заявляя: «Я пью... Я не нахожу в себе сил... Когда я напиваюсь, я могу спать, а одному сидеть ум за разум заходит». На партсобрании он признался, что «нечестно» себя чувствует перед товарищами, его мучает совесть, ему стыдно смотреть им в глаза. Несмотря на столь явное раскаяние, члены парторганизации приняли решение об исключении Ткаченко из рядов ВКП(б), при этом заявив ему, что мучившая его «совесть – это категория буржуазная. Категории совести в марксизме нет»³⁹.

Таким образом, переход от патриархальной семьи к советскому браку в городах Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. сопровождался распадом семейно-брачных отношений, что проявлялось в постоянном увеличении числа разводов и сокращении средней продолжительности брака. Значительную роль в этом процессе сыграли замена церковного брака гражданским, провозглашение «свободы любви», упрощение процедуры развода. В дальневосточных условиях дополнительным фактором стала повышенная социальная мобильность населения, оторванность от родных и невозможность опереться на их поддержку, диспропорция между полами, тяжелые жилищно-бытовые условия.

Примечания

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 367. Л. 4, 5.

² Васильченко Э.А. Женский социум на Дальнем Востоке (1860–1940). Иваново, 2000, С.140.

³ Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113.

⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 225.

⁵ ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 201–203об.

⁶ ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 3. Л. 2об.

⁷ Там же. Д. 5. Л. 34; Д. 6. Л.1.

⁸ Там же. Д. 5. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 35.

¹⁰ Подсчитано по: ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 19. Л. 11–12; Д. 13. Л. 3, 4об.; Д. 3. Л. 2об.; Д. 4. Л. 15–38; Д. 5. Л. 34, 55, 121–158.

¹¹ ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 4. Л. 15.

¹² ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 6. Л. 55.

¹³ Там же. Л. 56.

¹⁴ Там же. Л. 59.

¹⁵ Ударник Комсомольска (Комсомольск-на-Амуре). 1935. 12 марта.

¹⁶ Название «хетагуровский призыв» закрепилось за компанией по переселению на Дальний Восток молодежи, начавшейся в 1937 г. после публикации в «Комсомольской правде» открытого письма дальневосточной комсомолки В.С. Хетагуровой к девушкам СССР с призывом «Приезжайте к нам на Дальний Восток».

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1351. Л. 15–22.

¹⁸ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1315. Л. 11–16.

¹⁹ ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 57.

²¹ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 368. Л. 93–96.

²² Ударник Комсомольска. 1935. 12 марта.

²³ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 338. Л. 198–199, 200–201.

²⁴ ГАХК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 53. Л.46.

²⁵ ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 104.

²⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1351. Л. 1, 8–10.

²⁷ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 20. Д. 29. Л. 61, 63, 64.

²⁸ Государственный архив Амурской области (ГАОО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 87. Л. 17.

²⁹ ГАОО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–9.

³⁰ ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 87. Л. 17.

³¹ Письма по власти, 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 346–347.

³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 257. Л. 17, 30, 34, 117; Д. 258. Л. 8.

³³ ГАОО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 123–124, 128.

³⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1254. Л. 24–28.

³⁶ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 368. Л. 18–21, 23, 27, 45, 88–89, 109–110об.

³⁷ ГАХК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 79об.; Д. 2. Л. 22; Д. 5. Л. 42–45

³⁸ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 90–95.

³⁹ ГАХК. Ф. 125. Оп. 1. Д. 6. Л. 100–110.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ – САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Один из самых острых вопросов истории Второй мировой войны – цена поражений и побед СССР. Цена эта включает множество составляющих: был нанесен колоссальный, не поддающийся подсчету урон материальной и духовной культуре народа. Но основная «единица измерения» – человеческие жизни. Как воинов Красной армии, так и мирных жителей, включая нерожденные поколения.

Масштаб такой цены еще не исчислен, но чем далее уходит от нас военное время, тем внушительней он и горше. Ибо далеко не все жертвы были необходимы и оправданы. Самый страшный и неопровержимый итог войны состоит в чудовищном факте, которому мы все являемся свидетелями: до сих пор еще остаются не захороненными или безвестными сотни тысяч павших. И это при условии, что в добровольное движение по розыску и захоронению павших воинов уже более полувека вовлечены тысячи добровольцев. В истоках этой крайне болезненной проблемы переплетаются и взаимодействуют многие факторы: морально-этические, политические, экономические, историко-культурные – как объективные, глобальные, так и субъективные, даже случайные. И тот груз ответственности, который не смогло и не захотело взять на себя Советское государство, приняло на себя общество.

Поисковое движение – это общественное движение граждан нашей страны, добровольно и безвозмездно занятых обнаружением и захоронением не погребенных в годы войны останков павших воинов, установлением фронтовых судеб воинов, считавшихся пропавшими без вести, возвращением из безвестности их имен и подвигов, увековечением их памяти, восстановлением хода военных событий.

Судьба поискового движения стала неотъемлемой частью истории нашей страны, хотя оно возникло стихийно – как самостоятельное, добровольное народное движение, в котором участвовали и продолжают участвовать представители всех поколений, от ветеранов войны до школьников. Поисковое движение имеет свою историю становления, свои этапы развития. Постепенно оно приобрело и свою правовую базу. Теперь оно включено в государственные программы патриотического воспитания молодежи.

Поисковое движение – явление уникальное, какого не знала ни одна другая страна в мире. Движение зародилось в первые послевоенные годы, но на протяжении почти полувека замалчивалось коммунистической властью, фактически было под запретом. В послевоенные годы страна, разрушенная войной, отдавала все силы восстановлению народного хозяйства.

Не хватило средств и сил (а возможно, и политического мужества) для захоронения всех павших советских воинов, останки которых продолжали истлевать на бескрайних просторах, бывших театром военных действий, – от Заполярья до Калмыкии. Огромные территории долго еще оставались заминированными, и местные жители опасались посещать такие места.

М.С. Горбачев в детстве стал очевидцем не редкой в те годы картины: «В конце февраля – начале марта 1943 года, когда сошел снег, я с другими ребятами в поисках трофеев забрел на дальнюю лесополосу между Привольным и соседним селом Белая Глина. Там мы наткнулись на останки красноармейцев, принявших здесь последний свой бой летом 1942 года. Описать это невозможно: истлевшие и изглоданные тела, черепа в стальных проржавевших касках, из прогнивших гимнастерок – выбеленные кости рук, сжимающие винтовки. Тут же ручной пулемет, гранаты, кучи стреляных гильз. Так лежали они, не погребенные, в грязной жиже окопов и воронок, взирая на нас черными зияющими дырами глазниц. Мы окаменели... Вернулись домой потрясенные»¹.

Работы по розыску, установлению имен и судеб участников войны предоставляют возможность «встреч» с неограниченным числом исторических источников. Их изучение может пролить свет как на конкретные события, так и на многие судьбы фронтовиков². Именно это и является наиважнейшей целью поисковой работы, особенно ввиду печальной статистики тех, кто, будучи мобилизован на фронт, с войны не возвратился и погиб (пропал) безымянным (без вести).

В стране победившего социализма семьи без вести пропавших, изнуренные военными лишениями и послевоенными голодными годами, даже не получали от государства пенсию по утрате кормильца. И после Победы логика коммунистической власти и ее бюрократического аппарата осталась репрессивной: а вдруг сдался в плен?! Слова «пропал без вести» ложились клеймом на долгие годы...

В личном архиве автора хранится переписка с семьями тех воинов, чьи останки были обнаружены в ходе поисковых экспедиций и чьих родственников удалось разыскать. Полученное в 1991 г. письмо Г.М. Демакова, сына красноармейца Демакова Михаила Романовича, 1913 г. рождения, уроженца села Осетры Даровского района Кировской области, пропавшего без вести в августе 1942 г., – вполне типично:

«Я родился 23 июня 1941 года, мне исполнилось 50 лет, и все эти годы я чувствовал себя неловко. Вспоминал отца только в день Победы. Но запись «пропал без вести» не давала мне покоя. Вы сняли тень с моей души. Спасибо вам за это. Конечно, хотелось бы узнать подробнее о своем отце, а то за 50 лет моей жизни – два письма с фронта и одна довоенная групповая фотография отца, которая пожелтела от времени и разобрать трудно.

Жили мы тяжело, с большим трудом выжили. Ели траву, а за лишнюю клеверную головку я, например, не раз получал по мягкому месту,

но все-таки выжили. Мама так и не выходила замуж, хотя предлагали, из-за нас не пошла...»³.

С юридической точки зрения, пропавший без вести – лицо, чье «безвестное отсутствие удостоверено в судебном порядке. Если в течение определенного срока, несмотря на все принятые меры, не удалось определить, жив или нет пропавший без вести, то суд объявляет его умершим. Признание безвестно отсутствующим и умершим влечет юридические последствия (переход прав и обязанностей к наследникам, назначение пенсии членам семьи и т.д.)»⁴.

Однако практика установления судьбы пропавшего без вести воина через обращение в суд в СССР, а потом и в России не получила распространения. И только обнаружение поисковыми отрядами останков солдата в стрелковой ячейке, блиндаже или цепи воинов, шедших в атаку с оружием в руках на бывшей нейтральной полосе, тел пилотов в обломках самолетов на глубине до 6–7 метров, их опознание по прямым или косвенным данным являются верным основанием для «реабилитации». А затем и для переучета: перевода из категории «пропавших без вести» в «погибшие».

Спустя почти полвека после окончания войны был издан указ президента СССР от 8 февраля 1991 г. «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг». Пропавшие без вести военнослужащие наконец-то были приравнены по статусу к погибшим⁵.

Важным подтверждением государственного признания поискового движения в России явился закон от 14 января 1993 г. «Об увековечении памяти погибших защитников Отечества», который регламентирует проведение поисковых работ, осуществляемых общественными организациями⁶.

И, наконец, в соответствии с указом президента России от 22 января 2006 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» впервые был определен федеральный орган исполнительной власти, на который возложены полномочия в этой сфере, – Министерство обороны РФ⁷.

Сегодня, уже в XXI в., сотни тысяч семей по всему миру ничего не знают о своих родственниках, которые исчезли во время войн. Не так давно в Женеве (Швейцария) состоялась конференция «Пропавшие». Центром внимания участников конференции стала судьба семей, которые потеряли кого-то из близких. По словам С. Мартин, руководителя Проекта Международного комитета Красного Креста по проблемам лиц, пропавших без вести, «чувство тревоги не унимается еще многие годы после окончания войны. И зачастую такие семьи не в состоянии продолжать обычную жизнь и восстановить силы... Как правило, воевавшие стороны не склонны совместно отыскивать пропавших. Причина этого кроется не столько в неспособности, сколько в нежелании. Как заметил один эксперт,

когда выясняются обстоятельства, при которых погибли люди, одновременно выявляются и ужасные подробности военных действий»⁸.

По официальным данным, число пропавших без вести советских воинов – от 3-х до 4-х млн⁹.

Подсчет, проведенный автором по изданным в России «Книгам Памяти», выявил в некоторых регионах ужасающее соотношение числа пропавших без вести воинов к общему числу не вернувшихся с войны: в Костромской области пропавшими без вести значатся около 52 000 (более 45 %) ¹⁰, в Тульской – 90 696 (50,04 %) ¹¹, в Московской – 1 74 945 (52,1 %) ¹², в Москве – 184 591 (49,5 %) ¹³.

Одни из «пропавших без вести» были наспех похоронены в перерывах между боями в братских могилах, надписи на которых позднее были утрачены. Многие бойцы и командиры погибли и остались лежать в местах массовой гибели – в «котлах» либо при прорывах из окружений. Часть из них – во вражеском плену и на этапах транспортировки в лагеря военнопленных. Из-за отсутствия документов о факте гибели они были учтены как пропавшие без вести.

Колоссальное число пропавших без вести фронтовиков определили два фактора: отсутствие надежных средств опознания личности павших военнослужащих и невозможность систематического, полного учета безвозвратных потерь личного состава в Красной армии в боевой обстановке.

Приказом РВС СССР от 14 августа 1925 г. № 856 была введена в действие инструкция по использованию медальонов с личными сведениями о военнослужащих Красной армии¹⁴. В ней говорится:

«1. Медальоны с личными сведениями о военнослужащих назначаются для облегчения личного учета при выдаче справок населению о всех военнослужащих РККА, находящихся на театре военных действий.

2. Медальон состоит из самого медальона (металлического), пергаментного листка в нем с краткими сведениями о военнослужащем и тесьмы для ношения медальона на груди...

5. Медальон хранится, как и служебная книжка, на руках у военнослужащего, а на смотрах военнослужащие должны иметь медальоны при себе на груди.

6. В походе медальон носится всегда на груди.

7. При переводе военнослужащего из одной части (учреждения) в другую военнослужащий сохраняет медальон при себе и в новой части меняет только пергаментный листок.

8. В случае утери медальона военнослужащему, по его заявлению, немедленно выдается новый.

9. Медальон относится к табельным вещам, предметам снаряжения и является вещью бессрочной.

10. Начальствующие и инспектирующие лица обязаны проверять наличие медальонов у военнослужащих при посещении ими частей и учреждений»¹⁵.

Медальон образца 1925 г. был сделан из жести в виде плоской коробочки размером 50 x 33 x 4 мм с тесьмой для ношения на груди. В него вкладывался специальный бланк (вкладыш), изготовленный типографским способом на бумаге. При использовании такого типа медальона в ходе боевых действий выяснилось, что он негерметичен: пергаментный листок быстро приходил в негодность. Когда же приказом наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова № 180 от 25 августа 1937 г. были отменены свыше 500 приказов как «подписанные врагами народа», среди них оказался и приказ РВС № 856¹⁶. Вследствие этого использование медальонов было прекращено.

Опыт войны с Финляндией заставил вернуться к медальонам. Приказом наркома обороны СССР С.К. Тимошенко № 138 от 15 марта 1941 г.¹⁷ было введено в действие «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время». Согласно положению, вводились новые медальоны в виде пластмассового пенала с вкладышем из пергаментной бумаги. Приказ дополнялся «Инструкцией о порядке пользования медальонами с краткими сведениями о военнослужащих Красной Армии». В ней сказано:

«1. Для облегчения учета потерь личного состава Красной Армии каждый военнослужащий в военное время снабжается медальоном с вкладным пергаментным листком, содержащим в себе сведения о военнослужащем...

3. Во вкладной листок заносят следующие сведения: фамилия, имя, отчество; воинское звание; год рождения; место рождения: республика, край, город, район, сельсовет, деревня; адрес семьи; каким РВК мобилизован; группа крови.

Примечание: указывать во вкладных листках название воинской части и должности военнослужащего категорически запрещается.

4. Заполнение вкладного листка и внесение в него изменений возлагается на командира подразделения.

5. Медальоны носят в специальном кармане пояса брюк с правой стороны...»¹⁸

В разделе 3 «Положения о персональном учете...» – «Назначение медальонов со сведениями о военнослужащих» – сказано:

«Для учета потерь личного состава в военное время и в целях привития навыков в хранении медальонов еще в мирное время каждому военнослужащему, с момента его прибытия в часть, выдается медальон с вкладным листком в двух экземплярах, ко-торый записывается в вещевой аттестат и хранится у него до увольнения в запас...

Вкладыш медальона заполняется в двух экземплярах. Один экземпляр вкладыша медальона у убитых и умерших от ран вынимается и хранится в штабе части или лечебном учреждении, а второй экземпляр, вложенный в медальон, остается при убитом или умершем от ран. Команды,

наряжаемые для очистки поля боя, вынимают один экземпляр вкладыша медальона с убитого и передают в штаб той части, распоряжением которой они производили очистку поля боя. О смерти военнослужащего сообщает та часть, в которую передан командами после очистки поля боя вкладыш медальона, снятый с убитого, независимо от того, к какой части принадлежал военнослужащий. Вкладыши, изъятые из медальонов у убитых военнослужащих, командиры частей хранят в штабе части, на основании их составляют списки по форме № 2 и пересылают в штаб дивизии»¹⁹.

«Положением о персональном учете...» устанавливался порядок учета потерь. Подчеркивалось, что командир полка (отдельной части) несет полную ответственность за точный учет потерь в полку и за своевременности донесений о потерях в штаб дивизии.

В частности, без вести пропавшие должны были учитываться в течение 15-ти дней как «временно выбывшие». Командиры части и подразделения обязаны были принять все меры к выяснению судьбы пропавших без вести. После 15-дневного срока их следовало занести в список безвозвратных потерь, исключить из списков части с донесением по команде. По истечении 45-ти дней о них следовало известить родственников. Если впоследствии судьба без вести пропавшего военнослужащего выяснится, то о нем необходимо было немедленно сообщить дополнительные сведения – как по команде, так и в РВК или родственникам²⁰.

Согласно приказу наркома обороны № 138, главный интендант РККА должен был к 1 мая 1941 г. снабдить войска медальонами и вкладными листками. Интенданты этот приказ в каком-то объеме выполнили: поисковикам удавалось найти и прочитать бланки медальонов с датой заполнения май–июнь 1941 г.

По статистике, выведенной нами из многолетнего опыта поисковых работ, медальоны при обнаружении останков погибших встречаются примерно у каждого 10-го воина, а прочтению поддаются в среднем три-четыре из десяти медальонов. Таким образом, установить имя по медальону возможно лишь у троих-четверых из 100 павших военнослужащих.

Этому обстоятельству есть несколько объяснений.

Ко дню нападения Германии на СССР не удалось полностью обеспечить медальонами весь личный состав Красной армии. А изготовление их в ходе войны было связано с большими трудностями. Так, 17 декабря 1941 г. начальник отдела по укомплектованию штаба Ленинградского фронта, бригадный интендант Васильев докладывал члену Военного совета Ленинградского фронта дивизионному комиссару В.А. Кузнецову: «Дальнейшее изготовление медальонов и снабжение войсковых частей прекращено из-за отсутствия электроэнергии. Для выполнения заказов на медальоны прошу вашего распоряжения об отпуске электроэнергии для «Фабрики пластмасс» – 250 киловатт и артели «Культпром» – 250 киловатт-часов»²¹.

В отличие от металлических личных опознавательных знаков (die Erkennungsmarke)²², принятых в германских вооруженных силах, советские медальоны были недостаточно надежны и герметичны. Длительное их нахождение на воздухе, в воде, в почве вело к значительному, а порой и полному разрушению бумажного вкладыша либо угасанию текста. В то же время овальная алюминиевая пластина-жетон убитого немецкого солдата при погребении разламывалась на две части (каждая – с одним и тем же шифром) по месту прорези. Одна половина оставалась на шее или в кармане погребенного, а другая переправлялась в Германию, в Справочное бюро вермахта по военным потерям и военнопленным, переименованное в дальнейшем в «Немецкую Службу (WASSt)». Там хранились все личные данные о военнослужащих и перечни выданных опознавательных знаков.

Каждому немецкому солдату настойчиво и строго внушалось, что отсутствие личного знака может привести к тяжелой несправедливости в отношении его родственников, так как в этом случае он может стать «пропавшим без вести» для своей семьи. Если у найденного погибшего немецкого солдата обнаружен целый жетон – это означает, что он не учтен как погибший и, следовательно, считается пропавшим без вести.

Среди красноармейцев отношение к сохранности медальонов и записок часто было небрежным: кто-то неплотно закрутил крышку, кто-то засунул внутрь для временного хранения иголку или металлические перья для ручки – и записка «окислилась», кто-то не заполнил бланк. А бывало и так, что записку – вероятно, из суеверия – выбрасывали сразу после получения медальона.

Солдатский медальон был единственным документом «удостоверяющим личность» для рядового и сержантского состава до выхода приказа наркома обороны СССР И.В. Сталина № 330 от 7 октября 1941 г. «О введении красноармейской книжки в военное время в тылу и на фронте». В нем говорилось:

«...Красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов, удостоверяющих их личность, а наша дивизия, которая должна являться замкнутой крепостью, недоступной для проникновения посторонних лиц, превратилась на деле в проходной двор. Противник воспользовался этим беспорядком и в некоторые части Красной Армии заслал своих людей, одетых в наше обмундирование. В одной из дивизий Северо-Западного фронта была обнаружена и расстреляна группа из 7 человек таких людей, засланных противником с шпионско-диверсионной целью. Далее, не может быть сомнения, что немало болтающихся людей в тылах дивизий и армий, одетых в красноармейскую форму, являются агентами противника, передающими сведения о наших частях, борьба с которыми невозможна по причине отсутствия документов у бойцов Красной Армии, чтобы можно было отличить своих людей от агентуры противника. И, наконец, отсутствие на руках документов у отправляющегося на

фронт пополнения и убывающих с фронта по эвакуации больных и раненых бойцов и младших командиров лишило возможности органы снабжения проверять их обеспеченность обмундированием, оружием, снаряжением и другими видами довольствия. В целях исправления допущенной ошибки, обеспечения частей от проникновения вражеских элементов и упорядочения учета личного состава Красной Армии приказываю:

1. Немедленно ввести во всех частях и учреждениях Красной Армии как в тылу, так и на фронте, красноармейскую книжку с фотографической карточкой владельца, согласно объявляемому образцу.

2. Красноармейскую книжку считать единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира. В красноармейскую книжку заносить прохождение военнослужащим военной службы и получаемые им от военного ведомства предметы довольствия (оружие, снаряжение и обмундирование)...

5. Наличие у красноармейцев и младших командиров красноармейских книжек проверять: в частях в тылу – ежедневно на утреннем осмотре, в боевых – при первой возможности, по усмотрению командиров рот, но не реже 1 раза в 3 дня.

6. Каждому красноармейцу и младшему командиру красноармейскую книжку иметь при себе. Красноармейцев и младших командиров, не имеющих красноармейских книжек, задерживать как подозрительных и направлять в военные комендатуры для выяснения личности...

12. Главному интенданту Красной Армии в 15-тидневный срок изготовить и обеспечить действующую армию и внутренние округа красноармейскими книжками утвержденного мною образца, а также дать указания войскам о порядке изготовления фотографических карточек.

13. Инспекторам родов войск и служб, а также всем прямым начальникам при посещении подчиненных частей проверять наличие у красноармейцев и младших командиров красноармейских книжек и правильность их ведения²³.

Нередко складывались ситуации, когда у бойцов Красной армии отсутствовали как медальоны, так и красноармейские книжки. Так, в докладе «О результатах проверки выполнения приказа НКО № 138-41 г. об учете персональных потерь в частях 9-й Гвардейской Краснознаменной дивизии» от 28 мая 1942 г. констатировалось: «Приказ № 138 есть во всех частях, бланков списков и извещений нет, их печатают на месте. Медальонами в данное время дивизия не обеспечена. Красноармейскими книжками без фотокарточек бойцы не все снабжены. В 28-м Гв. ап у 100 бойцов нет книжек²⁴.

В очередной раз медальоны были отменены приказом наркома обороны СССР Сталина № 376 от 17 ноября 1942 г. «О снятии медальонов со снабжения Красной Армии»²⁵. В нем утверждалось: «С введением по приказу НКО СССР № 330 от 7 октября 1941 г. красноармейской книжки, со-

державшей все необходимые данные о бойце, надобность в дублировании этих сведений в медальоне отпадает».

В соответствии с этим приказом, красноармейская книжка стала считаться единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира. У убитых и умерших от ран красноармейские книжки изымались и передавались в штаб части или лечебного учреждения, где на их основании составлялись списки потерь личного состава. А умерший становился «безымянным».

С другой стороны, отмена медальонов формально мотивировалась введением красноармейских книжек в качестве документа, удостоверяющего личность военнослужащего. Однако этот документ не обеспечивал должной сохранности сделанных в них записей, и для опознания погибших мог быть использован далеко не всегда.

В итоге отсутствие при убитых медальонов и каких-либо документов что сделало позднее невозможным установление их личности. Вполне очевидно, что отмена медальонов привела к увеличению числа «пропавших без вести».

Документы военной поры красноречивее любых рассуждений на этот счет, как, например, акт, составленный 28 марта 1943 г.:

«Мы, нижеподписавшиеся, начальник штаба 105 оиаб капитан Копанев Д.А., помощник зам. командира роты по политчасти старшина Гордеев и старший сержант Назаров составили настоящий акт о нижеследующем.

Сего числа на территории, освобожденной от противника в районе дер. Стенино и Жары Юхновского района обнаружены непогребенные трупы военнослужащих в количестве 10 человек, документов при них никаких не имелось. По знакам различия установлено, что из них один лейтенант, один старший сержант, один сержант и семь красноармейцев, трупы которых похоронены – дорога ведущая с дер. Стенино Юхновского района Смоленской области в дер. Жары. От дер. Стенино 1–1,5 км в лесу от правой стороны дороги 20 метров стоит столб с металлической звездочкой. В чем и составлен настоящий акт»²⁶.

По сути, акт составлен о наличии одного из многих вариантов «пропажи без вести» в боевых условиях. Потому-то так велико значение, которое приобретают сегодня сведения из хотя бы одного солдатского медальона, обнаруженного поисковиками при эксгумации захороненных останков или неизвестных массовых захоронений. Ведь порой благодаря только одному имени из правильно заполненного и относительно хорошо сохранившегося медальона удается затем по документам Центрального архива Министерства обороны установить фамилии остальных воинов, погибших в этом бою, выяснить обстоятельства их гибели.

Эту трагическую ситуацию значительно усугубили многочисленные нарушения, а порой и прямое неисполнение «Положения о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной

Армии в военное время», введенного приказом наркома обороны № 138. Равнодушие должностных лиц к солдатской смерти порой переходило всякие границы. И это происходило не только в 1941–1942 гг., когда можно было оправдываться отступлением.

Острая необходимость наведения порядка в учете потерь возникала даже на уровне гвардейских армий. Так, в приказе войскам 10-й гвардейской армии № 0167 от 29 августа 1943 г. «О недостатках в учете персональных потерь» говорилось:

«Проведенной в частях 22-й и 56-й гв. сд проверкой установлено явно неудовлетворительное состояние учета и отчетности по персональным потерям личного состава. Выявлены следующие основные недочеты:

1. Учет персональных потерь в процессе боевых операций в частях отсутствовал. Основные учетчики – ротные писаря – использовались в бою в качестве бойцов и, естественно, учетом не занимались. Большинство из них выбыло из строя.

2. Запоздалый учет привел к тому, что в частях 22-й гв. сд оказались сотни без вести пропавших, на огромное число погибших не установлены дни и места смерти и пункты погребения.

3. Книги погребения в частях не ведутся, схемы расположения братских могил не составлялись.

4. Высылка именных списков на безвозвратные потери в Центр и извещений Ф. № 4 в райвоенкоматы задерживается в связи с трудностями в установлении адресов родственников погибших, сроков и места смерти их и др. Извещения на убитых оформляются небрежно.

5. Личный состав, выбывший во время боев, приказами по части не исключается с начала августовской операции до дня проверки 22.8.43 г. (62-й и 67-й гв. сп 22-й гв. сд, 256-й гв. сп 56-й гв. сд), в 65 гв. сп потери исключены не полностью. В книгах личного состава потери не отражены.

Эти недочеты явились следствием не только невнимания, но и прямого пренебрежения со стороны командиров соединений и частей и начальников штабов к делу учета потерь, несмотря на исключительную важность постановки точного учета личного состава для решения боевых задач.

Приказываю:

1. Командирам соединений и частей к 05.9.43 г. точно установить безвозвратные потери в личном составе частей, отчитаться за все потери перед Центром и штабом армии и закончить высылку извещений по Ф. № 4 на погибших.

2. Принять срочные меры к выяснению обстоятельств, при которых без вести пропали сотни людей, и произвести тщательный розыск пропавших.

3. Немедленно восстановить во всех частях книги погребения, составить схемы братских могил и привести кладбища и братские могилы в должный порядок.

4. Командирам соединений произвести расследование по поводу несвоевременного исключения из состава частей выбывшего во время боевых операций личного состава.

5. Запретить использование ротных писарей в качестве бойцов и научить их вести учет потерь во время боя...»²⁷.

Лишь к концу октября 1943 г., после неоднократных приказаний и наказаний, ответственные лица на уровне дивизий, входивших в состав 10-й гвардейской армии, оформили задним числом потери за август месяц.

Но даже в случае своевременного захоронения убитых в бою они могли попасть в категорию пропавших без вести, ибо из-за сбоя в системе учета погребенные воины во многих случаях оказывались безымянными, их семьи не имели возможности узнать об их судьбе, о месте гибели и погребения. И тогда формулировка извещения, присылавшегося из военкомата – «В боях за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб (дата), похоронен (прочерк)» – без указания конкретного места захоронения становилась равнозначной стандартной формулировке: «пропал без вести». Один из трагических парадоксов Великой Отечественной...

Миллионы защитников пали на чужой земле, в разных странах Европы, когда, претерпев все фронтовые тяготы, уже предощущали скорую Победу. Но и их не миновала чаша посмертной безвестности. На территории 24-х европейских государств погребено более 2,5 млн. советских воинов, погибших в ходе победных «сталинских ударов». Из них более 80 % числятся на кладбищах как «неизвестные»²⁸.

Потери Красной армии в наступательных операциях в Европе были большими. Но поскольку поле боя оставалось за ней, собирать тела и хоронить успевали, да и систему учета потерь удалось более или менее наладить. Беда теперь была в ином: в невозможности сделать долговременные надмогильные знаки и надписи на них. Просто не было материалов: на фанерных табличках химическим карандашом или углем писали звание, фамилию и дату гибели. Через несколько месяцев, а то и после сильных дождей от надписи ничего не оставалось.

И когда в конце 1945–1946 гг. местные власти вместе с представителями командования размещенных поблизости частей Советской армии занимались перезахоронением останков павших воинов на специально отведенных военных кладбищах, большинство могил уже были безымянными. Одно, хотя и слабое, утешение все же было: семьи получили из военкоматов извещения, где указаны место гибели и захоронения.

В 2002 г. Управление внешних сношений Министерства обороны РФ на запрос в адрес военного атташе при Посольстве России в Австрии – о месте захоронения гвардии сержанта Поличева Сергея Сергеевича (погиб в апреле 1945 г.) – отвечало: «Факт утраты данных о месте захоронения погибшего военнослужащего может объясняться тем, что в конце 1945 –

начале 1946 гг. по приказу ГК ЦГВ № 0160 от 15.10.1945 г. производилось массовое перезахоронение останков погибших советских военнослужащих из мест полевых захоронений на гарнизонные кладбища в пунктах дислокации советских войск. В отчетных документах по проведению перезахоронений указано, что имелось большое количество могил, не позволяющих идентифицировать похороненных в них военнослужащих ввиду отсутствия именных табличек либо невозможности прочесть указанные на них имена и фамилии, так как надписи были выполнены нестойкими пишущими средствами»²⁹.

Но когда годы и десятилетия спустя, основываясь на данных похоронков, родственники пытались через Красный Крест найти могилы – удавалось это далеко не всегда, в лучшем случае – далеко не сразу. Типичный пример – «посмертная судьба» лейтенанта Якова Тимофеевича Лиманского 1896 г. рождения³⁰.

Поистине, самым известным солдатом Второй мировой войны стал Неизвестный солдат...

Этот тягостный факт сегодняшней нашей жизни плохо согласуется со стереотипами общественного сознания. По данным опросов, проведенных Институтом комплексных социальных исследований РАН в 1998–2004 гг., подавляющее большинство наших сограждан, независимо от пола, образования, профессии и места проживания, продолжают в первую очередь гордиться всенародной Победой в Великой Отечественной войне³¹. И при этом на территории бывшего СССР в настоящее время нет ни одного региона, где бы были полностью завершены работы по выявлению и захоронению останков солдат и командиров Красной армии, отдавших свои жизни в борьбе за независимость нашего Отечества.

Всенародное поисковое движение как практическая (и лишь с недавних пор – научная) проблема проросло из скорбных зерен народной беды: семьи, отдавшие для защиты Родины своих отцов, мужей, сыновей, братьев, сестер, не только не дождались их после выстраданной Победы, но даже не узнали, в какую землю они полегли, изгнав фашистского агрессора и добив его на его собственной земле.

Миссию исправления этой исторической несправедливости по собственной воле возложили на свои плечи энтузиасты-одиночки, которые на свой страх и риск занялись «очисткой бывших полей сражений». Они очищали еще заминированные леса и поля от незахороненных трупов, предавая их земле своими силами. Помогали им ветераны войны. Затем включились их дети, внуки, а теперь уже и правнуки фронтового поколения. В ходе многолетних поисковых экспедиций на территории бывшего СССР объединенными усилиями были опознаны более 10 тысяч павших воинов³². Сотни тысяч фронтовых судеб не вернувшихся с войны были установлены поисковиками-добровольцами и увековечены в региональных «Книгах Памяти».

Энергия всенародного движения постепенно снимает гнет неизвестности и подозрений, возвращает доброе имя и честь тем, кто не «пропал», а пал с оружием в руках на своих боевых позициях или в других жестоких, неотвратимых обстоятельствах военного лихолетья. Вот почему так значимы братские захоронения и мемориальные кладбища, создаваемые в результате поисковых работ, куда приезжают поклониться семьи, дети которых не знали надежного отцовского плеча.

Вернуть имена всех безвестно сгинувших – задача невыполнимая. Но пока возможно раскрыть одну фронтовую судьбу, еще одну и еще одну – поисковики-добровольцы будут делать свое святое дело.

Примечания

- ¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 50–51.
- ² Харитонов А. К истории розыска пропавших без вести // *Für die Lebenden der toten gedenken* (Во имя живых помнить о погибших). Дрезден, 2003. С. 76–85; Петров В.Н., Шкапа Н.А. Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны). М., 2006; Илев И.И. Память хранима тобой: Методика обработки и анализа документальных материалов о судьбах военнослужащих в целях подготовки региональной Книги Памяти. Тюмень, 2008.
- ³ Садовников С.И. Поиск, ставший судьбой. М., 2003. С. 222–223.
- ⁴ Военный энциклопедический словарь. Т. 2. М., 2001. С. 39.
- ⁵ Известия. 1991. 9 февр.
- ⁶ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 7. Ст. 245.
- ⁷ Российская газета. 2006. 25 янв. С. 9.
- ⁸ Пропавшие родственники // Пробудитесь! Нью-Йорк, 2003. Вып. 84. № 24. С. 28.
- ⁹ Гаврилов Ю. Сергей Иванов поддержал поисковиков // Российская газета. 2006. 20 сент. С.6; Он же. Найти и обессмертить // Российская газета. 2006. 22 дек.
- ¹⁰ Книга Памяти. Костромская область. Т. 7. Ярославль, 1995. С. 554.
- ¹¹ Книга Памяти, 1941–1945. Тульская область. Т. 15. Тула, 2000. С. 57.
- ¹² Книга Памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 29. Ч. 3. М., 2005. С. 672–673.
- ¹³ Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 2–15. М., 1993–1995.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 48. Л. 34; Руководство по поисковым и эксгумационным работам. 3-е изд. М., 1997. С. 29–30.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2576. Л. 348; Руководство по поисковым и эксгумационным работам. С. 29; Без вести пропавшая... память? // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 70; Садовников С.И. К проблеме установления имен и судеб павших защитников Отечества // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 155–156.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 82. Л. 182–185.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 2. Л. 441–446; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–261.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 23. Л. 719–720; Буслаев А.А., Мазур К.А., Шумейко Ю.И. Неоплаченный долг // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 28.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 4 Оп. 12. Д. 97. Л. 275; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 260.

²⁰ РГВА. Ф. 4 Оп. 12. Д. 97. Л. 270; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 259.

²¹ Буслаев А.А., Мазур К.А., Шумейко Ю.И. Указ. соч. С. 30.

²² Шванебах Б.Э. Руководство по немецкому военному переводу. М. 1943. С. 44–45; Schliht A., Angolia J. R. Die deutsche Wehrmacht. 1993. Band 1: Das Heer. Stuttgart, 1993. S. 411.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 2. Л. 840–842; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 274–277; СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Краткая хроника. М., 1970. С. 98; Конасов В.Б., Терещук А.В. Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 185–186.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1114. Л. 58.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 5. Л. 495; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 368; Клейменов А.Н. По долгу памяти // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 4; Конасов В.Б., Судаков В.В. К истории вопроса о персональных потерях личного состава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны и увековечении памяти защитников Отечества // Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. Вологда; М., 1997. С. 4.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 91. Л. 126.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 1473. Оп. 2. Д. 7. Л. 44–44об.

²⁸ Дробышевский В. Помнить всех поименно // Красная Звезда. 2008. 18 июня.

²⁹ Архив автора. Копия ответа Управления внешних сношений МО РФ № 3977 от 5 декабря 2002 г.

³⁰ См.: Симонов А.И., Симонов А.А., Карпенко С.В. Дело Якова Лиманского // Новый исторический вестник. 2009. № 4(22). С. 165, 167.

³¹ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М., 2005. С. 15.

³² Имена из солдатских медальонов. Т. 1–3. Казань, 2005–2008.

В.А. Хохлов

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО: ПРОДОЛЖЕНИЕ В ФЭНТЕЗИ-БУДУЩЕМ

«Наша задача была немцев показать максимально не пошло... Потому что не воевали немцы с автоматами так, ну не воевали так никогда. Они благодаря этому войну выиграла, потому что у них были тактические единицы вокруг пулеметов построены, очень грамотно»¹. На пресс-конференции улыбчивый режиссер с многоговорящей фамилией Самохвалов, сделал поразительную оговорку: «Они благодаря этому войну выиграла». «Они» – это немцы, если кто еще не поверил своим глазам. Оговор-

ка эта, совсем по Фрейду, объясняет загадки его удивительного фильма «Мы из будущего-2» и творящегося на наших глазах фантастического кинодискурса Великой Отечественной войны.

В СССР война 1941–1945 гг. была не только «самым значительным событием в истории»², но и главной темой в отечественном кинематографе, выполняя важную социальную функцию. Американский историк Д. Янгблад убежден: «Советские кинематографисты преуспели в возвращении советским людям аутентичной памяти войны»³. Экран формировал образ войны в исторической памяти поколений вопреки официальной историографии. В наше время в условиях формирования новой российской идентичности эта функция «важнейшего из искусств» снова оказалась востребована, однако результаты «возвращения» войны в «культурную память»стораживают. Мягко говоря.

В начале XXI в. кинематографисты выстрелили целой обоймой талантливых военных фильмов. Боевик «Звезда» (2002, режиссер Н. Лебедев), «ремейк» ленты 1949 г. о подвиге разведчиков, вернул на экран интонацию патриотического кино. Однако доминирующей стала «линия», проходящая «параллельно героическому дискурсу»⁴. Действие большинства картин разворачивалось вдали от боевых действий, часто на Крайнем Севере: саамский хутор («Кукушка», 2002, режиссер А. Рогожкин), псковская деревня Блины («Свои», 2004, режиссер Д. Месхиев), лагерь немецких военнопленных под Архангельском («Полумгла», 2005, режиссер А. Антонов). В центре киноповествования – не фронтовая героика, а многоплановая повседневность войны. (Тема эта была заявлена в позднесоветский период в фильмах А. Тарковского, Л. Шепитько, А. Германа, Э. Климова).

В фильмах подняты темы, болезненные для исторической памяти: оккупация, военнопленные, коллаборационизм. Авторы избегали однозначных, простых оценок. В драме «Свои» политрук Лифшиц (К. Хабенский) пытается выяснить у старосты (Б. Ступка), называющего войну «заварухой»: «Почему наши к немцам идут служить?» Сбивчивые ответы старосты – «из обиды», «люди упростили» и, в итоге, закономерное «вам не понять» – предлагали сложные открытые интерпретации.

Режиссеры рассказывали истории поиска взаимопонимания или обретения навыка жизни без войны «бывших» врагов: русского капитана «Пшолты» и финского снайпера Вейко («Кукушка»), командира лагеря немецких военнопленных Анохина и его подопечных («Полумгла»), советского и немецкого саперов («Время собирать камни», 2005, режиссер А. Карелин). Примирение, взгляд на войну «с другой стороны» оказались в числе главных идей, представленных в военном кино накануне 60-летнего юбилея Победы. Можно только предполагать, какова была степень отражения в этом гуманистической позиции авторов, социального запроса и госзаказа по созданию позитивного образа «стратегических партнеров»⁵. «Юбилейное» кино, тем не менее, казалось возрождением «великой тра-

диции советского военного кино»⁶ и предвещало расцвет. Однако эпоха стабильности востребовала совсем другие проекты и форматы.

«Скандалы, интриги, расследования» на фронтах войны

В начале 2010 г. Министерство культуры Украины не выдало прокатное удостоверение ленте «Мы из будущего-2»: мол, в фильме имеется «тенденция к возбуждению межнациональной вражды и субъективный взгляд на историю»⁷. В разговорах со многими потенциальными зрителями выяснилось, что собственно их знания о фильме исчерпывались именно этим фактом. В 2000-е гг. скандалы сопровождали не только выход фильма на экраны («постпродакшен»), но часто были заложены уже на уровне сценария.

«Вручать приз «за лучший фильм» этому фильму, достаточно подлому и позорящему мою страну, я попросил бы Памелу Андерсон. Я, к сожалению, этого делать не буду»⁸. Так в 2007 г. режиссер В. Меньшов отказался вручать награду «MTV-Россия» военной драме «Сволочи» (2006, режиссер А. Атанесян) – кинул призовой конверт на пол и покинул зал.

Самый громкий скандал в новейшем военном кино – драма «Сволочи» по повести В. Кунина о секретной школе диверсантов для малолетних преступников. До премьеры авторы публично заявляли, что сценарий основан на реальных событиях из жизни сценариста, но после опровержения ФСБ⁹ признались в фальсификации. Культуролог В. Зверева выделила этот способ презентации истории на ТВ: «прошлое как сенсация»¹⁰. Модель скандальной презентации истории сработала и в художественном кинематографе, привлекая уже подготовленного зрителя в кинотеатры¹¹.

«Было так на самом деле или же нет – неважно! На войне творились вещи и похуже»¹². Так писали на интернет-форумах зрители, разделившие «привилегированное прочтение» и принявшие авторские культурные коды: «Это же совсем еще дети! Что же мы делаем, что же это за война такая?!» Реплика немецкого офицера, которому демонстрируют тела «сволочей», подставленных чекистами-начальниками, раскрывает авторское отношение к войне, подлой и бессмысленной. Кто враг, кто герой, с кем ведется война – ничего не понятно. Авторы противопоставили «плохую» войну brutальной «пацанской» дружбе и уголовной субкультуре.

Военная драма «Первый после бога» (2005) режиссера В. Чигинского, как утверждала агрессивная реклама, была основана на подлинных фактах из биографии героя-подводника А.И. Маринеско. Факты таковы: подводники пьянствуют, играют в карты, посещают бордели. «Повседневность» военной базы больше напоминает жизнь гламурной Рублевки. Главный герой капитан Маринин (Д. Орлов), сын царского адмирала, мелодраматично страдает, так как предал отца, и оказывается жертвой интриги демонического особиста¹³. Короткий «боевой» эпизод, когда подводная

лодка уничтожает лайнер «Атилла» (как бы «Вильгельм Густлофф»), а потом в надводном положении сражается с целой эскадрой вражеских кораблей, даже не посвященному в детали морских сражений зрителю напоминает голливудские боевики о супергероях. (Возмущенный искажениями сюжета, сценарист И. Авраменко попросил не ставить его фамилию в титрах).

В финале фильма «Сволочи» постаревшие герои, один из которых стал авторитетным вором, встречаются 9 мая у развалин своей школы. Такая вот игра с «героическим дискурсом», подобная эпизоду триумфального возвращения капитана Маринина из боевого похода под простреленным военно-морским флагом. Формат масс-медиа, где смакуются маргинальные поведенческие практики, поначалу воспринимался крайне неоднозначно в рамках сакральной темы войны¹⁴. Однако со временем зритель привык, а подлинных экспертов, к чьему мнению прислушиваются, практически не осталось.

Осенью 2009 г. продюсер и сценарист с многообещающей фамилией Шприц представил плод своих «фантазий» – аниме «Первый отряд» (2009)¹⁵. Зима 1942 г. Нацистские маги из «Аненербе» вызывают из царства мертвых дух магистра ордена Меча барона фон Вольфа, павшего 800 лет назад в Ледовом побоище. Он должен помочь нацистам одолеть СССР. Черным силам противостоит агент Надя из 6-го отдела советской военной разведки. Девочка с помощью «некропортатора» (колесо обозрения ВДНХ) вызывает из потустороннего мира своих погибших друзей, боевой отряд экстрасенсов-диверсантов. Герои носят узнаваемые имена пионеров-героев – Марат, Леня, Валя и Зина. Поразительно, но довольно много зрителей оценило проект как патриотичный: «С детьми смотреть обязательно, если хотите их приучить любить Родину».

«Комсомольская фантастика»: война «геймовер»

В феврале 2010 г в прокат вышел фильм-продолжение «Мы из будущего-2» режиссеров А. Самохвалова и Б. Ростова.

Припомним сюжет первого фильма «Мы из будущего», снятого известным советским режиссером А. Малокувым, работавшего ассистентом Ю. Озерова на его военных эпопеях. «Черные копатели», которых возглавляет недоучившийся историк по кличке «Борман» (Д. Козловский), находят на местах боев под Ленинградом разбомбленный блиндаж. Напившись, они начинают стрелять по черепам советских воинов и обижать солдатских матерей. За что вскоре будут наказаны, «провалившись в прошлое» – прямо в август 1942 г.

История держится на простом сюжетном ходе: а что если отправить современных циников на войну и посмотреть, что получится? Фильм, выстроенный как «компьютерный квест» (чтобы вернуться, герои долж-

ны обнаружить солдатский портсигар), тем не менее, содержал внятное авторское высказывание. Фальшивая гедонистическая «современность» и эгоистичные, хотя и обаятельные потомки были противопоставлены героической войне и самоотверженным солдатам-победителям. «Когда война закончится?», – спрашивает идущий на смерть старшина Емельянов, олицетворяющий в фильме народную мудрость и молящийся над могилами убитых красноармейцев¹⁶. Если для советских солдат окончание войны – это такая далекая желанная Победа, то «хилые потомки», среди которых скинхед «Череп» (В. Яглыч), растоман «Спирт» (А. Терентьев) и геймер «Чуха» (Д. Волкострелов) мечтают сбежать «назад в будущее». Авторы заставляют героев пройти через трагедию войны и узнать смерть близких. В конце фильма «Череп» с мясом сдирал нацистскую татуировку со своего плеча.

Фантастическая «сказка» была прочитана молодежной аудиторией и вызвала желаемое чувство. Как комментировала одна зрительница на форуме: «Никогда не думала, что во мне может быть столько патриотизма». В то же время публицистический заряд, в ущерб глубине, и куча киноляпов раздражали знатоков: «комсомольская фантастика», «фанерные танки» и т.п. В последних кадрах «задумавшиеся» «гости из будущего», сжимая кулаки, смотрели на скинхедов, тусующихся на Невском проспекте. Такой открытый финал, и еще в большей степени коммерческий успех, предполагали продолжение. И оно не заставило ждать.

Продюсеры картины «Мы из будущего-2», которую по справедливости нужно считать совершенно новым фильмом¹⁷, учли критические замечания. Сражения стали натуральней, техника и обмундирование – достовернее, появилась конкретика в изложении исторических фактов. Если в первом фильме не понять, что за военная операция идет, то во втором событие уже названо: попытка прорыва дивизии СС «Галичина» из «Бродовского котла» в июле 1944 г. Провокационный зачин потенциально обещал бурное развитие горячей темы, закрытой в советском и полукрытой в постсоветском историческом дискурсе.

Новый «Борман» (И. Петренко, снявшийся в фильме «Звезда») сменил яркую жизнь «черного копателя» на «судьбинушку» преподавателя истории С.-Петербургского университета и стал звать своей настоящей фамилией – Филатов. Он и его друг «Череп» (В. Яглыч), теперь знатный поисковик, участвуют в военной реконструкции «Бродовского котла». Филатов мечтает о встрече с медсестрой Ниночкой, которая погибла в первом фильме, но по воле продюсеров воскресла. Мощный взрыв, который должен был убить героев, переносит их в июль 1944 г., в разгар Львовско-Сандомирской операции. Вместе с нашими ребятами в прошлом оказываются их «враги» по реконструкции – молодые украинские националисты «Серый» (Д. Ступка) и «Таран» (А. Барабаш). Хлопцев «наказывают» неведомые хранители исторической памяти после того, как они раз-

бывают памятник погибшим советским солдатам. Наши отправляются в прошлое за компанию и для развития сюжета.

Конечно, художественное кино не есть учебник истории, но сама тема, новая и провокационная, предполагала подобные вопросы и оценки или хотя бы авторскую позицию. Если хотя бы немного не представлять себе коллаборационистское и националистическое движение на Украине в годы войны, то из фильма, при всей его конкретике, понять ничего нельзя. Скорее всего, останется ощущение, что дивизия «Галичина» состояла из немцев. Единственный эпизод, в котором умирающий эсэсовец на украинском просит «Черепу», чтобы тот перевернул его, потому что «ему погано», оставляет чувство недоумения. Режиссер Самохвалов нравоучительно пояснил в интервью: «В любой ситуации нужно оставаться человеком».

Во втором фильме «гости из будущего»—украинцы почти все время сидят связанные, смотрятся куда уверенней. Злодеям из УПА не удается расстрелять героев, смершевцы избиты, как мальчишки, и наши парни легко удирают на полуторке от немецкого БТР (аллюзии на фильмы об Индиане Джонсе)¹⁸. Исправившиеся «черные копатели» помогают советским солдатам с определением направления удара «Галичины» и заодно спасают младенца, сына погибшей в первом фильме медсестры. Образы братьев-славян тоже довольно стереотипны, очень напоминают украинцев из юмористических передач телевидения. Таран все время грозит позвонить «Папику, депутату Рады», женщина в украинской вышитой блузке принимает роды во время боя, а бандеровцы трескают сало, запивая горилкой. Вот такая вот живописная история про дивизию «Галичина» и войну...

В ярком эпизоде расстрела бандеровцами мирных граждан, где-то на 30-й минуте, «Таран» и «Серый» отказываются стрелять в «москалей». Дальше уже все понятно: нас ждет примирение братских народов. Реплики, которыми обмениваются герои, отдают легкой шизофренией. Пожалуй, запомнилась одна фраза собеседника, допрашивающего Филатова-«Бормана», представившегося «историком из Петербургского университета»: «Плохо тебя в твоей разведшколе подготовили. Нет у нас такого города Петербург. У нас город Ленинград». На показах в Питере фразу встречали аплодисментами. Я бы продолжил реплику: «Плохо вас в ваших киношколах подготовили!» Но отложим в сторону вопросы искусства: они тут «в отсутствии».

После эпизода расстрела немцы уничтожают базу УПА, тем самым помогая героям спастись и заодно карая очевидных преступников. Может быть, авторы хотели показать войну «всех против всех», которую вела УПА на Западной Украине, воюя с поляками, Вермахтом и, наконец, с Красной армией? Да нет. Режиссер Самохвалов так описал этот эпизод в уже цитируемом интервью: «Когда мы показывали немцев, проходящих через УПА, для нас важнее был кинематографический образ силы, которая идет, сме-

тая все на своем пути. Даже важнее исторической правды». Не нужно искать смысла, а «правдой» является то, что снято в хорошем «контровом свете». Вообще, стоит ли адресовать этому мелодраматическому боевику о перемещениях во времени какие-то претензии в отношении презентации «аутентичной правды» войны?

Творцы этого продюсерского кино создали его по голливудской кальке, но без его технологий и, прямо скажем, мастерства. А так все присутствует: модная мешанина жанров, фантастика, боевик, мелодрама, немного идеологии и юмора, обязательные звезды, а лучше звездная пара (И. Петренко и Е. Климова), яркие трюки, клиповый монтаж, «хэппи-энд» и даже продакт-плейсмент. «Почта России», «Аэрофлот» числятся в спонсорах. Вы думаете, что мечта миллионов пользователей iPhone не может работать в 1944 г.? Тогда мы идем к вам! Жаль, творцам не хватило наглости (простите, творческой смелости) показать, как «гости из будущего» «фоткают» расположение врага и передают его нашей разведке.

«Тупая стрелялка, без смысла, без эмоций», «подделка», «коммерческая чушь», «сопли о погонах» — вот ряд довольно сильных оценок, которыми фильм наградили продвинутые рецензенты. И тем не менее, за три недели фильм собрал в прокате более 7 млн долл.¹⁹ Что очень «неплохо» по российским меркам. А тогда, действительно, так ли уж важно, кто победил в этой войне?!

В 2001 г. более 60 % респондентов всероссийского опроса назвали кино важнейшим источником знаний об истории²⁰. В конце 2000-х фантастический кинодискурс стал доминирующим способом презентации войны. Его характерные черты: скандал и эпатаж как стратегия продвижения масс-медийного продукта, инфантилизация (подростки и незрелые юноши — главные герои), фантастические предлагаемые обстоятельства, постмодернистские «игры» с советским мифами (пионеры, герои-подводники), драматическое противостояние добра и зла, свойственное фэнтези, и, как следствие, полное пренебрежение исторической фактурой. И тогда, по большому счету, нет разницы между историей подростков-диверсантов, героя-подводника или оживших пионеров-героев. Целевой аудиторией подобных проектов является молодежь, чья историческая память формируется этим фантастическим кинодискурсом.

К. Тарантино недавно представил на суд зрителей фильм «Бесславные ублюдки», в котором отряд американских диверсантов убивал Гитлера и всю нацистскую верхушку в Париже в 1944 г. В своем интервью Самохвалов безоговорочно высоко оценил подобный подход к истории: «Американцы смотрят на десять шагов вперед. Им наплевать в этом плане на историческую реальность. И они это делают правильно. Но нам еще далеко до них». Так что остается ждать нового «образа силы». Скажем, Аватар, водружающий звездно-полосатый флаг над Рейхстагом. Можно не сомневаться, что с такими проектами, как «Первый отряд» и «Мы из будущего-

2», мы очень быстро «догоним и перегоним» Голливуд. И от чего-то важного в нашем российском прошлом убежим очень-очень далеко...

Примечания

¹ Пресс-конференция создателей фильма «Мы из будущего-2» (<http://kino.oper.ru/news/read.php?t=1051605878>).

² Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 89.

³ Youngblood D. A war remembered: Soviet Films of the Great Patriotic War // The American historical review. 2001. V. 106. № 3. P. 840, 855.

⁴ Кегель де И. Необычные перспективы: Великая отечественная война в новейших российских фильмах // Память о войне. С. 756.

⁵ В 2005 г. автор работал над сценарием документального сериала с характерным названием «По обе стороны победы» для компании Ren-TV, где в тот период одним из собственников был развлекательный германский телеканал.

⁶ Фильмы, олицетворяющие обе «линии» военного кино – «Звезда» (2003) и «Кукушка» (2004), – стали лауреатами Государственной премии РФ.

⁷ Украина запретила фильм «Мы из будущего-2» (<http://lifeneews.ru/news/13411>).

⁸ Сволочи. Фильм А. Атанесяна (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%87%D0%B8>).

⁹ Школа для диверсантов-подростков «Особая команда Гемфурт» существовала, но в нацистской Германии (<http://www.fsb.ru/fsb/smi/overview/single.htm?id%3D10342484@fsbSmi.html>).

¹⁰ Зверева В.В. История на ТВ: конструирование прошлого // Отечественные записки. 2004. № 5 (http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_14.html).

¹¹ Официальные сборы, по данным «Бюллетеня кинопрокатчиков», 10 млн долл. в десять раз превысили бюджет картины. Компания прокатчик получила премию «Блокбастер» (http://www.filmz.ru/pub/1/10338_1.htm).

¹² Комментарии зрителей взяты из рецензий портала Афиша.Ру (www.afisha.ru).

¹³ В целой серии фильмов 2000-х гг. «особисты» заняли нишу «врага»: «Первый после бога», «Сволочи», «Полумгла». Образ врага-контрразведчика смягчается в фильмах конца 2000-х гг.: «Мы из будущего», «Первый отряд» и другие.

¹⁴ Драма «Враг у врагов» (2001; производство США, Франция, ФРГ), обозначила жанр. Фильм рассказал историю советского снайпера В. Зайцева. Демонстрация фильма в России вызвала скандал: ветеранские организации требовали ее запрета. Сегодня можно сказать со всей определенностью, что интернациональный коллектив создателей ленты с большим пиететом отнесся к историческому прошлому нашей страны.

¹⁵ Официальный сайт «Первый отряд» (<http://www.1otryad.ru/>).

¹⁶ Во многих постсоветских военных фильмах в позитивном контексте рассматривается тема религиозности и возникают герои священники: сын репрессированного священника не отрекается от отца («Первый после бога»); Староста («Свои») приносит политруку Лифшицу почитать Библию, а отшельник-монах спасает героиню («Первый отряд»).

¹⁷ Из предыдущей команды актеров в фильме снялись только В. Яглыч и Е. Климова. – *Прим. авт.*

¹⁸ В первом фильме «Мы из будущего» авторы использовали цитаты из советской войной киноклассики и отсылки к советской мифологии войны. Политрук поднимает бойцов в атаку узнаваемым жестом офицера с фотографии М. Альперта «Комбат», «Борман» в немецком плену выпивает сто грамм и произносит сакраментальное: «Русские после первой не закусывают».

¹⁹ По данным Ассоциации кинопрокатчиков, за три недели проката, с 18 февраля по 5 марта 2010 г., фильм «Мы из будущего-2» собрал в прокате 7,17 млн долл.

²⁰ Историческая память населения России (материалы круглого стола) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 194–195

А.В. Бородкин

«ПРЕДИВНЫЙ» ИНОК КАПИТОН

Было время, когда имя инока Капитона не раз произносилось в царском дворце и в покоях патриарха, гремело в коридорах Московских приказов и вместе с сысками «церковных мятежников» тревожным эхом отзывалось из многих уездов обширного Российского государства.

Сомнительная честь «введения в исторический оборот мрачной и зловещей фигуры Капитона», принадлежит П.С. Смирнову¹. С.М. Соловьев считал Капитона союзником «опальных боголюбцев, обращавшим на себя внимание необыкновенным постничеством и поэтому прослывшим праведником»². В.С. Шульгин считал «капитоновщину» одним из течений староверия, отличным от сектантства, но с ярко выраженной эсхатологической направленностью³. Л.Н. Гумилев соглашался с «прекрасным знатоком “бунташного века”» А.М. Панченко в том, что «проповедь самосожжений... была предварена теорией “самоуморения” старца Капитона»⁴.

Подобная «широта» в оценках Капитона сохраняется и в настоящее время. К общепринятой точке зрения на Капитона, как основателя самоубийственных смертей в расколе, присоединился А.П. Богданов⁵. Влияние учения Капитона на возникновение самоубийственных смертей в русском старообрядчестве освещено в работах М.В. Пулькина⁶ и Е.М. Юхименко⁷. С.В. Лобачев уверен, что «капитоновщина не имела ничего общего с «книжной справой» и обрядовыми реформами патриарха Никона» и усматривал в «капитоновской ереси начала мистического сектанства»⁸.

Любое обращение к личности Капитона требует осторожности, ибо за обилием эмоциональных характеристик «сторонника крайних мер» скрывается банальная скудость источников. Кем же он был на самом деле?

Инок Капитон – один из вождей оппозиционного, общественно-религиозного движения противников церковной реформы патриарха Никона. Мирское имя не известно. Место рождения не известно. Предположительно – окрестности села Даниловского Костромского уезда: «сея убо чернец постригся негде близ дома своего, яко бьяше убог сый и неимяше чим в мире питатися, отшед вдале от села Даниловского»⁹. Или окрестности Корнильева Комельского монастыря¹⁰. Социальное положение не известно, возможно «поселянин», по другой версии – крестьянин, «мужик темен». Сведений об образовании нет, что позволило митрополиту Игна-

тию говорить о его неграмотности. Косвенно это подтверждается тем, что после ареста Капитона надсмотрщикам было предписано «не пускать к нему мирских людей», но не было упомянуто «чернил и бумаг не давать». В то же время до конфликта с руководством Русской православной церкви он был настоятелем монастыря, вел поземельные и межевые дела, «свозил выписи» и его компетенция властью не оспаривалась.

Монашеский постриг он мог принять в «Корнилиеве монастырь Комельского тамо... инок будешь»¹¹. Однако достоверных сведений на этот счет не сохранилось.

После пострига в 1620-е гг. Капитон основал собственную пустынь «в дальних и темных ветлужских лесах». По версии В.С. Шульгина, общепринятая хронология жизни Капитона нарушена: он родился на 50 лет ранее и основал Ветлужскую пустынь в конце XVI в.¹² Церковные авторы не подтверждают сведений о постройке Ветлужской пустыни. «Сей убо чернец постригся негде близ дома своего, яко бяше убог сый и неимящим в мире питатися, отшед вдале от села Даниловского, в место, нарицаемое Колесниково, и тамо начал жити по образцу пустынножителей»¹³.

В 1630 г. в селе Княгинино Капитон основал пустынь «во имя Святого Спаса» и находился в ней предположительно до 1633 г. Сведений об отличиях «Капитонова уставства» от канонов РПЦ в то время нет. Старообрядческие авторы называли его среди известнейших подвижников русской церкви, известия, о духовных подвигах которого дошли до царя¹⁴.

В 1634 г. Капитон получил от царя Михаила Федоровича грамоту с разрешением основать Троицкую обитель в Костромском уезде. В том же 1634 г. он получил в Приказе Большого Дворца выпись из отводных и межевых книг на право владения землей и приступил к обустройству обители. Он открыл две пустыни – мужскую рядом с Троицкой и женскую около деревни Морозовой. «Капитон... взял от земли от твоих государевых крестьян пахотных с той деревни Морозова у Ивана Трофимова сына с соседями и пашенная земли десятину, и на той десятине тот старец Капитон построил старцам кельи и тут их посадил, а Троицкие земли пустыни Колесникова за ту десятину отдал тот старец Капитон Морозовским крестьянам Ивану Трофимову с соседями при той земле в четверо, и те твои Государевы крестьяне Иван Трофимов с соседями твою землею пустыни Колесниково владеют без твоего государеву указу»¹⁵. Таким образом, конфликт Капитона с патриаршей церковью могли иметь экономическую подоплеку.

В 1639 г. Капитон был арестован по доносу архимандрита Рязанского Преображенского монастыря Герасима «о неистовствах строителя Троицкой пустыни». Грамотой от 22 августа 1639 г. Ярославскому воеводе П.И. Секирину и дьяку П.Ф. Филатову предписывалось взять Капитона и привести в Ярославский Спасский монастырь. Текст доноса не сохранился. Перечень наказных пунктов дает возможность частично восстановить

содержание доноса Герасима. «Отдать под крепкий начал старцу духовному и искусну который бы грамоте был горазд и хмельного пития не пил, чтоб в вере и во иноческих правилах поразсмотрел и в чувство привел бы»¹⁶. Обвинительные пункты против Капитона выглядят так: к церкви Божьей не ходит, с братией мало бывает, Божественным иконам не кланяется, живет не по монастырскому чину, церковных правил не соблюдает.

Особым пунктом запрещалось «пускать к нему сторонних людей» и «не давать беседовать с мирскими людьми». Тем самым власти пытались затруднить его общение с учениками, которых, как считает С.В. Лобачев, было «около тридцати человек»¹⁷.

В 1639 г. Капитон был взят под стражу и отправлен для предварительного разбирательства в Ярославский Спасский монастырь. Материалы его пребывания в Спасском монастыре не сохранились, однако последующие события позволяют предположить, что Капитон «в вере и в иноческих правилах был поразсмотрен» и сослан в Тобольск¹⁸. Ряд исследователей полагают, что Капитон вообще не был арестован¹⁹. А.А. Титов считает, что Капитон был арестован, но бежал из Ярославского Спасского монастыря в Костромские леса²⁰. В.С. Румянцев, ссылаясь на грамоту от 8 мая 1642 г., полагает, что Капитон был выслан²¹. На взгляд А.А. Некрасова, «ни один из перечисленных пороков Капитона не дает повода для обвинения его в ереси»²². Ф. Бычков сообщает о негативном отношении Капитона к «хмельному питью» и выборочному отношению к иконам²³.

Общую, положительную для Капитона, картину несколько «портит» челобитная следующего игумена Троицкой пустыни, просившего разрешение на освящение церковных престолов. В.С. Румянцев на этом основании полагает, что Капитон «служил церковные службы в не освященном храме»²⁴. Это может служить косвенным подтверждением еретичества Капитона: освящение престолов после «служб не по чину» являлось обычной практикой. В то же время официального решения РПЦ о том, считать ли Капитона еретиком, не сохранилось. В полемических сочинениях авторов патриаршей церкви Капитона принято было называть «безумным»²⁵.

О том, что «не все было в порядке» в Троицкой пустыни, говорит и фраза из царского наказа новому настоятелю обители: «следить, чтобы впредь не было таких плутов как при Капитоне»²⁶. Допущенная формулировка несколько странна. С одной стороны, власти признают наличие нарушений, а с другой – не могут назвать их преступлением.

В 1640-е гг. Капитон находился при Архиерейском доме в Тобольске. С 1640 по 1650 гг. Тобольскую кафедру занимал архиепископ Герасим (Кремлев), однако его преемник Симеон прибыл на кафедру только в 1651 г. Вероятно, пользуясь междувластием Капитон сумел бежать из Тобольской ссылки²⁷.

В начале 1650-х гг. новые капитоновы кельи появились в Костромском уезде. Грамотой царя Алексея Михайловича от 1651 г. Костромскому

воеводе Ю.М. Аксакову и подъячему Родиону Борзову указывалось: «Взять на реке Шаче Костромского уезда... в келиях старца Капитона, старцев и мирских людей, робят, которые в тех келиях живут, и быть им до нашего указа у вас в Ипатьевском и Богоявленском монастырях... никуда не пущать, да держать их крепко, чтоб не ушли»²⁸.

Из разгромленных Шацких келий Капитон перешел в Шуйский уезд. Здесь он жил до середины 1650-х гг. в пустынях около села Калбацкого. После разгрома келий в Калбацком Капитон появился под Вязниками: «Град убо Ярополч, имея посад или жилище Вязники во Владимирской области... идеже и во оно время никонова смущения... от градов и монастырей бегаючи иноцы и мирские в пустынях крыяхуся... тамо предивный отец Капитон живяще... тому мнози ученицы бяху чудного жития его подражатели»²⁹.

Сведения о «капитоновом учении» противоречивы.

Инок Корнилий не усматривает в «капитоновом уставстве» ничего, кроме духовного подвижничества: «Он мало спал и все время проводил... в чтении псалтыря, то в работах... тоже требовал он и от других иноков... сам Капитон томил себя постом и... ел в два дни немного сухого хлеба и сурово зелие... землю копающе... засеваем и нива познах... руками своими мелюще, едва с нуждой преобретаем. И одежды худо зело имеем... ужи от коры деревянные и другие всякие потребы скудные и не обычная име же и потребляемся»³⁰. Инок Ефросин пишет, что он «ученикам субботу рассудил по-жидовски поститься и потом иная якобы от вышняя святости»³¹.

Авторы патриаршей церкви митрополит Игнатий и митрополит Дмитрий Ростовский так дополняли обличение Капитона: «Сперва убо крепце понуждающаяся воздержанми: да ни в праздник Рождества... хотяще сыра и масла и рыбы вкушати... разве точию от семен и ягодичия и прочих растущих от земли»³². Потом Капитон ввел пост в Пасху, «а при христосовании вместо красных пасхальных яиц дарил червленые горькие цибули, сиречь луковицы вместо яиц, в перемену христианские любви и неги»³³. «Выйдя из лесов, он представлял крестьянам простым в уме себя как посланника Вышняго Бога... потом диавол польсти его гордым помыслом. Великим подвижником себя возомнил и начал погордевать святым чином: егда увидит священника упившегося, тогда к оному священнику... к благословению не ходил, аще и трезво его видяще. И тако мало помалу, творяще диавол его отступить от Святой церкви»³⁴. «Иконописец писал образ пресвятые царицы одесную Тебя Владыко в ризах позлощенных... увидев Пресвятую Богородицу как во царских одеждах начал хулить... пошто написал ты Пресвятую Богородицу как царицу? На Пресвятой багрянины царской не быть не когда же и той иконе не поклонялся»³⁵.

Сведения о смерти Капитона столь же противоречивы. Симеон Денисов свидетельствует о его мирной кончине. Ряд старообрядческих синодиков XVII–XVIII вв. прямо упоминали Капитона в числе «Вязниковских

убиенных пустынников»³⁶. Некоторые ранние синодики конца XVII в. именуют Капитона священноиноком и схимником, старообрядческие синодики начала – середины XVIII в. опускают упоминание о священстве Капитона. Синодики и поминальные статьи середины – конца XVIII в. не называют Капитона схимонахом, а синодики начала XIX в. отодвигают упоминание об иноке Капитоне, Вязниковском мученике, на последнее место в общем перечислении погибших. В сводном старообрядческом синодике Капитон тоже упомянут в «Вязниковском списке».

Версию о гибели Капитона поддержала В.С. Румянцева. Однако она высказывала предположение о том, что ко времени проведения сыскных мероприятий в Вязниках Капитон был уже мертв и, следовательно, в число Вязниковских страдальцев внесен намеренно позднее. Результаты правительственных сысков 1665–1666 гг. несколько проясняют судьбу Капитона. «А старец де Капитон... холоп твой, имал в прошлом 170-м... из лесу пустынников и кельи жег за Клязьмою, а Капитон де под теми келиями»³⁷. Сведения эти подтверждаются показаниями чернеца Варнавы, схваченного в конце декабря 1665 г. стрельцами на озере Юхра: «А про Капитона де старца, он слыхал, что в тех пустынях он жил и прикован к цепи и умер давно. А сам Варнава его Капитона не видел»³⁸.

Инок Капитон прожил яркую, до предела насыщенную событиями жизнь. Угроза ареста заставляла его постоянно перемещаться в поисках спокойного места, в котором он мог бы основать идеальный, с его точки зрения, монастырь. Он, без сомнения, имел собственный, отличный от канонического взгляд на роль и место церкви в жизни общества. Однако церковным иерархам не удалось задержать и допросить мятежного инока. Все, что было известно о его учении, фиксировалось лишь «со слов» лиц, объявивших себя его учениками. Поэтому учение старца Капитона не было осуждено на церковных соборах, а сам он лишь разыскивался властями. Однако образ, который он оставил после себя, был столь значителен, что долгое время все противники новых обрядов светскими властями и РПЦ именовались «капитонами».

Примечания

¹ Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе семнадцатого века. СПб., 1898. С. 3–5.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1991. С. 185.

³ Шульгин В.С. «Капитоновщина» и ее место в расколе // История СССР. 1969. № 4. С. 130–131.

⁴ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. С. 269.

⁵ Богданов А.П. Старообрядцы // Старообрядчество: история, культура, современность. 1994. № 1. С. 16.

⁶ Пулюкин М.В. Самосожжение старообрядцев в конце XVII–XVIII в. // Новый исторический вестник. 2006. № 1. С. 5–13.

БУДНИ ЦАРИЦЫНСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА (первая половина 1920-х гг.)

Образованный согласно декрету II Всероссийского съезда Советов Наркомат внутренних дел РСФСР стал центральным органом охраны общественного порядка и внутреннего административного управления¹.

НКВД вел многообразную административную работу: руководил рабоче-крестьянской милицией, специальной милицией, уголовным розыском, войсками внутренней охраны, постановкой дела записи актов гражданского состояния. Решением коллегии НКВД от 5 октября 1918 г. (протокол № 83) «для общего руководства и управления деятельностью в РСФСР уголовно-розыскного дела» при Главном управлении советской рабоче-крестьянской милиции НКВД было создано Центральное управление уголовного розыска (Центророзыск)². В губерниях создавались уголовно-розыскные отделы при губернских и городских управлениях милиции, а в уездных городах и поселках с населением не менее 45 тыс. жителей – отделения уголовного розыска.

Просторный и полный революционного пафоса циркуляр Центрального управления уголовного розыска от 25 ноября 1918 г. объявлял дело уголовного розыска «в высшей степени важным для всякого цивилизованного государства»³. Местным отделам и отделениям предписывалось «приложить все силы к тому, чтобы профессиональные преступники, грабители и бандиты не могли спокойно проживать в районе деятельности отделения и творить свое преступное дело»⁴.

Советские органы уголовного розыска унаследовали свои функции от дореволюционных сыскных отделений, которые создавались в составе канцелярий обер-полицмейстеров, полицмейстеров и градоначальников с 80-х гг. XIX в. И зачастую использовали опыт организации, наработанные приемы и методы работы сыскных отделений. В частности, деление оперативных сотрудников на три категории. При приеме на работу присваивалась сразу «третья категория» и устанавливался двухмесячный испытательный срок. Если за два месяца агентом из 20-ти порученных дел было раскрыто и успешно выполнено 16 (75 %), его переводили сразу в «первую категорию», если 12 – во вторую, если менее – оставляли в третьей. Агент, раскрывший менее 1/3 порученных ему дел, считался к службе по активному розыску негодным и подлежал увольнению или перемещению на другую должность. Однако указывалось, что кроме количества раскрытых агентами дел, при оценке их способностей существенную роль играет и качество работы. Перевод агентов из одной категории в другую допускался и ранее двухмесячного срока при условии выдающихся способностей, проявленных при раскрытии крупных преступлений⁵.

⁷ Юхименко Е.М. Каргапольские гари 1683–1684 гг.: К проблеме самосожжения в русском старообрядчестве // Старообрядчество в России. М., 1997. С. 64–85.

⁸ Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 37.

⁹ Игнатий, митр. Три послания против Сибирских раскольников // Православный собеседник. Казань, 1855. С. 96–99; Журавлев А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых расколниках. М., 1890. С. 83.

¹⁰ Житие инока Корнилия // Рассказы по истории старообрядчества. СПб., 1861. С. 3; Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 37 (Собрание Т.Ф. Большакова). Д. 312.

¹¹ Житие инока Корнилия... С. 5.

¹² Шульгин В.С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII века // История СССР. 1969. № 4. С. 139.

¹³ Игнатий, митр. Указ. соч. С. 96–99; Журавлев А. Указ. соч. С. 83.

¹⁴ Денисов С. Виноград Российский или описание пострадавших в России за древнецерковное благочестие. М., 1906. С. 46.

¹⁵ Румянцева В.С. Народные антицерковные движения в России XVII в. М., 1986. С. 73.

¹⁶ Ярославские губернские ведомости. 1890. № 12. С. 3–4.

¹⁷ Лобачев С.В. Указ. соч. С. 37.

¹⁸ Преображенский А.А. Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1983. № 2. С. 63–65.

¹⁹ Титов А. Калясниковский синодик. М., 1895. С. 41–43; Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем Старообрядчество. СПб., 1994. С. 243–244.

²⁰ Ярославские губернские ведомости. 1890. № 14. С. 7.

²¹ Румянцева В.С. Указ. соч. С. 72.

²² Некрасов А.А. Старец Капитон: К вопросу о начале церковного раскола XVII в. в Ярославском крае // Минувших дней связующая нить. Ярославль, 1995. С. 80.

²³ Бычков Ф. Заметка о хронографе Ярославского священника Ф. Петрова. Ярославль, 1890. С. 8–9.

²⁴ Румянцева В.С. Указ. соч. С. 76.

²⁵ Государственный архив Костромской области (ГАКО).Ф. 558. Оп. 2. Д. № 748. Л. 193об.

²⁶ Титов А.А. Указ. соч. С. 48–50.

²⁷ Архипастыри Тобольской епархии: Тобольская епархия. Омск, 1892. С. 9.

²⁸ Миловидов И. Содержание рукописей, хранящихся в Ипатьевском монастыре в Костроме. Кострома, 1887. С. 58.

²⁹ Денисов С. Указ. соч. С. 46.

³⁰ Житие инока Корнилия... С. 5–7.

³¹ Ефросин. Отразительное описание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. СПб., 1895. С. 10.

³² Третье окружное послание Игнатия, митрополита сибирского // Православный собеседник. 1855. Кн. 2. С. 98; Ростовский Д. Розыск о расколничей Брынской вере. М., 1762. С. 570–573.

³³ Третье окружное послание Игнатия... С. 98.

³⁴ Цит. по: Бычков Ф. Указ. соч. С. 8–9.

³⁵ Ярославские губернские ведомости. 1890. № 12. С. 4.

³⁶ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Редкий фонд. Оп. 2. Д. 1406, 1434, 1435, 1442.

³⁷ Румянцева В.С. Указ. соч. С. 79.

³⁸ ГАЯО. Редкий фонд. Оп. 2. Д. 1434. Л. 8.

С 31 марта 1919 г. были введены официальные сокращения «губрозыск» (губернский уголовный розыск) и «угрозыск» (уездное, городское отделение уголовного розыска)⁶.

Царицынский губрозыск был организован в составе Царицынского губернского управления советской рабоче-крестьянской милиции постановлением Царицынского губревкома 18 апреля 1919 г. В связи с захватом города войсками Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля, в июне был поспешно эвакуирован в Камышин. Реорганизация губрозыска началась после возвращения в Царицын 10 января 1920 г.

Первоначально штат состоял из 35-ти сотрудников. Заведующим Царицынским губрозыском 15 октября 1919 г. был назначен З. Семенов – из рабочих, член РКП(б) с 1918 г. Главной задачей сотрудников уголовного розыска Семенов считал: «Во что бы то ни стало очистить всю обслуживаемую нами местность от порочного элемента и восстановить самую безопасную и мирную жизнь страны»⁷. Семенов был не очень грамотен, но этот недостаток искупался его добросовестным отношением к порученному делу и достойными личными качествами. В одном из первых своих приказов он указывал на необходимость «человеческих отношений к арестованным» и вежливого обращения к заявителям, «дабы показать собой пример и этим заслужить со стороны обывателей самую хорошую симпатию к Советской власти»⁸. 3 ноября 1920 г. его перевели на партийную работу, и губрозыск возглавил Д. Мирошников⁹.

Сохранившиеся доклады начальника губрозыска в Центроуугозыск и губисполком сообщают, с чего губрозыск начал свою работу. Так, с 10 января по 1 февраля 1920 г. в Царицыне произошли: «грабеж – 1, убийство – 1, краж карманных – 4, краж простых до 1 000 руб. – 5, краж простых более 1 000 руб. – 30, растрат – 3, спекуляций – 3, торговля спиртными напитками – 2, картежная игра – 2, краж со взломом до 1 000 руб. – 2, краж со взломом свыше 1 000 руб. – 6»¹⁰.

Деятельность губрозыска началась в очень сложных условиях. Только что отгремела Гражданская война. В городе были разрушены электростанция, водопровод, на трамвайных путях стояли брошенные вагоны городского трамвая, электрические и телефонные провода были оборваны. В городе осели многочисленные беженцы, переодетые в штатское военнослужащие разбитых частей белой армии, нередко с оружием, и, наконец, дезертиры Красной армии. С ближних и дальних деревень в город устремились крестьяне в надежде выгодно сбывать припасенные сельхозпродукты и приобрести необходимые промтовары. Увеличились производство и сбыт самогона. И при этом активизировались группы профессиональных преступников из числа амнистированных еще Временным правительством. По оценке председателя губисполкома, обстановка была «архикаатастрофическая»¹¹.

Красноречивы строки из писем жителей Царицына, изъятые военным цензором в январе 1921 г.: «Жить плохо, нет свободной торговли, на базаре все отбирают, не знаем, как будем жить дальше, народ возмущается, недоволен властью»; «Базар разгоняют, ездить за хлебом нельзя, везде заградительные отряды, то тут, то там вспыхивают восстания»¹². Однако существовал черный рынок. Советские власти регулярно устраивали облавы на торговцев и покупателей, но стоило милиционерам и чекистам уйти, как вновь закипала торговля. Жители города писали родным и близким: «Хожу на толчок, торгую – на жалование не проживешь»; «Если бы мама с папой не спекулировали, жить пришлось бы туго»¹³.

Весной 1921 г. начался переход к новой экономической политике. Но жизнь основной массы населения поначалу если и менялась, то к худшему. Рабочие царицынских заводов, служащие советских учреждений выражали недовольство плохим снабжением продовольствием, одеждой и обувью. Губернская рабоче-крестьянская инспекция докладывала губисполкому: «Недовольство рабочих – явление обычное, удивляться не приходится. Чтобы так или иначе поладить с рабочими и привлечь их к себе, нами создана комиссия по распределению среди них скудных запасов мануфактуры, ибо они в самом деле настолько рваны и грязны, что похожи скорее не на героев труда, а на выходцев с московского Хитрова рынка»¹⁴.

Снабжение было нормированным, норма отпуска хлеба для рабочих составляла 8 фунта в день, для прочих категорий населения – 5 фунта¹⁵.

Во всех без исключения учреждениях, организациях и предприятиях накопилась колоссальная задолженность по зарплате. Размер зарплаты совершенно не соответствовал ценам, которые росли не по дням, а по часам. Так, по оперативным сводкам Царицынской губернской ЧК, в сентябре 1921 г. среднемесячная зарплата рабочих и служащих составляла от 45 до 300 тыс. руб. (партийно-советских работников – 1,5 млн руб.), цены же на черном (или, как его еще называли в то время, вольном) рынке были такие: хлеб белый – 5 500 руб. за фунт, хлеб ржаной – 4 000 руб. за фунт, мясо – от 2500 до 3000 руб. за фунт, масло сливочное – 14 000 руб. за фунт, масло подсолнечное – 10 000 руб. за фунт, яйца – 9 000 руб. за десяток, сахар – 23 000 руб. за фунт, мыло туалетное – 18 000 руб. за кусок, спички – 1 000 руб. за коробок, бензин – 3 000 руб. за фунт, нитки – 10 000 руб. за катушку. В декабре того же года зарплата существенно не изменилась, цены же выросли в несколько раз: хлеб белый – до 22 000 руб. за фунт, хлеб ржаной – 10 000 руб. за фунт, мясо – 9 000 руб. за фунт, масло сливочное – 35 000 руб. за фунт, масло подсолнечное – 20 000 руб. за фунт, яйцо – 40 000 руб. за десяток, сахар – 60 000 руб. за фунт, мыло туалетное – 35 000 руб. за кусок, спички – 1 000 руб. за коробок, бензин – 10 000 руб. за фунт, нитки – 30 000 руб. за катушку¹⁶.

В ситуации, когда номинальная зарплата катастрофически отставала от прожиточного минимума, когда даже эта зарплата не выдавалась вовремя

мя, когда царили безработица, разруха и голод, рост преступности был закономерен и неизбежен. Особенно широко распространились грабежи, кражи, подделки продуктовых карточек. Из совершенных в марте 1921 г. преступлений по Царицыну кражи составили более 50 %. По сути, они стали ежедневным, повседневным явлением. И все усилия губрозыска не могли сбить эту растущую волну преступлений против имущества граждан. Особенно низка была раскрываемость так называемых домашних краж, то есть краж белья и одежды из запертых и незапертых помещений, о которых начальник угрозыска писал: «Они производились по острой нужде, укравший одежду или белье надевает таковые под свою верхнюю одежду, и найти его составляет неразрешимую задачу, так как раздевать население всего района вокруг происшедшего случая практически неосуществимо»¹⁷.

Небывалого размаха достигли хищения с предприятий. Чекисты доносили: «Не проходит дня, чтобы не были взломаны какой-нибудь склад, какая-либо цеховая кладовая, чтобы не были утащены лопаты, железо, даже части машинные. Готовые изделия и ценные материалы меняют на хлеб. На заводе «Дюмо» патрулями был убит рабочий, перебрасывавший через забор завода несколько связок обручного и кровельного железа и пытавшийся бежать, когда его окликнул патруль»¹⁸. Повсеместно резали электрические провода. Из больниц похищали медикаменты, белье, продукты. С наступлением холодов участились кражи леса, растаскивания на дрова деревянных построек. Губернская ЧК признавала: «Преступления совершаются на почве мизерной оплаты труда, не дающей возможности быть сытым и заставляющей рабочих и служащих быть в голоде и нищете. А голод и нищета были и будут матерью всех пороков»¹⁹.

Как и другие организации, Царицынский губрозыск сам столкнулся с острыми хозяйственными проблемами. Хотя здание губрозыска по улице Орловская, номер 46, уцелело в ходе ожесточенных боев за город в 1918–1919 гг., во многих помещениях были выломаны и сожжены перегородки и пол, испорчено паровое отопление. Документов после освобождения города от белых никаких не осталось. Пришлось все восстанавливать. Губрозыск не имел своего транспорта, и на место происшествий сотрудникам приходилось добираться пешком, самим разносить повестки и почту.

Но самое страшное – сотрудники были совершенно разуты и раздеты, так как обмундирование им в течение 1920–1921 гг. не выдавалось. Это превратилось в настоящую беду, о чем свидетельствуют многочисленные рапорты и заявления агентов. Например, заявление «начальнику губмилиции от мл. милиционера губернского уголовного розыска Калмыкова Карпа Андреевича»: «Настоящим прошу Вашего распоряжения о выдаче мне каких-нибудь брюк, так что я таковых не имею, и купить на базаре не имею никаких средств, так что я имею одни брюки все порванные, так что на них латка на латке и даже носить невозможно и прошу не отказать заявлению...» Начальник Царицынского губернского управления советс-

кой рабоче-крестьянской милиции П.В. Пономарев наложил краткую, но красноречивую резолюцию: «За отсутствием отказать»²⁰.

С наступлением холодов, в конце осени 1920 г., начальник губугрозыска Мирошников был вынужден отменять ночные обходы по городу из-за отсутствия теплой верхней одежды у сотрудников.

Мирошников в рапорте на имя начальника губмилиции Пономарева сообщал о факте, который может показаться невероятным. Тем не менее, именно так все и было: два. Таким факте. Тривидшие обыск, украли из ьника губмилиции сообщал о таком факте. действия судебным органам, матер сотрудника губрозыска, проводившие обыск, украли из обыскиваемой квартиры чугунок и несколько тарелок, были замечены в краже и отправлены под арест на время проведения служебного расследования. Мирошников лично отправился к ним домой и убедился, «что эти предметы им были крайне необходимы не для роскоши, а для существования». И далее он пишет: «Из личного убеждения в их крайней нужде я не только не предал их суду, а выпустил из-под ареста и выдал им во временное пользование те вещи, которые они взяли украдкой, а таких случаев можно избежать и удовлетворять сотрудников в самом необходимом»²¹.

Еще тяжелее было положение в уездных уголовно-розыскных отделениях. За весь 1921 г. ими не было получено из Царицына ни одного листа бумаги, их перестали снабжать фотоматериалами, сократили отпуск денег на дрова и керосин – для отопления и освещения служебных помещений, а также на оплату транспорта, канцелярских и хозяйственных расходов.²²

Между тем криминальная обстановка в Царицыне и во всей губернии становилась все напряженнее: преступность росла, причем не только за счет активизации организованных банд уголовников, но и распространения фактов совершения преступлений (прежде всего краж и хищений) среди всех групп населения.

В течение всего 1920 г. в Царицыне вооруженные грабежи и нападения совершала банда, которую возглавляли Тимка Карабанов по кличке «Ситный» и его помощник Катасонов-Макаров по кличке «Яшка-Молокан». Бандитам удалось внедрить в органы милиции своих людей, которые снабжали их информацией и оружием. Бандиты вели себя очень нагло, открыто угрожая сотрудникам угрозыска расправой. В докладе о работе губрозыска за апрель 1920 г. отмечалось: «Этой шайкой много пущено угроз по адресу губчека и губрозыска со словами, что в одно прекрасное утро они зайдут в эти учреждения и из захваченных там оставят лишь куски мяса»²³. Шайка была ликвидирована только к концу 1920 г.

С началом нэпа участились расхищения народного имущества, растраты, преступления по должности. Оперативная сводка губчека за октябрь 1921 г. гласит: «Вырабатывается особый тип поставщиков-комиссионеров, скупающих мануфактуру, кожу и изделия и снабжающих более мелких торговцев. Такой сорт людей имеет в своем распоряжении огром-

ные денежные средства и хорошо поставленную сеть агентуры. Они диктуют цены на рынке»²⁴.

В 1921 г. губрозыском было раскрыто дело по расхищению народного имущества на государственном предприятии «Губкожа». В течение полугода агенты губрозыска, внедренные на предприятие, вели расследование, в ходе которого было выяснено: группа преступников, куда входили как рядовые работники предприятия, так и администрация, выписывала незаконные ордера на кожевенный товар, по которым сырье, полуфабрикаты и готовую продукцию получали со склада предприятия и реализовывали на частном рынке. Когда недостача была обнаружена, инсценировали кражу со склада, акт же составили на сумму, в два раза превышающую стоимость якобы похищенного. По делу было привлечено 18 человек. Чтобы «отмазаться», преступники пытались дать взятку начальнику губрозыска сапогами. Расчет их был верен: сапоги в это время на рынке стоили 700 тыс. руб., а зарплата начальника угрозыска не превышала 300 тыс. руб.²⁵

На 1 января 1922 г. штат сотрудников Царицынского губрозыска составил 79 человек. Вскоре, однако, произошло сокращение штатов, хотя объем работы не уменьшился. Если в 1922 г. было зарегистрировано около 6 000 преступлений, то в 1923 г. – уже 8 844²⁶. Само положение Царицына – крупного узла железнодорожного и водного транспорта – способствовало тому, что он сделался перевалочным пунктом как для проезжающих «гастролирующих» профессиональных преступников, так и для транспортных и сбыта разного имущества преступного происхождения.

В апреле 1923 г. губрозыском была поймана банда грабителей, состоявшая из пяти человек, корейцев и китайцев, совершавших в Москве вооруженные ограбления и убийства. Скрываясь от преследования агентов Московского уголовного розыска, шайка бросилась в бега, но была захвачена в Царицыне и отправлена этапом в Москву²⁷.

В июне 1923 г. Хоперским окружным отделением угрозыска были пойманы грабители Дорофеев и Осотов, а также их сообщники, «работавшие» под кличкой «Черные вороны» и наводившие панику на местное население²⁸.

В августе 1923 г. в Царицыне были ограблены три церкви: Казанская, Вознесенская и бывшего женского монастыря. Ограбления совершили два вора-рецидивиста. Они взламывали замки и похищали церковную утварь и облачения. В этом же месяце сотрудники губрозыска поймали их, похищенное было возвращено полностью²⁹.

По официальным сведениям административного отдела губисполкома, раскрываемость уголовных преступлений в Царицыне выросла с 38,9 % в 1922 г. до 79,6 % в 1926 г.³⁰ Однако последняя «отчетная» цифра действительности не соответствует: анализ документов показывает, что процент раскрываемости по губернии в течение 1920–1926 гг. составлял около 44 %. Похоже, уже тогда в отчетах «наверх» милицееское начальство стало заниматься приписками по части раскрываемости.

В 1923 г., в ходе реформы органов НКВД, в губернских исполкомах были созданы административные отделы, в состав которых на правах подделов вошли милиция, уголовный розыск, инспекция мест заключения, а также финансово-материальное отделение. Начальник губадмотдела одновременно являлся начальником губернской милиции. В уездах борьба с уголовной преступностью была сосредоточена в уездных управлениях милиции, которые впоследствии также были реорганизованы в административные отделы уездных исполкомов³¹.

Штаты Царицынского губернского уголовного розыска в 1923 г. составляли 52 человека, работало в нем 49 мужчин и 2 женщины. По социальному происхождению 8 сотрудников были из рабочих, 20 – из крестьян, остальные – из категории «прочие». 22 состояли в РКП(б), остальные были беспартийными. Лишь 6 сотрудников имели среднее образование, 14 – незаконченное среднее, остальные – начальное. Административный аппарат составляли 6 человек, 28 являлись оперативными работниками, остальные – техническим и канцелярским персоналом³².

Губрозыску подчинялись 2 уездных и 3 окружных отделения, а также 7 «столов розыска» в крупных населенных пунктах. Всего по губернии личный состав работников уголовного розыска насчитывал 100 человек, некомплект по сравнению со штатами составлял всего 2 единицы³³.

Сам же Царицын был поделен на 4 района во главе с заведующими, возглавлявшими работу по выявлению и раскрытию преступлений. Эти оперативные работники, а также специальная группа по наружному наблюдению составляли «активный отдел». В структуре губрозыска имелась также секретная часть, в которую входили секретные агенты и негласные осведомители, «регистратура» (вела учет притонов, дактилоскопическую и другие картотеки), «гардероб» (в нем находился реквизит для оперативно-секретных работ – костюмы, парики, грим и т.п.) и музей – «хотя и не многозначительный, но довольно ценный в смысле ознакомления сотрудников с имеющимися в нем предметами и вещами, служащими продуктом измышления преступного мира»³⁴.

13 июля 1925 г. состоялся губернский съезд начальников уездных и волостных милиций и отделений уголовного розыска. На съезде поднимались вопросы административного управления, работы органов милиции в деревне, содействия судебным органам, материального обеспечения и другие. Особо была отмечена результативная работа органов Царицынского уголовного розыска.

Примечания

¹ СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 1.

² Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

³ Там же. Л. 3.

Г. Иоффе

РЕВОЛЮЦИОНЕР
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ БОРИСА САВИНКОВА*

«Синдикат-2»

Вряд ли в ГПУ знали о том душевном кризисе, который уже в 1923 г. переживал Савинков. Советским властям он, по-видимому, представлялся Савинковым эпохи первой русской революции, 17-го года и Гражданской войны: опаснейшим, коварным врагом, террористом. Впрочем, это не было явным заблуждением. Развитие событий могло многое изменить. Савинков способен был обрести новые силы и новую энергию для борьбы с большевиками. Собственно, он от нее еще и не отказался...

Летом 1922 г. в КРО ГПУ решено было осуществить мероприятия, направленные на то, чтобы напрямую установить связь с Савинковым, «вывести» его на советскую территорию и арестовать. Идея операции в общем была скопирована с «Треста». Но если «Трест» являлся «ловушкой» для бывших белых, монархистов, то «под Савинкова», бывшего революционера, республиканца, демократа, требовалась «приманка» значительно более левого характера. Политическую ориентацию такой организации поручено было «набросать» сотруднику КРО А.Д. Федорову (Мухину). До 1917 г. Федоров состоял в партии эсеров-максималистов, затем примкнул к левым эсерам. В 1919-м вступил в РКП(б) и с 1920-го работал в ВЧК.

Федоров предложил легенду, согласно которой в Советской России конспиративно действует организация так называемой либеральной демократии (ЛД), ставящая своей целью устранение Советского режима. Главное управление ЛД якобы состоит из интеллигентов, нуждающихся в лидере. В обсуждении федоровского проекта приняли участие заместитель Ф. Дзержинского В. Менжинский, начальник КРО А. Артузов, его заместитель С. Пузицкий и другие. В итоге обсуждения согласились на «создание» партии «либеральных демократов», имеющую такие «политические параметры», которые, насколько это возможно, должны были убедить Савинкова в достоверности ЛД. На руководство ЛД могут претендо-

* Окончание. Начало в № 1 (19) – 4 (22) за 2009 г.

⁴ Там же. Л. 9.⁵ Там же. Л. 12.⁶ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.⁷ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 5. Л. 63.⁸ Там же. Л. 115.⁹ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 5, 20, 78а.¹⁰ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.¹¹ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 74. Л. 221.¹² ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 7. Л. 11.¹³ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.¹⁴ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 4. Л. 172.¹⁵ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 9. Л. 16.¹⁶ Там же.¹⁷ Там же.¹⁸ Там же. Л. 94.¹⁹ Там же. Л. 93.²⁰ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 11. Л. 78.²¹ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 9. Л. 9.²² ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 37. Л. 24, 145, 149–150.²³ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 10. Л. 34.²⁴ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 7. Л. 2–3.²⁵ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 9. Л. 16; Д. 13. Л. 23.²⁶ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 49. Л. 186.²⁷ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 46. Л. 52.²⁸ Там же. Л. 77.²⁹ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 49. Л. 130.³⁰ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 1068. Л. 247.³¹ СУ РСФСР. 1923. № 66. Ст. 634; 1926. № 90. Ст. 655.³² ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 46. Л. 129.³³ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 49. Л. 186.³⁴ ГАВО. Ф. Р-249. Оп. 2. Д. 37. Л. 247.

И сразу стало легко. Он понял, что и чиновничий комитет и хулиганство, и провокация, и бессильные баррикады и дерзость Володи, и преданность Ипполита, и мужество Александра, и сомнения Андрея – только пена народного моря, только взбрызги мятущихся волн. Он понял, что ни министры, ни комитеты не властны изменить ход событий, как не властны матросы успокоить бушующий океан. И он почувствовал, как на дне утомленной души чистым пламенем снова вспыхнула вера, вера в народ, в дело освобождения, в обновленный, на любви построенный мир. Вера в вечную правду».

Из романа В. Ропшина (Б. Савинкова) «То, чего не было», 1912 г.

* * *

«...Я много думал о малости человеческой жизни. Мама мне как-то сказала: «Помни, Борис, на свете все суета. Все». В последнем счете она, конечно, права»

*Из дневника Б. Савинкова.
Запись 21 апреля 1925 г.*

Примечания

- ¹ ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 408. Л. 7.
- ² Там же.
- ³ См.: Шанталинский В. Свой среди своих: Савинков на Лубянке // Новый мир. 1996. № 7.
- ⁴ Борис Савинков на Лубянке. С. 343.
- ⁵ Там же. С. 352.
- ⁶ Там же. С. 344.
- ⁷ Там же. С. 348.
- ⁸ Там же. С. 357.
- ⁹ Там же. С. 355.
- ¹⁰ Там же. С. 360–361.
- ¹¹ Там же. С. 98.
- ¹² Куприн А. Указ соч. С. 369, 367.
- ¹³ Борис Савинков на Лубянке. С. 165.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Дневник Л.Е. Дикгоф-Деренталь // Борис Савинков на Лубянке. С. 218.
- ¹⁶ Там же. С. 219.
- ¹⁷ Дневник Б.В. Савинкова // Борис Савинков на Лубянке. С. 182.
- ¹⁸ Там же. С. 186–187.
- ¹⁹ Там же. С. 169.
- ²⁰ Там же. С. 166.
- ²¹ Там же. С. 193.
- ²² Там же. С. 173.
- ²³ Там же. С. 172.
- ²⁴ Евдокимов П. Тайна гибели Савинкова раскрыта // Спецназ России. 2004. № 6.

Н.Д. ТАЛЬБЕРГ И ЕГО «ЧАЕМАЯ МОНАРХИЯ» В РОССИИ

Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967) – правовед, эмигрантский публицист – оставил в российской истории яркий след непримиримого идеолога православного самодержавия в России.

Тальберги принадлежали к старинному шведскому роду: Карл Генрих Тальберг – прапрадед Н.Д. Тальберга – в царствование Екатерины II прибыл из Шведской Финляндии в Ригу. Дед его – Герман Карлович – при Николае I некоторое время служил в Киевском университете инспектором. Отец – Дмитрий Германович (1853–1891) – стал известным юристом, доктором уголовного права, профессором Киевского университета.

Николай пошел по стопам отца: в 1907 г. блестяще окончил Училище правоведения в С.-Петербурге – привилегированное высшее учебное заведение. Однако «образцовый правовед, яркий хранитель благороднейших традиций родного Императорского Училища», как спустя много лет называли его друзья, карьере ученого-правоведа предпочел карьеру государственного служащего. Благодаря своим способностям и целеустремленности от чиновника канцелярии Прибалтийского генерал-губернатора А.Н. Меллер-Закомельского в 1908 г. он поднялся до помощника заместителя министра внутренних дел Н.Н. Анцифорова в конце 1916 – начале 1917 гг.

Еще в студенческие годы он проявил себя на политическом поприще. На подъеме революции, в октябре 1905 г., вместе со своими сторонниками он сумел предотвратить замысел революционно настроенных студентов сломать сложившиеся в училище традиции. Выступил против манифеста 17 октября. Именно тогда к нему пришло осознание, что «его долг заключается в том, чтобы повседневным трудом, серьезной государственной работой укреплять и защищать тот политический строй», который он считал «опорой и основой Русской Земли». Это чувство и заставило его пойти на службу в Министерство внутренних дел, представлявшее собой «передовую боевую линию» самодержавия¹.

По службе он принимал участие в организации выборов в IV Государственную думу. В 1917 г., состоя на должности чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел, занимаясь вопросами подготовки выборов в V Государственную думу, ему вновь пришлось приобщиться к процедуре выборов. Он проявил себя как политический деятель крайне правого толка: устанавливал связь с монархическими кругами в целях их консолидации накануне выборов.

Опыт подготовки и участия в предвыборных кампаниях и выборах, знакомство с работой Государственной думы, дали основание Тальбергу, уже спустя много лет, в своих эмигрантских публикациях, резко осуждать «изнаночную сторону» российского парламентаризма, причастность «на-

родных представителей» к «развалу» страны. Он критиковал «изменнический Прогрессивный блок, потакавший гнусным клеветам на верховную власть», «председателя Думы Родзянко, возглавившего солдатский бунт, презренного сеньорен-конвента четвертой государственной Думы, похотливо схватившегося за государственный руль и лакейски подчинившегося рассчитавшему его Временному правительству»².

Революционный процесс с февраля по октябрь 1917 г. Тальберг представлял исключительно как трагедию³, обусловленную «гнилостью» и «дряблостью» русского общества, «изменой кучки военных», деятельностью «всемирных злодеев – иудо-масонов»⁴. Причины трагедии 1917 г. он видел в отступлении от национальной идеи, ее подмене чуждыми мировоззрению русского человека западными либеральными ценностями. Анализируя этот процесс, Тальберг пришел к выводу, что русское общество начало «разлагаться» еще при Александре II, в правление которого оно «послушно побрело на поводу у либералов»⁵. В течение столетия российские либералы стремились свергнуть самодержавие и добиться установления конституционного строя. Их союзники террористы «обрушивались на власть в лоб», «сапой взрыхляли землю и бросали семена взрощенных на Западе ядовитых конституционных растений»⁶. В годы революции либералы окончательно «столкнули Россию в бездну», провалили «геройское добровольческое движение»⁷. Мастерски удалось этим «темным силам» и разложение главного врага революции – офицерства⁸. С их подачи армия утратила общественный авторитет, причем удар направлялся на подрыв самих основ воинского духа: «в течение многих десятилетий в произведениях все более мельчавших писателей, в различных интеллигентских кружках... все военное высмеивалось, офицеры выставлялись недоучками, неудачниками, дармоедами. Служба в гвардии изображалась сплошным прожиганием жизни, служба в армии – беспросветным пьянством. Вся огромная воспитательная и образовательная работа, которая велась офицерством в войсках, искусственно замалчивалась, оставалась для общества неведомой»⁹. Свою лепту в подрыв основ воинского духа внесли представители либеральных партий в Государственной думе: военные верхи втягивались в оппозиционную политику, «кое-кого депутаты умели и запугивать»¹⁰. После захвата власти большевиками либеральные политики активно продолжили заниматься политиканством в эмиграции, где постепенно «позахватывали» наиболее важные посты и источники казенных средств, ощущая себя «господами положения»¹¹.

Самого Тальберга большевистский переворот застал в Москве. Он сразу же выехал в Петроград, намереваясь вступить в возглавляемую Н.Е. Марковым монархическую организацию «Великая единая Россия», пытавшуюся организовать освобождение царской семьи. По заданию организации Тальберг выполнял различные поручения, в апреле 1918 г. был отправлен в Москву, затем в Киев. В мае 1918 г. в Киеве он участвовал в

тайном монархическом съезде. По настоянию местной монархической организации поступил на службу в Министерство внутренних дел правительства гетмана П.П. Скоропадского, где занял пост министра. Активно борясь с революционными организациями, он устраивал на работу в министерство бывших жандармских и полицейских чиновников. После падения власти гетмана он перебрался в Бессарабию. Вернувшись спустя год в Одессу, уже в конце 1919 г., как и многие его единомышленники, Тальберг был вынужден выехать в Берлин, ставший центром консолидации монархических сил за рубежом. Он проделал сложный путь через Болгарию, Сербию, Австрию, Чехословакию. В начале 1920 г., совместно с прибывшим в Берлин Н.Е. Марковым, он начал активную работу по организационному объединению крайне правых монархистов за рубежом.

Пополнив свои впечатления от «груза с прошлыми грехами» знакомством с западным парламентаризмом, Тальберг окончательно убедился, что «всякий парламент со своими партиями, фракциями, «колами» (Расколами. – *Н.А.*), «блоками» и т.п. таит в существе своем пристрастие, насилие и предубежденность столкнувшегося ради раздела добычи безответственного большинства»¹². Он выступал ярким противником либерализма и парламентаризма в России, рассматривая либералов как «главную подрывную силу» бывшей империи.

Тальберг принял участие в подготовке и проведении Съезда Хозяйственного восстановления России в г. Рейхенгалль (Бавария) 29 мая – 4 июня 1921 г., где был избран управляющим делами образованного Высшего монархического совета (ВМС); во всеэмигрантском съезде в Париже в апреле 1926 г., где был избран членом созданного Патриотического объединения¹³; во 2-м Зарубежном Церковном Соборе в Сремских Карловцах (Югославия) в августе 1938 г. в качестве помощника секретаря. В 1920–30-х гг. участвовал в деятельности Русской монархической партии во Франции¹⁴.

До конца своих дней Н.Д. Тальберг боролся за чистоту монархической идеи, оказывая активное сопротивление сторонникам эмигрантского неомонархизма. Критикуя, с одной стороны, умеренных монархистов, с другой – русский фашизм и все правое обновленчество в целом, он доказывал, что их старания направлялись на то, чтобы «оттянуть» эмигрантскую молодежь от истинного «здорового монархизма»¹⁵. Он подчеркивал преимущества «испытанных и одобренных историей старых основ» государственного строя¹⁶. Возможность социалистической республики им отвергалась напрочь, исходя из убеждения, что «многострадальный русский народ, только что испивший до дна чашу с ядом чистейшего социализма, не позволит принести себя в жертву идолу всех социалистов... Марксу»¹⁷.

Обречен, с его точки зрения, был и конституционный строй, основанный на полном «безвластии» и «безответственности» монарха конституционного: «Ни за что и ни перед кем он не отвечает, ни о чем и никто его

не спрашивает, он «царствует, но не правит». Его «величественная фигура», по существу, является прикрытием для управляющих государством вождей политических партий, а регламентирующая деятельность монарха Конституция с добровольного согласия лишает его «права действовать по своему разуму и по своей совести... Верность монарха Конституции очень редко совпадает с верностью своей совести»¹⁸. Отсюда Тальберг делал вывод: «Конституционная монархия, по существу, бессовестна»¹⁹.

«Печальную память, – с точки зрения Тальберга, – оставил о себе и пресловутый представительный строй, так бесславно и так преступно закончившийся последней Думой»²⁰. Он не видел шансов у желающих восстановить буржуазную республику, доказывая, что сама идея республиканской России «захлебнулась» в потоках кровавого опыта революции, вскрывшего полную несостоятельность сложившейся представительной системы²¹. «Гнилость» этой системы была порождена, считал он, самим механизмом думских выборов. Закон о выборах 1906 г. и внесенные в него поправки от 3 июня 1907 г. основывались на «странной и неисполнимой идее смешать все классы населения империи в одну общую бесформенную толпу, из которой следовало выбирать наиболее способных, толковых, государственно мыслящих людей «сложным и неестественным порядком двух- и трехстепенных выборов»²². Он считал, что разработчики избирательного закона совершили грубейшую ошибку, пытаясь в механизме выборов подменить сословное деление российского общества делением на политические партии и классы. Они не учитывали, что реальная Россия не смешана, ее бытовые, классовые и сословные барьеры существуют и еще достаточно крепки, а «политических партий нет вовсе или таковые находятся в зародыше»²³.

По Тальбергу, законодатели уверяли, что «хотели, будто бы, получить не действительных представителей Земли Русской, а уловить настроения разношерстной толпы в лице ее вождаков, эти настроения наиболее ярко выражающих». Их просчеты имели самые тяжелые и необратимые последствия: в конечном итоге дворян-помещиков смешали с земледельцами и духовенством, купцов – с чиновниками и интеллигентами, крестьян-домохозяев – с крестьянами-пролетариями, казаков, «с целью совершенно обезличить эту бытовую группу, свалили в кучу с иногородними и инородцами»²⁴. Делегируя интересы различных социальных групп авантюристам, представлявшим политические партии, правительство, в конечном итоге, вместо крестьян, на которых делалась ставка в I и II Думах, получило трудовиков, а вместо помещиков, выразивших в дальнейшем надежды властей, – левых октябристов, «лидеров партий, только вчера обрзовавшихся на предвыборном сборище»²⁵. Виртуозно владея ораторским искусством, политики имели «неоценимые преимущества» в глазах выборщиков перед местными выдвиженцами. Однако, завоевав доверие избирателей, в своей дальнейшей деятельности в Государственной думе

эти «решители судеб России» подчинялись уже не местным интересам и не рекламируемым ранее политическим лозунгам, а общественным настроениям: «в первой Думе они олицетворяли настроения революционной толпы, ошеломленной неудачами русско-японской войны, во второй – настроение крестьянских масс, требовавших чужой земли и воли грабить чужое имущество, в третьей – настроение испуганных погромами помещиков, а в четвертой – настроение этих же помещиков, уже успокоившихся и снова недовольных правительством»²⁶.

Указывая на политическую незрелость русского народа, Тальберг писал: «Россия – младенческая страна в политическом отношении»²⁷. Он был убежден, что парламентского кризиса удалось бы избежать при условии прямых всесословных выборов. Основанная на непосредственном участии городских и уездных сословных групп избирательная система позволила бы каждому волостному крестьянскому обществу, уездным дворянским, купеческим, мещанским собраниям, духовенству, казачьим станицам, городскому чиновничеству выбирать по одному представителю, напрямую делегируя свои корпоративные интересы»²⁸.

Из всех крайне правых идеологов Тальберг предлагал наиболее развращенную программу государственного управления в России после избавления ее от большевизма. Она основывалась на идее «единой, твердой и разумной» власти «Православного Царя-Самодержца, по своей совести и воле правящего государством»²⁹. В деле управления государством ближайшим помощником царя и его единственным доверенным лицом является «Наместник Государев», обладающий всей полнотой правительственной власти, координирующий работу всех министров и руководителей ведомств. Управление на местах осуществляется через доверенных самодержцу лиц – начальников областей. Наиболее важные управленческие решения они принимают совместно с членами Областного совета в составе митрополита, представителей областного церковного собора, помощника начальника области, областных начальников служб и назначенных областных советников, выборных областного Земского собора и их старшины. Тот же порядок «независимости и соборности мнений при единстве ответственных решений» проецировал он на губернии, уезды, волости и приходы (первичные единицы государственного управления)³⁰. Строго иерархично построил он и судебную систему: высшей судебной инстанции – Главной Государевой Палате – подчиняются региональные судебные органы – областные, окружные (губернские) и уездные суды и местные судебные приходы.

Контролировать все происходящее в государстве позволит, он считал, механизм взаимодействия императора с представителями русской православной церкви (Церковный Собор и Святейший Патриарх), местного самоуправления (Земский Собор и избранный Собором старейшина), органом надзора и контроля за исполнением законов (Главный Государев

Сенат)³¹. Разработкой законов должна заниматься Главная государева Дума в составе «начальника» и «высших думных чинов», часть из которых назначается императором, а часть избирается Всероссийскими Церковным и Земским Соборами³². Аналогичным образом должны формироваться и местные Думы, призванные создавать законодательные основы местного управления³³. Участниками законотворческого процесса также являлись Русская православная церковь и органы местного самоуправления – земства.

В своем проекте он подчеркивал важность осуществления законодательной работы компетентными государственными чинами, а также ее проверки со стороны церковных и земских представительных учреждений³⁴. Правилем законотворчества он установил недопустимость внесения поправок: «несовершенно составленный закон должен обязательно заменяться новым, а не извращаться путем судебных толкований»³⁵.

Гарантом государственной безопасности, по проекту Тальберга, должна выступать профессиональная армия, «посменно пропускающая через свои ряды для обучения и военной подготовки молодых людей из имущих слоев населения»³⁶. Служба в армии считалась им «не тягостной повинностью, а честью и гордостью»³⁷. Он настаивал на отмене всеобщей воинской повинности, исходя из убеждения, что вооружать и обучать военному делу народ, настроенный против своего государства, равносильно самоубийству³⁸.

Доказывая преимущества монархического строя, Тальберг делал акцент на социальном аспекте его деятельности. Помощь нуждающимся и благотворительность он определял в качестве главных занятий членов царской фамилии. Для осуществления благотворительных начинаний он предлагал создать специальное ведомство «Государевой жалости»³⁹.

Самодержавная власть рассматривалась Тальбергом также и как власть национальная, признающая обычаи и культурные особенности различных народов империи, сложившиеся традиции местного управления. При этом в основу национальных отношений им полагались две фундаментальные идеи: признания российского самодержца «Верховным хозяином всех земель русских» и признание исключительного значения православия «всеми племенами и народами Российской империи»⁴⁰.

Решающим фактором возрождения самодержавной России, по Тальбергу, являлась государственная идеология. Он призывал вернуться к идее Святой Руси, сложившейся «единой мудрой работой ее Великих Князей и Царей с Российскими митрополитами и Патриархами»⁴¹. Будучи человеком глубоко православным, он доказывал, что «здоровое государство должно быть проникнуто сильным и ярким религиозным духом»⁴², ибо «такой чуткий и душевный народ, как наш русский, не может удовлетворяться одним животным материализмом»⁴³. «Связующей тканью государственного тела» должна выступать идея единения православного царя и народа⁴⁴. Он призывал вернуться к идее верноподданности, ибо «Богом данный Монарх, как бы партийно не представлять себе государствен-

ное устройство, – должен сделаться непререкаемым символом государственной веры, тем Святая Святых, которое должны оберегать наши люди»⁴⁵.

Современники, разделявшие взгляды Н.Д. Тальберга, называли его монархистом «с целостным христианским мировоззрением, дающим ответы на вопросы не только моральной и духовной жизни человека и семьи, но и освещающего проблемы общественной, национальной и государственной жизни»⁴⁶. Хранивший верность православной монархии, приверженец «симфонии властей», он идеализировал образ царя-самодержца, доказывая в своих работах, что русские цари отличались «истинной любовью» и «преданностью своему народу». Он считал, что мало кому доверявшие (из-за непонимания «общества» и ближайшего окружения) русские самодержцы, «сочетая в себе европейскую образованность с даром русскости», искали способы ее осуществления в современной им жизни. Однако, наталкиваясь одновременно на бюрократизм чиновничества и на сопротивление слоя либеральной интеллигенции, «мнившего себя мозгом нации и мешавшего соединению царя с народом», они не смогли все это осуществить⁴⁷.

Историк А.А. Корнилов характеризовал Н.Д. Тальберга как «широко образованного и глубокомысленного идеолога русского монархизма, с одной стороны, приведшего в систему и освобождавшего от всего лишнего и часто вредоносного ходячие понятия монархических слоев Русского зарубежья. А с другой стороны, создавшего школу, в которой могла воспитываться и тренироваться подрастающая молодежь, способная образовать некую монархическую элиту, готовую влиться в дело восстановления России»⁴⁸.

За границей Н.Д. Тальберг жил в местах сосредоточения русской эмиграции – шесть лет в Берлине, десять лет в Париже, почти восемь – в Белграде. По общественным и партийным делам побывал в Лондоне, Брюсселе, Афинах, Софии, Бухаресте, Будапеште, Лозанне, Праге. В 1950 г. он окончательно обосновался в США, посвятив себя преподаванию исторических предметов в Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле⁴⁹. По словам его единомышленников-современников, он делал «великое дело», побуждая молодое поколение эмиграции обращаться к родному, национальному, «здоровому прошлому» Российской империи⁵⁰. Тальберг искренне верил, «что русская молодежь, со свойственной ей чуткостью... не будет блуждать по кривым западным дорогам, а станет стремиться выйти на прямой, широкой, исконно русский путь»⁵¹, и смысл ее жизни будет сводиться не только к «заботам о хлебе насущном» (о чем так печется все «культурное человечество»), но и к «заботе о душе»⁵².

Примечания

¹ Лукьянов В. Краткий биографический очерк // *Тальберг Н.Д. О вере, Царе и Отечестве*. Кн. 1. М., 2004. С. 7.

² *Тальберг Н.Д. Сила веры и верности // Двуглавый орел*. Париж, 1926. Вып. 21. 1 (12) дек. С. 18.

- ³ Тальберг Н.Д. Перед судом Правды // Двуглавый орел. Берлин, 1922. Вып. 27. 15 (28) марта. С. 4.
- ⁴ Тальберг Н.Д. Русская смута // Тальберг Н.Д. Перед судом правды. Кн. 2. М., 2004. С. 405–406.
- ⁵ Тальберг Н.Д. Политическое предвидение // Двуглавый орел. Берлин, 1922. Вып. 24. 15 (28) янв. С. 18.
- ⁶ Тальберг Н.Д. Зловещий юбилей // Двуглавый орел. Париж, 1930. Вып. 41. 14 (27) нояб. С. 2040.
- ⁷ Тальберг Н.Д. Все повторяется // Двуглавый орел. Париж, 1929. Вып. 34. 30 нояб. (13 дек.). С. 1629.
- ⁸ Тальберг Н.Д. Русская смута. С. 431–432.
- ⁹ Там же. С. 432–433.
- ¹⁰ Там же. С. 438.
- ¹¹ Тальберг Н.Д. Все повторяется. С. 1629–1630.
- ¹² Тальберг Н.Д. Чаемая монархия // Тальберг Н.Д. Перед судом правды. Кн. 2. С. 570.
- ¹³ Русское Зарубежное Патриотическое объединение (председатель – И.П. Алексинский) составили большинство голосовавших на съезде 1926 г. крайне правых монархистов, которые требовали безоговорочного подчинения Великому князю Николаю Николаевичу.
- ¹⁴См.: Ромов Р.Б. Тальберг Н.Д. // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 541.
- ¹⁵ Тальберг Н.Д. Все повторяется. С. 1630.
- ¹⁶ Тальберг Н.Д. Чаемая монархия. С. 594.
- ¹⁷ Тальберг Н.Д. Сила веры и верности. С. 16.
- ¹⁸ Тальберг Н.Д. Православная монархия // Двуглавый орел. Париж, 1927. Вып. 9. 27 июня (5 июля). С. 11–15.
- ¹⁹ Тальберг Н.Д. Чаемая монархия. С. 545.
- ²⁰ Тальберг Н.Д. Сила веры и верности. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 17–18.
- ²² Тальберг Н.Д. Политическое предвидение. С. 30.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 31.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 26.
- ²⁸ Там же. С. 31–32.
- ²⁹ Тальберг Н.Д. Чаемая монархия. С. 594.
- ³⁰ Там же. С. 598.
- ³¹ Там же. С. 598–599.
- ³² Там же. С. 601.
- ³³ Там же. С. 602–603.
- ³⁴ Там же. С. 601.
- ³⁵ Там же. С. 603.
- ³⁶ Там же. С. 606.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 605–606.
- ³⁹ Там же. С. 605.
- ⁴⁰ Там же. С. 569–570.
- ⁴¹ Тальберг Н.Д. По историческому пути // Двуглавый орел. Берлин, 1922. Вып. 23. 1 (14) янв. С. 4.
- ⁴² Тальберг Н.Д. Жизнь в Духе // Двуглавый орел. Париж, 1927. Вып. 3. 15 (28) янв. С. 4.

- ⁴³ Тальберг Н.Д. Чаемая монархия. С. 536.
- ⁴⁴ Тальберг Н.Д. Жизнь в Духе. С. 5.
- ⁴⁵ Тальберг Н.Д. Перед судом Правды. С. 4.
- ⁴⁶ Митрофан (Зноско), прот. Памяти Николая Дмитриевича Тальберга: К 10-летию кончины – 29 мая 1967 г. – 1977 г. // Тальберг Н.Д. О Вере, Царе и Отечестве. Кн. 1. М., 2004. С. 41.
- ⁴⁷ Фомин С. Н.Д. Тальберг: Попытка воцерковления истории России // Тальберг Н.Д. Русская быль: Очерки истории Императорской России. М., 2006. С. 26.
- ⁴⁸ Цит. по: Ромов Р.Б. Указ. соч. С. 543.
- ⁴⁹ Лукьянов В. Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁰ Митрофан (Зноско), прот. Указ. соч. С. 45.
- ⁵¹ Тальберг Н.Д. Святая Русь // Тальберг Н.Д. О Вере, Царе и Отечестве. Кн. 1. С. 68.
- ⁵² Там же. С. 67.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Л.Ю. Таймасова

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СТАРИЦКИЙ: В ШАГЕ ОТ ПРЕСТОЛА

Изучая эпоху Ивана Грозного, историки уделяют большое внимание фигуре князя Владимира Андреевича Старицкого. Его трагическая судьба стала классическим примером жестокости царя по отношению не только к подданному, но и к близкому родственнику. Сам князь Владимир обрел ореол мученика, безвинно пострадавшего по злому доносу.

В историографии точкой отсчета размолвки между двоюродными братьями считается время тяжелой болезни государя, март 1553 г., когда ближние бояре отказались целовать крест на верность малолетнему царевичу Дмитрию и выступили против регентства царицы Анастасии Романовой, встав на сторону князя Старицкого. Сам князь присягнул царевичу «по неволе», уступая уговорам бояр. Ученые опираются на слова интерполятора Царственной книги: «И оттоле быть вражда велия государю с князем Володимером Одреевичем, а в боярех смута и мятеж»¹.

К немалому смущению исследователей, не только «шатание» бояр не имело последствий, но и князь Старицкий не пострадал от «вражды» государя. Взаимоотношения братьев носили вполне дружеский характер еще 15 лет, прежде чем завершились трагической развязкой. Столь странный феномен принято объяснять противоречивостью натуры самого Ивана Грозного, великодушно простившего неправомочные притязания двоюродного брата на власть.

Вместе с тем, сопоставление ряда документов дает основание выдвинуть гипотезу, что в интересующий нас отрезок времени князь Владимир Старицкий обладал большими правами на царские регалии, чем это принято думать. Уже его отец, князь Андрей Иванович Старицкий, пользовался особым расположением Василия III.

Постниковский летописец дает подробное описание последних месяцев жизни великого князя и характера его взаимоотношений с братьями – средним, князем Юрием, и младшим, князем Андреем. Разгневавшись на среднего, Василий III приблизил к трону младшего. Князь Андрей был специально вызван из Москвы и сопровождал великого князя в поездке на Волок и на богомолье в Иосифов монастырь осенью 1533 г. Он находился

рядом с братом во время его болезни и агонии, держал под руки Елену Глинскую, рыдавшую у постели умирающего мужа².

Благоволение к младшему брату и гнев на среднего не могли не найти отражения в завещании великого князя. Находясь на Волоке, тяжело больной Василий III повелел сжечь тайно доставленную из Москвы духовную грамоту, и составил проект нового завещания. Документ был оформлен и подписан по прибытии в столицу. Летопись уделяет особое внимание составу послухов, засвидетельствовавших духовную грамоту. С ее содержанием были ознакомлены князья Юрий и Андрей. Возможно, согласно традиции создания противней важнейших государственных актов³, для братьев были изготовлены копии документа.

Ни одной копии завещания Василия III не сохранилось, однако дальнейшие события дают основание предположить, что в документе было предусмотрено увеличение владений князя Старицкого за счет передачи ему Волоцких земель. А также, в случае бездетной кончины князя Юрия Ивановича, – Дмитровского удела со Звенигородом и московским двором «внутри города», доставшегося тому при дележе с братьями, согласно завещанию Ивана III⁴.

По истечении сороковин со дня смерти Василия III, князь Старицкий бил челом великому князю Ивану IV и его матери Елене Глинской о передаче ему Волоцких городов и земель, согласно последней воле брата⁵. В этом ему было отказано. Вместо расширения удела, он получил коней, сбрую, шубы и прочую «рухлядь». Шуба с царского плеча для подчиненного лица являлась наградой, для равного – оскорблением достоинства⁶. Не стерпев обиды, князь Андрей уехал в Старицу. Здесь, 9 июля 1534 г. его жена, княгиня Ефросинья, родила сына Владимира.

3 августа 1536 г. скончался в заточении князь Юрий Иванович, не оставив потомства. Дмитровский удел со Звенигородом был взят в государеву казну. Видимо, требование князя Андрея передать ему удел брата, согласно завещанию Василия III, послужило причиной первой крупной размолвки Старицких с Еленой Глинской. Размолвка завершилась к началу 1537 г. примирением и подписанием крестоцеловальной грамоты. Прикладывая «руку» к документу, князь Андрей клялся верно служить великому князю Ивану Васильевичу и его матери Елене Глинской «по отца нашего Великого Князя Ивана духовной грамоте и до своего живота»⁷.

Ссылаясь в крестоцеловальной записи на духовную грамоту Ивана III, князь Старицкий тем самым признал этот документ более авторитетным, чем завещание брата. Князь Андрей поклялся следовать завету отца, который призывал своих младших сынов во всем слушать старшего и грозил родительским проклятием тому, который «учнет под ним подыскивати великих княжеств или под его детми, или учнет от него отступати, или учнет ссылатися с кем ни буди тайно или явно на его лихо, или учнут кого на него подымати, или с кем учнут на него одиначитися, ино не буди на

нем милости Божией, и Пречистые Богоматери, и святых чудотворец молитвы, и родитель наших, и нашего благословения и в сии век и в будущи».

Прикладывая фамильную печать, князь Андрей автоматически обязался следовать и другим заветам Ивана III. В том числе следующее: «А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью, а братья его у него в тот удел не вступаются»⁸. Таким образом, подписывая крестоцеловальную грамоту со ссылкой на завещание отца, князь Андрей отказался от своих притязаний на Дмитровский удел. Надо полагать, по прошествии некоторого времени кто-то из ближайшего окружения князя указал на эту юридическую тонкость. Конфликт разгорелся с новой силой через несколько месяцев, вылившись в открытое противостояние властям.

Формальной причиной послужил приказ, отданный весной 1537 г. от имени Елены Глинской, распорядившейся отправить из Старицкого удела дворян и детей боярских на сторожевую службу в Коломну. Князь Андрей расценил повеление правительницы как неправомерное, ущемляющее его удельные права, и послал своего боярина Ф.Д. Пронского «к великому князю к Ивану и к матери его к великой княгине Елене бити челом о своих великих обидах». В Москве «парламентера» взяли под стражу, челобитье государь не принял.

Получив сообщение о судьбе Пронского и «натерпевшись от своих великих обид», князь Андрей посчитал себя свободным от крестного целования и принял решение отъехать в Литву. На Новгородской дороге его перехватил князь И.Ф. Телепнев-Оболенский с отрядом дворян. Князь Андрей «ополчишася и восхотеша с воеводами с великого князя битися». Телепнев-Оболенский пустился на хитрость: целовал крест, что князя и его людей отпустят с миром в удел⁹. К непокорному князю были отправлены также Досифей, архиепископ Сарский и Подонский, и Филофей, архимандрит Симоновский, получившие наказ от митрополита Даниила в случае сопротивления и неприезда князя Андрея в Москву предать его церковному проклятию¹⁰.

Устрашенный угрозой анафемы, князь Старицкий отправился в столицу. В Москве его схватили и заточили в темницу, княгиню Ефросинью посадили «в Берсенева двор», а малолетнего сына отдали «Федору Карпову блюсти». Вотчину отписали в государеву казну. Через полгода, 11 декабря 1537 г., князь Андрей Иванович Старицкий умер в оковах, под «железной шапкой» юродивого. Глумление над плененным князем, видимо, символизировало неправомерность его притязаний на Дмитровский удел, передававшийся при великих князьях Василии II Темном и Иване III вторым сыновьям (князь Андрей был пятым по счету), что было расценено как «подыскивание великих княжеств».

В ночь с 3 на 4 апреля 1538 г. скончалась великая княгиня Елена Глинская. По сведениям Герберштейна, причиной ее смерти стал яд¹¹. Семь дней спустя был заточен в темницу князь И.Ф. Телепнев-Оболенский.

По смерти правительницы и устранения Телепнева-Оболенского в судьбе вдовы князя Старицкого произошли перемены. Княгине Ефросинье вернули четырехлетнего сына: «И у Федора у Карпова княж Ондреев сын побыл немного, и у Федора его взяли да к матери же его посадили в тын»¹². Прошло еще не меньше года, прежде чем Старицких выпустили из-под стражи. В декабре 1539 г. великий князь Иван Васильевич по совету митрополита Иоасафа¹³ и «промыслом» Сильвестра, священника Благовещенского собора¹⁴, освободил княгиню и княжича, повелев перевести их «на княж Ондреевской двор». В следующем году им были возвращены дворцовые села и удельные земли, однако на ключевые посты «по городам и волостям» были поставлены государевы приказчики¹⁵.

Юридическую самостоятельность Старицкие получили четыре года спустя: 5 мая 1544 г. 10-летний князь Владимир Андреевич пожаловал Афанасия Карачева несудимой грамотой на деревню Безсолино в Старицком уезде¹⁶. В документе указывалось, что в случае имущественных претензий к Карачеву право суда оставляет за собой сам князь Владимир: «...ино их сужу яз князь Володимер Андреевич или мой боярин введеной»¹⁷. Приведенная формула «их сужу яз князь... или мой боярин введеной» является свидетельством, что князь Старицкий полностью владел своими удельными правами в отношении системы судопроизводства¹⁸.

В последующие три года Старицкие приобрели особый статус при особе государя. На свадьбе царя Ивана IV с Анастасией Романовой, 3 февраля 1547 г., князь Владимир был «в тысецких», а княгиня Ефросинья сидела «в материно место». Во время 1-го Казанского похода (декабрь 1547 – февраль 1548 гг.) государь оставлял двоюродного брата главой правительства в Москве: «А о всех своих делах царь и великий князь велел князю Володимеру Ондреевичю и своим бояром приходить к Мокарью митрополиту, а грамоты писал государь ко князю Володимеру Ондреевичю». Отправляясь во 2-й поход на Казань в ноябре 1549 г., царь вновь доверил князю Владимиру столицу и царицу Анастасию с новорожденной дочерью, царевной Анной: «князь Володимера Ондреевича отпустил на Москву и велел ему быть на Москве и дела своево беречь, а с ним царя и великого князя бояре»¹⁹.

По возвращении из похода, в мае 1550 г., царь «приговорил женить» двоюродного брата на Евдокии Александровне Нагой. Свадьбе предшествовали смотрины, в которых принимал участие жених: «И майя в 24 день в неделю смотрел Царь и Князь Володимер девок и полюбил дочь Нагова»²⁰. Таким образом, удельный князь женился не по «приговору», а по собственному выбору, как родной брат государя. Торжества проходили на царском дворе. Иван IV сидел «в отцово место». Царица Анастасия «чеса-ла голову» невесте²¹.

Через два месяца после свадебных пиров царскую чету постигло несчастье: в июле 1550 г. скончалась царица Анна. Вслед за сообщением о смерти царицы, Пискаревский летописец рассказывает о больших вкладах, сделанных повелением государя в сентябре того же года: был позлащен купол у собора Успения Богородицы и слит колокол «Лебедь», весом в 2 200 пудов. Далее, резко выбиваясь из хронологической последовательности, следует глава «О духовной великих князей», в которой летописец перечисляет послухов, заверявших завещания великих князей Василия Дмитриевича и Василия Васильевича: «У великаго князя Василья Дмитриевича в духовной прикашки кароль литовской Витовт да бояре князь Юрьи Патрекеевич, тот первой в Голицыных выехал с Новагорода, да Иван Дмитриевич, Михайло Андреевич, Иван Федорович, Федор Иванович. В духовной великого князя Василья Васильевича писаны бояре князь Иван Юрьевич Голицын, Василей Иванович, Федор Васильевич»²².

Сопоставление приведенных имен с перечнем послухов в известных исследователям духовных грамотах дает любопытный результат. Первая группа лиц присутствовала при подписании второго (из трех сохранившихся) завещания великого князя Василия Дмитриевича, составленного в июле 1417 г. после смерти его старшего сына Ивана. Согласно воле князя, малолетний наследник Василий и его мать поручались заботам тестя и младших братьев: «А приказываю своего сына, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тистю, великому князю Витовту, как ми рекл, на Бозе да на нем, как ся имет печаловати, и своей братье младшей, князю Ондрею Дмитриевичю, и князю Петру Дмитриевичю, и князю Костянтину Дмитриевичю, и князю Семену Володимировичю, и князю Яраславу Володимировичю, и их братье по их докончанью, как ми рекли»²³.

Вторая группа лиц, перечисленных в Пискаревском летописце, не соответствует тому списку, который указан в единственной дошедшей до нашего времени духовной грамоте великого князя Василия II Темного. В завещании, составленном в 1461–1462 г., великий князь отдавал детей под опеку своей жены Марии Ярославны Боровской (происходившей по материнской линии из рода Кошкиных, в дальнейшем – Захарьиных-Юрьевых-Романовых): «Приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите заодин, а матери своей слушайте во всем, в мое место, своего отца». В документе указаны следующие имена послухов: «архимандрит спасьский Трифон, да симановский архимандрит Афонасей, да мои бояре, князь Иван Юрьевич, да Иван Иванович, да Василей Иванович, да Федор Васильевич», в приписной грамоте – «архимандрит Трифон да бояре мои, князь Иван Юрьевич да Федор Михайлович»²⁴. В то же время известно, что за несколько дней до кончины (27 марта 1462 г.) Василий Темный приказал казнить детей боярских боровского князя Василия, заподозренных в заговоре. Видимо, в это время была составлена другая духовная грамота, в которой его жена лишалась опекунства, а свидетелями были

«Иван Юрьевич Голицын, Василей Иванович, Федор Васильевич». Очевидно последнее, не дошедшее до наших дней завещание, подразумевал автор Пискаревского летописца, перечисляя имена послухов.

Нарушая хронологию изложения событий выпиской имен послухов из духовных грамот великих князей, компилятор летописи, несомненно, преследовал вполне определенную цель: во-первых, дать понять осведомленному читателю, что в сентябре 1550 г. Иван IV пересматривал завещания своих пращуров и на их основании составлял собственную духовную грамоту, а во-вторых, указать, какие именно документы легли в основу завещания государя и каково было его содержание.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что после смерти царицы Анны, в сентябре 1550 г., Иван IV составил духовную грамоту, согласно которой назначил опекунами будущего ребенка (царица Анастасия была на третьем месяце беременности) своих братьев – родного Юрия Васильевича и двоюродного Владимира Андреевича Старицкого – и исключил из числа регентов царицу Анастасию Романовну Кошкину-Захарьину.

Безусловно, такое завещание отвечало интересам Старицких, поскольку в случае смерти царя и при недееспособном князе Юрии Васильевиче руководство государством фактически переходило к князю Владимиру.

Решение о назначении князя Старицкого главой опекунского совета являлось обоснованным.

Князь Владимир к тому времени обрел большой авторитет. Начало 1550-х гг. характеризуется всплеском законотворческой деятельности царя, во всех начинаниях которого принимал участие его двоюродный брат. Документы рисуют князя Старицкого не только активным государственным деятелем, но и выдающимся полководцем. Вместе с опытными воеводами он принимал участие в военных советах и внес важный вклад в разработку плана 3-го Казанского похода (апрель–июль 1551 г.), предусматривавшего завоевание ханства путем занятия речных путей и экономической блокады Казани.

Разрядная книга подчеркивает высокое положение князя Владимира во время 4-го, «Великого», Казанского похода, ничем не уступающее царскому. Перед решающим боем оба получили от митрополита Макария равноценные благословения: государь – «образ пречистые богоматере честнаго ея успения; златом и бисером украшен», князь Владимир – «образ пречистые богоматере честнаго ея благовещения, златом же и бисером украшен; и воду святую от чудотворных раки Петра чудотворца»²⁵.

Парность икон, шитых бисером, говорит в пользу того, что они вышли из одной «светлицы», и, скорее всего, являлись изделиями мастериц княгини Ефросиньи. Благословение князя Владимира парной иконой и водой от раки святого Петра имело особый символический смысл. Со времен Ивана Калиты московские князья «благославляли старших сыновей

своих, наследников великокняжеского престола» шейным крестом чудотворца²⁶. Отец же князя Владимира, князь Андрей Иванович (пятый сын по счету), получил по завещанию отца благословение не крестом, в отличие от старших братьев, а иконой «золота распятыя, делана финифтом с камнем и с жемчюги»²⁷. Таким образом, благословляя своих духовных чад парными иконами и святой водой от раки Петра-чудотворца, митрополит Макарий признал князя Владимира Старицкого равным положению родного брата государя, второго по старшинству. Новый статус давал князю Владимиру право на получение Дмитровского удела.

На праздник Покрова Пречистой Богоматери, с 1 на 2 октября, Казань была взята, и царь «радостно лобзал брата своего князя Володимира Ондреевича». Помимо взятия Казани в октябре 1552 г. свершилось еще одно счастливое событие: у государя родился сын Дмитрий. По возвращении в Москву царь всенародно благодарил князя Старицкого: «Бог сия содеял твоим, князь Володимер Андреевич попечением и всего нашего воинства страданием и всенародною молитвою, буди Господня воля!» Государь щедро одарил бояр и служивых людей шубами и кубками «без числа», выделив из казны «48 тысяч рублей»²⁸. Кроме того, были розданы вотчины, поместья и кормления. «А князя Володимира Андреевича жаловал государевыми шубами и великими фрязскими кубки и ковши златыми»²⁹.

Несомненно, князь Владимир расценил царские подарки как унижение его достоинства, ибо он ждал, что повышение его статуса, получившее благословение от митрополита, будет юридически закреплено в завещании Ивана IV, составленном после рождения царевича Дмитрия. Соответственно, Дмитровский удел отойдет в его пользование. Расчеты князя Владимира и его матери не оправдались, и между братьями наметилось охлаждение, которое затем вылилось в открытое неповиновение сторонников князя Старицкого.

Весной следующего года в государстве началось «нестроение». Автор Летописца Русского связывает «огневую немочь» царя с тревожным известием, полученным из казанских земель, помещая оба сообщения под одним заголовком: «Вести из Свияжска и болезнь государя». В качестве связующего звена компилятор использовал цитату, которая отсылает читателя к третьему эпизоду, предшествовавшего двум первым: появлению Матвея Башкина, положившего начало делу о ереси заволжских старцев.

В хронологическом порядке события развивались так. В Великий Пост, то есть 13 февраля, к священнику кремлевского Благовещенского собора Симеону пришел на исповедь некий сын боярский Матвей Башкин и высказал тому свои сомнения по вопросам нравственности. Он напомнил священнику его обязанность блюсти паству и соблюдать заповедь Христа: «Возлюби искряннего своего, как самого себе». Через неделю, 20 февраля, в столице получили известие из Свияжска о восстании «арских и луговых людей», которое привело к фактической утрате завоеваний в Казани, а 1 марта государь заболел «огневой» болезнью.

Летописец объединяет эти события, объясняя «нестроение» в Казани и «немошь» царя Божьим наказанием за гордыню и неблагодарность: «И в нас явились гордые слова, а не благодарные, и учили особ мудры бысть, забыв евангильское слово: хто хоцет в мире сем мудр быти, буй да будет»³⁰. Компилятор почти дословно процитировал старца Артемия³¹, привлекавшегося к церковному суду в декабре того же года по делу Башкина. Очевидно, по мнению современников, болезнь Ивана IV являлась Божьим наказанием за неблагодарность, проявленную по отношению к ближнему своему, попечением которого была добыта победа над Казанью, – князю Владимиру.

Царь был так плох, что все были готовы к смертельному исходу: «иже никтоже уже ему жити надеялся»³². Дьяк Висковатый «вспомяну государю о духовной; государь же повеле духовную совершити, всегда бо баше у государя сие готово»³³. Надо полагать, речь шла о завещании, составленном в октябре 1552 г. после рождения царевича Дмитрия.

Из слов интерполятора Царственной книги можно понять, что после того как царь распорядился «совершить» завещание, некто посоветовал привести к присяге бояр и дворян, и в последнюю очередь – князя Владимира. Скорее всего, такая мера была вызвана тем, что содержание «готовой» духовной грамоты шло вразрез с интересами князя Старицкого. Вечером того же дня в присутствии Ивана IV крест целовали дьяк Висковатый, князь И.Ф. Мстиславский, князь В.И. Воротынский и другие «ближние» люди. На следующий день присягу от прочих бояр принимал князь Воротынский, а дьяк Висковатый держал крест.

Разногласия возникли на третий день болезни государя, когда содержание завещания стало известно широкому кругу придворных. Некоторые из влиятельных лиц, в том числе князь Дмитрий Курлятев, Иван Пронский, Иван Ростовский, казначей Н. Фуников, священник Сильвестр и другие, высказывали недовольство и уклонялись от крестного целования. Они не хотели присягать Романовым, считая кандидатуру князя Старицкого более приемлемой в качестве регента.

Князь Владимир был призван целовать крест в последнюю очередь. Присягнувшие к тому времени бояре силой заставили его дать клятву: «И одва князя Володимира принудили крестъ целовати, и целовал крест по неволе». Однако его мать, княгиня Ефросинья, отказалась приложить к документу фамильную печать. Трижды ходили к ней бояры, но слышали от нее только «бренные речи». Переговоры царских парламентариев с княгиней Старицкой завершились не позднее 12 марта. Княгиня отдала печать, но добавила, что клятва, данная «по неволе», ничего не значит. Формально правда была на стороне княгини по двум причинам. Во-первых, шел Пост, во время которого запрещалось давать клятву³⁴. Во-вторых, князь Владимир не достиг 20-летнего возраста (родился 9 июля 1534 г.) для исполнения процедуры крестоцелования, что рассматривалось как присяга «по неволе»³⁵.

Источники не сообщают, на каких условиях княгиня Ефросинья пошла на уступки, но, несомненно, достигнутая договоренность получила отражение в документе, датированном 12 марта 1553 г. Подписывая крестоцеловальную запись и привешивая к ней фамильную печать «на малиновом шнура», князь Владимир не только давал клятву на верность царю, царице Анастасии и царевичу Дмитрию, но и оговаривал свои удельные права, согласно которым он мог держать «воевод с людьми», а также «суд чинить по старине в правду»³⁶.

Однако через нескольких месяцев крестное целование утратило силу: 6 июня погиб царевич Дмитрий. Младенец утонул во время богомолья царской четы, на реке Шексне, в непосредственной близости от Горицкого монастыря, устроенного трудами княгини Старицкой. В связи со смертью наследника, в духовную грамоту царя были внесены изменения. Документ утерян, но можно с большой долей вероятности утверждать, что интересы князя Владимира были в нем учтены в полной мере. Царь пошел на уступки Старицким, опасаясь Божьего гнева, так как царица Анастасия носила под сердцем ребенка, дарованного по молению у гроба преподобного Никиты Столпника³⁷. К осени 1553 г., когда беременность царицы не вызвала сомнений, Старицкие возвысились при дворе как никогда прежде.

Новый статус князя Владимира и его матери получил подтверждение де-факто на свадьбе царя Семиона Касимовича с Марией Кутузовой, состоявшейся 5–7 ноября 1553 г. После мыльни молодой супруг «посылал дружек с кашей к царю, к князю Юрию и ко князю Володимеровой матери Андреевича ко княгине Афросинье и ко князю Володимеру Андреевичу». Молодые просили благословения не только у государя и митрополита Макария, но и у княгини Ефросиньи. Молодожены и их посаженные родители одаривали друг друга богатыми тканями, очевидно из запасов «светлицы» княгини Старицкой: в свадебном разряде перечислены 14 видов «Бурских и Венедицких» бархатов, камок и алтабасов³⁸.

В положенный срок, 28 марта 1554 г., у государя родился сын. Младенца окрестили Иваном 15 апреля в Чудовом монастыре. Вслед за этим государь составил новую духовную грамоту, назначив князя Владимира вместе с митрополитом Макарием душеприказчиком и главой опекунского совета до достижения царевичем Иваном 20-летия. В случае смерти царя и его детей князь Старицкий объявлялся наследником престола, при этом он был обязан выделить удел царице Анастасии. Эти условия, со ссылкой на завещание Ивана IV, вписаны в текст новой крестоцеловальной записи князя Старицкого, которую тот подписал в апреле 1554 г.³⁹

Так же как и крестоцеловальная грамота 1553 г., новый документ составлен в форме договора, оговаривающего не только обязанности князя Владимира служить верой и правдой царю, царице и детям, но и удельные права самого князя. В договор был включен пункт, отсутствующий в предыдущем документе: князь Владимир клялся «не слушать своей мате-

ри, если она учнет наводить на лихо» на царя, царицу, царевича, бояр и дьяков, упомянутых в духовной грамоте государя. Клятва была усилена наложением церковного проклятия в случае «преступления слова».

Князь Владимир подписал документ и скрепил печатью, однако условия крестоцеловальной записи не во всем устроили княгиню Старицкую. Разногласия возникли, в частности, по поводу пункта, ограничивавшего число людей, которых князь волен был держать у себя на подворье.

Переговоры продолжались около месяца. В мае князь Владимир Андреевич подписал третью крестоцеловальную грамоту. Объемом текста она немного превышала предыдущую, и, по наблюдениям исследователей, в ней получили отражение соответствующие изменения, внесенные в духовную грамоту Ивана IV⁴⁰. Новый документ расширен за счет изменения отдельных формулировок, уточняющих удельные права князя Старицкого. В грамоте указано точное количество слуг, которых тот имел право держать на московском дворе – 108 человек, а остальных – в вотчине.

В противовес, в пункт, где оговаривались обязательства князя Владимира как душеприказчика, помимо царицы Анастасии, было введено имя князя Юрия, которому также следовало выделить удел: «А возмет Бог и сына твоего, царевича Ивана, а иных детей твоих Государя нашего не останется, и мне твой, Государя своего, приказ весь исправить твоей царице Великой княгини Анастасии и твоему брату князю Юрию Васильевичу, по твоей Государя своего душевной грамоте и по сему крестному целованию, о всем по тому, как еси Государь им в своей душевной грамоте написал». Очевидно, речь шла о выделении князю Юрию Угличского удела, завещанного ему отцом, великим князем Василием III⁴¹.

Наиболее важное изменение было внесено в заключительную часть крестоцеловальной грамоты. Обещая «не слушать» своей матери, если она вздумает «умышлять которое лихо» над царем, царицей, царевичем или боярами, князь призывал на свою голову: «ино збудися надо мною по тому, как дед наш Князь Великий Иван написал клятву и неблагословенье отцу моему в своей душевной грамоте»⁴². Таким образом, князь Владимир, подобно своему отцу, князю Андрею, признал преимущественное право завещания Ивана III, и, следовательно, поклялся «не подыскивать великого княжества», а также автоматически отказался от каких-либо претензий на Дмитровский удел.

Надо полагать, повторный обман, на этот раз – простодушного князя Владимира, вызвал гневное возмущение княгини Ефросиньи. История 1537 г. повторилась через 17 лет. Очевидно, не остались в стороне и сторонники Старицких. Их недовольство вскоре вылилось в «шатание» и замышление государственной измены.

Сведения о тайных переговорах княжат с Литвой вскрылись через два месяца, в июле 1554 г., когда началось разбирательство по делу о победе князя Никиты Лобанова-Ростовского. Князь Никита был схвачен в То-

ропце и допрошен с пристрастием. Он признался в сношениях с литовцами и намерении «отъехать от государя». Затем всплыли подробности о закулисных интригах, которые повлияли на ход дипломатических переговоров России и Литвы в августе 1553 г. В связи с этим был «взят в допрос» князь Семен Звяга Лобанов-Ростовский. Тот сознался, что выдал литовскому послу Довойне важную информацию, сообщил «думу царя», в результате чего переговоры закончились неудачей: русские были вынуждены пойти на уступки литовцам и вместо «вечного мира» заключить перемирие на два года. Далее вскрылась роль княгини Ефросиньи в «шатании» бояр во время болезни государя весной 1553 г. Власти получили сведения о ее тайных сношениях с князьями Щенятьевым, Турунтай-Пронским, Куракиным, Дмитрием Немым, Серебряным и «иными многими». Как сообщил князь Семен Звяга, «а ко мне на подворье приезживал (Человек. – Л.Т.) ото княгини Офросиньи и ото князя Володимера Ондреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служить, да и людей перезывал»⁴³.

Князь Семен был приговорен к смертной казни. Однако по молению митрополита Макария царь смягчил приговор: казнь заменили ссылкой в Кирилло-Белозерский монастырь. Опала должна была неминуемо коснуться и Старицких, но они избежали наказания. Более того, царь сам поехал на поклон к двоюродному брату.

Причиной тому могли послужить чрезвычайные обстоятельства.

Как сообщает летопись, 1 октября 1554 г. состоялось торжественное освящение деревянного собора Покрова на Рву в честь Казанской победы с необычно большим количеством приделов (семь), для которых «прине-соша образы чудотворныя многия»⁴⁴. Через неделю, 8 октября, государь выехал из Москвы в дворцовое село Черкизово. Находясь там, он неожиданно принял решение отправиться на север: «посоглядати восхотел» Кли-нские леса. Царский «поезд» направился в Клин, затем через Волок в Можайск, а оттуда – в село Городень. Со всей возможной поспешностью царская семья прибыла на подворье князя Владимира, где состоялась трогательная встреча двоюродных братьев. «И князь Володимер Ондреевич великого государя встретил. И царь и великий князь брата своего князя Володимера Ондреевича пожаловал, хлеба ел и пировал во княже Володи-мерове селе в Городне»⁴⁵.

Источники умалчивают о мотивах, которые заставили Ивана IV сменить гнев на милость и вместо того, чтобы наложить опалу, обласка-ть двоюродного брата. Однако Иван Тимофеев в своем *Временнике* соединяет воедино принесение на Москву большого количества святынь и бо-лезнь царевича Ивана: «Несправедливо утаивать и следующее: когда в груд-ном возрасте младенец (Царевич Иван. – Л.Т.) заболел и когда ради его исцеления со всей их земли были снесены в одно место (многие святыни) для молебного пения, посреди этого собрания Бог, как сообщается в напи-санном житии святого, прославил своего угодника Никиту: вода с вериг

святого чудотворца Никиты, освященная в сосуде, когда рука отрока была над нею протянута, тотчас же, среди прочих принесенных туда вода, вски-пела. Дивное чудо! Тогда вместе с окроплением водою младенец исцелил-ся, здоровье одолело болезнь, и от того времени до самых последних дней жизни святой во всех обстоятельствах защищал отрока»⁴⁶.

Таким образом, к началу октября 1554 г. в государстве обнаружи-лось «нестроение», а 6-месячный царевич Иван тяжело заболел. Кроме того, завоевание Астрахани висело на волоске, царь с волнением ожидал вестей о результатах летней кампании против хана Ямгурчя. История 1553 г. повторялась: царя вот-вот должна была настичь Небесная кара – смерть наследника престола. Возможно, угрозы гибели первенца попущением Божьим и являлись теми «детскими страшилами», которыми, по словам Ивана IV, его пугал Сильвестр⁴⁷. Следуя «лукавым советам попа» государь пошел на примирение с двоюродным братом и его матерью и посетил родственников в селе Городень.

Все же одного из членов семьи князя Старицкого постигла опала осенью 1554 г. Видимо, на жену князя Владимира, Евдокию Александров-ну Нагую, пало подозрение в «наведении лиха» на царскую семью. Скорее всего, ее насильно постригли и сослали в монастырь – полгода спустя князь Владимир был уже холост. На его попечении остались трое малолет-них детей: Василий, Евдокия и новорожденная Мария. Не ясно, была ли уличена в «лихе» княгиня Ефросинья, но с этого времени ее имя исчезает из свадебных разрядов. В апреле 1555 г. князь Владимир женился вторым браком – на Евдокии Романовне Одоевской. Государь выдавал двоюрод-ного брата «от себя», но на этот раз – без смотрин, и имя матери жениха в свадебной росписи не упомянуто⁴⁸.

Если женская половина семьи Старицких впала в немилость, то князя Владимира царский гнев не коснулся. В последующие несколько лет он принимал активное участие в государственных делах. В июне 1555 г. бояр-ские дети удельного князя находились в «большом полку» в походе на Тулу «по крымским вестям»⁴⁹, в июне 1556 г. под его руководством прохо-дил набор войск для Ливонского похода. Благодаря радению князя Стари-цкого было набрано небывалое число ратников, «еже прежде сего не бысть»⁵⁰. Однако намерение царя воевать Ливонию было воспринято в ближайшем окружении крайне неодобрительно. В своем послании к Кур-бскому Иван IV упрекал тех, кто противился его воле: «Та же убо начен-шесь войне, еже на Германы... попу же убо Селивестру и с вами своими советниками о том на нас люте належаше, и еже убо, согрешений ради наших, приключаются болезнях на нас и на царице нашей и на чадах наших и сия убо вся вменяху аки их ради, нашего к ним непослушания сия бываху!»⁵¹

Сильвестр грозил новыми карами за гордыню, новыми болезнями, в то время как царица Анастасия была беременна мальчиком. Государь по-

шел на примирение с княгиней Старицкой: видимо, к этому времени относится передача ряда волостей Дмитровского уезда князю Владимиру⁵². К началу 1557 г. царь вернул свое расположение княгине Ефросинье. В январе в афонскую Хиландарскую лавру были отправлены многие дары Ивана IV. Среди них упомянута «катацетазма шита, на ней образы Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери, и Предтечи Иоанна, и многих святых, и чудне сотворена шитием златом и серебром и многия шелки»⁵³. Судя по описанию завесы к церковным дверям, столь сложная многофигурная композиция была выполнена в «светлице» княгини Старицкой.

Царевич Федор родился 11 мая 1557 г.

С рождением второго сына в духовную грамоту государя были внесены необходимые дополнения о разделе владений между детьми. Вероятно, встал вопрос о судьбе Дмитровского удела, который, по традиции, передавался вторым сыновьям, и должен был отойти царевичу Федору. Нет каких-либо документальных свидетельств о том, каково было распоряжение Ивана IV, но из дальнейших событий вытекает, что если не весь Дмитровский удел, то часть его – московское подворье покойного князя Юрия Ивановича Дмитровского – было завещано брату государя, недееспособному князю Юрию Васильевичу. Вероятно, был создан юридический прецедент, когда часть Дмитровского удела должна была отойти, вопреки традиции, не второму сыну царя, а его брату. В случае же бездетной смерти князя Юрия спорные земли могли быть переданы двоюродному брату царя – князю Владимиру. Князь Юрий Васильевич и его жена Ульяния 12 лет прожили в бездетном браке, и, в связи с недугом супруга, вероятность рождения ребенка была крайне мала.

Однако через год ситуация изменилась.

В июне 1558 г. скончалась двухлетняя царевна Евдокия. По удивительному совпадению, в том же месяце – июне, согласно календарным расчетам, супруга князя Юрия Васильевича, Ульяния наконец «понесла». В марте 1559 г. князь Владимир присутствовал на крещении племянника Ивана IV – Василия Юрьевича. В связи с этим радостным событием князь Юрий, надо полагать, составил собственное завещание, отписав все свои земли новорожденному сыну. Соответствующие поправки были внесены в духовную грамоту царя, после чего в его отношениях с князем Старицким наступило заметное охлаждение.

1 октября 1559 г. в Москве состоялись всенародные торжества – освящение каменного храма Покрова на Рву, воздвигнутого в честь Казанской победы. На освящении присутствовала вся царская семья, князь Юрий, крещеные цари казанские Александр (Утемиш-Гирей) и Семион (Едигер-Магмет). Но имя князя Владимира не упомянуто⁵⁴. Два месяца спустя, на Николу зимнего (6 декабря), в Можайске заболела царица Анастасия. Сильвестр грозил Божьим наказанием, и Ивану IV пришлось пойти к двоюрод-

ному брату на поклон. Это случилось, когда скончался вымоленный у Бога сын князя Юрия Васильевича.

Составитель Летописца Русского особо отметил странное совпадение: 20 февраля 1560 г. «на масленице, с середины против четверга, на десятом часу ночи, за три часа до света преставился князь Василий Юрьевич, князь Юрьев сын Васильевича, внук великого князя Василия Ивановича всея Руси, году без дву недель; и о сем государю скорбь бысть немала. Тое же ночи, с середины на четверг, в то же время, на десятом часу ночи, за три часа до света родися князю Володимиру Андреевичу дщерь Евдокия (Мария. – Л.Т.) от его княгини Евдокии, и царь и великий князь, а с ним сын его царевич Иван, да с ним царь Александр Казанской, и многие бояре на завтрее того, в пятницу, были у князя Володимира Андреевича на его радости, и порадовашеся с ним, и овощи кушали»⁵⁵.

Очевидно, летописец не случайно подчеркнул, что умерший младенец являлся внуком великого князя Василия III. Устрашенный Божьим наказанием, Иван IV признал преимущественную силу завещания своего отца, Василия III, над завещанием деда, Ивана III, а рождение дочери у двоюродного брата – более важным событием, чем смерть сына у родного. В июле, когда Москву охватил пожар, а состояние царицы Анастасии ухудшилось, князь Владимир руководил тушением огня бок о бок с государем: «...и едва царь и великий князь со князем Владимиром Андреевичем и з бояры, и двором своим, и стрельцы, и со множеством народа многим трудом, Божию благодатью, угасиша огонь»⁵⁶.

Однако семейная идиллия продолжалась недолго.

Месяц спустя, 7 августа 1560 г., государыня скончалась. В тот же день царь отдал приказ передать князю Юрию московское подворье покойного дяди, князя Юрия Дмитровского, а также Угличский удел: «брату своему Юрию Васильевичу велел царь и великий князь место очистити на двор дяди своего княже Юрьевского Ивановича Дмитровского, позади Ивана Святого, что под колоколы... От того же времени царь и великий князь брату своему князю Юрию Васильевичу учал обиход его строити из его городов и волостей, чем его благословил отец его, князь великий Василей Иванович Всея Руси...»⁵⁷ Разрядная книга называет имена трех наместников, получивших назначение «на береженье» князя Юрия – бояр И.А. Куракина, Д.С. Шестунова и А.И. Прозоровского (дворецким)⁵⁸. Поэтому вполне вероятно, что под их управлением находились три разрозненных земель владения – Угличский и Дмитровский уделы, московский двор князя Юрия Ивановича Дмитровского.

Выделение удела князю Юрию Васильевичу свидетельствует о внесении изменений в духовную грамоту государя по смерти царицы Анастасии. Несомненно, поправки отражали гнев царя в отношении Старицких, но опале подверглись их сторонники. Иван IV «положил свой гнев» на Алексея Адашева и Сильвестра, обвинив в «чародействе» и упрекая пос-

ледного в том, что «от него пострадах душевне и телесне»⁵⁹. Видимо, они были заподозрены в отравлении царицы Анастасии и в «наведении лиха» на самого государя и царевичей.

Через неделю после порохов был поднят вопрос о женитьбе государя. Не прошло и сороковин, как сваты были направлены в Литву, Швецию и в Черкессию. Год спустя, в августе 1561 г., князь Старицкий присутствовал на венчании Ивана IV с Марией Темрюковной. Свадебные торжества проходили при закрытых дверях. Как отметил английский путешественник Дженкинсон, городские ворота были заперты три дня, и никто «не смел выходить из своего дома (за исключением некоторых из его приближенных) во время празднования свадьбы; причина этого распоряжения неизвестна и доселе»⁶⁰.

Видимо, уже во время свадьбы с Марией Темрюковной были введены должности «дружек», выполнявших совершенно новые функции. Их перечень находим в свадебной росписи 1572 г. (венчание с Марфой Собакиной): часовые на лестницах во дворце, на кремлевских и городских воротах, поставленные для того, чтобы «Государя Царя и Великого князя дворец от огня беречи и на двор не пушати... и ворота городские пойтить запереть»⁶¹. Государь опасался покушения.

Царица Мария родила сына в июне 1562 г. Младенца назвали Василием. Царевич Василий прожил меньше года. Он умер 6 мая 1563 г., а в июне по доносу Саблука Иванова, дьяка князя Владимира, начался сыск по делу княгини Ефросиньи и ее сына по обвинению в злом умысле против царской семьи. Митрополит Макарий с духовенством просили простить Старицких. Князь Владимир получил прощение, но весь его двор был заменен новыми людьми по выбору государя. Его удельные права были урезаны. Царь возложил опалу на княгиню Ефросинью: 5 августа она приняла постриг под именем Евдокии и избрала местом своего пребывания Горицкий монастырь⁶².

Старицкие потеряли многие привилегии, но сохранили жизнь, в то время как жестокие казни по приказанию царя приобретали все более угрожающий размах. Убийство князя Д.Ф. Овчины-Оболенского, совершенное царскими псарями весной 1564 г., ужаснуло ближайшее окружение государя. Митрополит Афанасий с боярами посетили Ивана IV и, грозя Божьей карой до третьего колена, увещевали его «не свирепствовать против людей»⁶³.

Видимо, в это же время тяжело заболел царевич Иван, и государь был вынужден снять опалу с князя Владимира и обратиться с молитвой к чудотворным веригам Никиты Столпника. «Маия в 7 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ездил с Москвы в Переявлавль-Залесьской и со царицею своею великою княгинею Мариною и с сыном своим со царевичем Иваном в Никитцкой монастырь милитися к Никите Чюдотворцу и церковь камену в Никитцском монастыре во имя велико-

мученика Христова Никиты свящати; да со царем же и великим князем был князь Володимер Ондреевичь»⁶⁴. В последующие полгода казни утихают, и князь Владимир принимает участие в государственных делах и военных советах⁶⁵.

По свидетельству Шлихтинга, в это время Иван IV готовился к лицедейству с отречением от престола, с пострижением в монашеский сан и передачей власти своим несовершеннолетним сыновьям: «Он притворился, будто тяготится своим владычеством, хочет сложить государеву власть, жить в отдалении и уединении, вести жизнь святую и монашескую. Поэтому, позвав к себе знатнейших вельмож, он излагает им, что замыслил сделать, показал им двух сыновей и назвал их правителями державы»⁶⁶.

Опираясь на сообщение летописи о пребывании «тогда» на Москве представителей высшего духовенства, историки высказали догадку, что в конце ноября – начале декабря 1564 г. в Москве «проходили заседания церковно-государственного собора», на котором решался вопрос добровольного или принудительного отказа Ивана IV от престола⁶⁷. В случае отречения неизбежно возникал вопрос о регентстве, так как царевичу Ивану исполнилось 10 лет, а царевичу Федору – 7. При недееспособном князе Юрии наиболее вероятной кандидатурой на роль опекуна являлся князь Владимир Старицкий. Смерть князя Юрия Васильевича, скоропостижно скончавшегося 24 ноября 1564 г., вообще не оставила выбора. В случае же смерти царевичей князь Владимир становился единственным правомочным наследником престола. Еще никогда Старицкие не были так близки к царским регалиям, как в исходе осени 1564 г.

Несомненно, к началу декабря на Соборе была достигнута договоренность о добровольном отречении царя, но заключительный акт был отложен на некоторое время. Отъезд Ивана IV из столицы проходил, по мнению современников, крайне необычным образом. «Большой поезд» включал царицу и царевичей, бояр, дворян и приказных людей с семьями, детей боярских «с конми, со всем служебным нарядом». Государь также повелел взять с собой всю свою казну, платье, поставцы с драгоценной посудой, «святость, иконы и кресты»⁶⁸.

Ровно месяц князь Старицкий, митрополит, архиепископы, архимандриты и бояре ожидали вестей от царя.

Наконец 3 января гонец привез грамоту, извещавшую об отречении Ивана IV. Однако вместо покаяния за жестокие казни царь указал иную причину для отречения: «измены бояр». По наблюдениям исследователей, дошедший до нас в летописном изложении текст грамоты содержит сведения о «боярских крамолах» двадцатилетней давности и не называет конкретных имен виновников, из чего сделан вывод, что «иск» государя был отредактирован при внесении в летопись⁶⁹. Возможно, в оригинале были перечислены обвинения в адрес княгини Ефросиньи и князя Владимира в наведении «лиха» с целью известить царскую семью и захватить престол.

Грамота царя явилась для бояр и святителей полной неожиданностью, но аргументы были столь убедительны, что в Александровскую слободу отправились челобитчики, взывавшие к царю «гнев свой отложить» и владеть государством по-прежнему⁷⁰. Боярская Дума и «Весь священный Собор» выразили готовность выдать головой всех изменников, «кто будет государские лиходеи». Вопрос об отречении Ивана IV и о правах князя Старицкого на регентство отпал сам собой. Царь вернулся в столицу, получив всенародное одобрение на опричный террор.

Пискаревский летописец винит в разделении земли на опричнину и земщину советников царя – «Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова» – и говорит, что недовольные опричниной «стали уклоняться [к] князю Володимеру Андреевичю»⁷¹. «Синодик опальных» Ивана Грозного дает сведения о 31-м «изменном» деле, по которым состоялись массовые казни в 1564–1575 гг. Наибольшее количество дел приходится на 1568–1570 гг. – 19, на прочие года – по одному-два. Однако в источнике не упомянуто ни одной казни, которая приходилась бы на 1566 г.⁷² Этот год знаменателен также тем, что царь наконец передал князю Старицкому Дмитровский удел вместе со Звенигородом.

Передача была оформлена меной. Сделка носила неравноценный характер, государева казна понесла убытки.

В январе 1566 г. Дмитровский удел перешел к князю Владимиру, практически со всеми станами и дворцовыми селами, в обмен на Старицу. В феврале он получил Боровск и некоторые села в Московском уезде, вернув царю Алексин из Дмитровского уезда. В марте Иван IV отдал князю Старицкому, его жене «княгине Овдотье, и его сыну, князю Василью и их детям» Звенигородский уезд со всеми волостями, селами и доходами в обмен на небогатый город Верею с прилегающими землями⁷³.

При обмене Старицкий удел вошел в опричное ведомство, однако не позднее ноября 1566 г., в опричнину был также взят Горицкий монастырь, где находилась княгиня-инокиня Евдокия (Ефросинья) Старицкая⁷⁴. Вся остальная территория Белозерского уезда осталась в земщине. Таким образом, земли Старицкого удела были выведены из-под юрисдикции князя Владимира, но оказались в одном ведомстве с Горицким монастырем. Возможно, подобно другим князьям, взятым в опричнину, княгиня-инокиня продолжала управлять Старицким уделом.

В июле 1566 г. по «понужению» государя, митрополичий посох принял Филипп Колычев, непримиримый противник опричных порядков и сторонник князей Старицких. Поскольку представители духовенства освобождались от крестного целования, то с митрополита была взята расписка с обещанием не вступаться «в опричину и царской домовый обиход»⁷⁵. Напрашивается вывод, что в 1566 г. Иван IV действовал вопреки собственной воле, в угоду Старицким, под давлением обстоятельств.

Таковыми обстоятельствами могла стать опасная болезнь наследника, царевича Ивана.

Летопись сообщает, что в 1566 г. царь вместе с семьей оставил Кремлевский дворец и «перевезся жити за Неглинну реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил государь на том дворе хоромы себе строити царьские и ограду учинити, все новое ставити»⁷⁶. Похожее переселение в новые хоромы совершилось в 1560 г., в день смерти царицы Анастасии: «Того же месяца августа в 7 день, царь и великий князь детем своим, царевичю Ивану и царевичю Федору, повелел делати двор особый на в зрубе, позади набережные большие полаты, повеле же у царевичев на дворе храм большой поставити Стретение Господа нашего Иисуса Христа, а придел теплую церковь святого преподобного мученика Никиты Столпника, Переславского чудотворца... повеле же делати церкви и хоромы спешно, чтобы детем своим в том дворе устроитися ранее»⁷⁷.

К 1567 г. князю Владимиру были возвращены привилегии ближайшего советника и главнокомандующего. Осенью того же года он стоял в Коломне «с своим двором для приходу крымских людей, а со князь Володимером Ондреевичем государевы бояре и воеводы»⁷⁸. Возможно, его имя было вновь введено в духовную грамоту Ивана IV как душеприказчика и наследника престола в случае смерти (отречения) царя и царевичей, а также была составлена новая крестоцеловальная запись, согласно которой тот обязался доносить на тех, кто задумает «лихо» против государя. Из сообщений Шлихтинга и Штадена известно, что в конце 1567 г. князь Старицкий выдал царю боярина И.П. Федорова и других «заговорщиков»⁷⁹.

Второй виток опричных казней, согласно данным Синодика, начинается с убийства дьяка К. Дубровского в декабре 1567 г. Жестокая расправа вызвала протест со стороны митрополита Филиппа. Государь расценил его увещевания как вмешательство в «опричные дела», а его обличительное выступление в Успенском соборе 22 марта 1568 г., привело к полному разрыву и вражде⁸⁰. В ноябре того же года состоялся церковный суд, митрополита обвинили в чародействе. Вручая отрезанную голову племянника (или двоюродного брата), ему было сказано: «Вот твой сродник, не помогли ему твои чары»⁸¹. Одновременно с процессом по делу митрополита Филиппа, царь «положил великий гнев» на своего двоюродного брата⁸² и не позднее февраля следующего года, 1569-го, послал того в Нижний Новгород⁸³.

6 сентября 1569 г. скончалась царица Мария Темрюковна. Подозрение в ее отравлении пало на Старицких. Таубе и Крузе рассказывают, что один из дворцовых поваров, ездивший в Нижний Новгород за рыбой, донес, будто князь Владимир дал ему ядовитый порошок и 50 рублей, велел отравить царя⁸⁴. По наблюдениям исследователей, в Синодике опальных «дело князя Старицкого» начинается с казни царского повара и рыболовов⁸⁵.

Обвинение Старицких в попытке отравления царской семьи с помощью рыбы имеет рациональное объяснение. По словам Петра, во время

торжественных обедов к столу государя последним блюдом подавалась сельдь особой породы из Переславля⁸⁶. Знаменитую ряпушку, или «царскую сельдь» поставляли крестьяне Горицкого Успенского мужского монастыря, расположенного на берегу Плещеева озера. Горицкий Воскресенский девичий монастырь, устроенный княгиней Старицкой на притоке Волги, снабжал кремлевскую кухню осетрами и стерлядями. В Волге и в ее притоках также обитает сельдь, однако на Руси ее не употребляли в пищу до середины XIX в. Волжскую сельдь называли «бешенкой», вызывающей отравление, и использовали для жиротопления. Лишь с 1860-х гг. ее стали заготавливать впрок методом посола⁸⁷. Вероятно, царские лекари заподозрили, что болезни и смерти членов государевой семьи были вызваны употреблением волжской сельди. «Бешенка» попадала на царский стол под видом переславской, чему способствовало совпадение названий монастырей, рядом с которыми находились рыбные слободы.

В начале октября 1569 г. князь Старицкий был вызван с семьей на Боган, ему было предъявлено обвинение в покушении на жизнь государя. По приказу царя, князь Владимир, его жена и дочь от второго брака приняли яд.

На этот раз царь покарал также княгиню-иноку Евдокию (Ефросинью). Ее привезли из Горицкого монастыря и жестоко казнили. Перед смертью она грозила тирану Небесной карой «в день Страшного Суда»⁸⁸. Возможно, устранившись проклятий, Иван IV пощадил детей князя Владимира от первого брака – Василия, Евдокию и Марию. Старицкий, Дмитровский, Звенигородский уделы и другие меновые земли отошли в государеву казну⁸⁹.

Однако Дмитровский удел еще один раз оказался в руках князя Старицкого.

В июле–августе 1572 г.⁹⁰ царь вспомнил о своем двоюродном племяннике, князе Василии, в завещании, которое было составлено в тот критический момент, когда «виде царь крымский гнев божий над Рускою землею попущением божиим за грехи наша». Согласно духовной грамоте, Дмитров со всеми волостями переходил к царевичу Ивану в составе прочих земель, а князя Василия было обещано вознаградить, «посмотря по настоящему времени, как будет пригоже»⁹¹.

Царь вознаградил князя Василия как только была получена весть о полном поражении крымцев в сражении при Молодах – в конце августа 1572 г. Сведения об этом дает автор Пискаревского летописца, помещая сообщение о пожаловании в конце статьи «О приходе Цареве на Молоди»: «(7080), Того же году пожаловал князь великий князя Васи[ль]я Володимировича Дмитровой»⁹². Князь Василий совсем недолго владел уделом: вскоре он был умерщвлен, и Дмитров вновь вернулся в государеву казну.

Итак, двоюродный брат царя, князь Владимир Андреевич Старицкий, уже в 1554 г. обладал юридически закрепленными правами регента (в случае кончины Ивана IV) и наследника шапки Мономаха по смерти его

детей, минуя родного брата государя. В 1564 г., в свете готовившегося отречения Ивана Грозного, скоростижной смерти князя Юрия Васильевича и слабого здоровья царевичей Ивана и Федора, князь Старицкий имел очень высокие шансы занять трон. Однако, на наш взгляд, добываясь внесения изменений в завещание государя, Старицкие стремились получить не царские регалии, а привилегию на владение Дмитровским уделом, который, по великокняжеской традиции, переходил ко вторым сыновьям или к прямым наследникам Московского престола.

Примечания

¹ Царственная книга // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII, ч. II. СПб., 1906. С. 526, 528.

² Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 18–23.

³ *Пресняков А.* Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–72.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 358.

⁵ *Зимин А.А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI века // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 285–286.

⁶ *Юзефович Л.А.* Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал: конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 302.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, ч. I. М., 1813. С. 451–452.

⁸ Духовные и договорные грамоты... С. 363, 362.

⁹ *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 85–88.

¹⁰ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, ч. II. М., 1819. С. 40.

¹¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 192.

¹² Постниковский летописец. С. 25–26.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Царственная книга. С. 528.

¹⁵ Постниковский летописец. С. 26.

¹⁶ *Смиров И.* Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. Т. II. М.; Л., 1939. С. 57–60.

¹⁷ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М.; Л., 1965. С. 322.

¹⁸ *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 115.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I, ч. II. М., 1977. С. 323, 349, 371.

²⁰ Древняя российская вивлиофика. Т. XIII. М., 1790. С. 46.

²¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I, ч. II. С. 368.

²² Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 185.

²³ Духовные и договорные грамоты... С. 59.

²⁴ Там же. С. 199.

²⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I, ч. II. С. 413, 422, 248, 440.

²⁶ Жития русских святых (сентябрь–декабрь). М., 1908. С. 572.

²⁷ Духовные и договорные грамоты... С. 362.

²⁸ Пискаревский летописец. С. 189.

²⁹ Царственная книга. С. 522.

³⁰ Летописец Русский // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 3 (174). М., 1895. С. 4–5.

³¹ «Не бывайте мудры о себе. Аще кто мнится мудр быти в вас в весте сем, буй да будет, яко да упрямудрится от Бога». См.: Послания старца Артемия, XVI в. // Русская историческая библиотека. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1216–1217.

³² Курбский М. Сказания князя Курбского. СПб., 1842. С. 39.

³³ Царственная книга. С. 523.

³⁴ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 284.

³⁵ Возрастное ограничение закреплено в Соборном уложении 1649 г.: «...А возрастом бы те люди были, кому целовати крест, в дватцать лет, а меньши дватцати лет не целовать и ко кресту таких не припускать... А которым людям исцом, или ответчиком доведетца целовать крест, и ко кресту приводить самим, а людей у них нет, и те исцы и ответчики сами будут меньши дватцати лет, лет в пятнадцать, а переменитца им будет неким, и тем исцом и ответчиком по неволе крест целовать...» См.: Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 70–72.

³⁶ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, ч. I. С. 460–461.

³⁷ Свирелин А. Описание Переславского Никитского монастыря в прошедшее и нынешнее время. М., 1878. С. 6.

³⁸ Древняя российская вивлиофика. Т. XIII. С. 73.

³⁹ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, ч. I. С. 462–464.

⁴⁰ Альшиц Д.Н. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // История СССР. 1959. № 4. С. 147.

⁴¹ Духовные и договорные грамоты... С. 440.

⁴² Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, ч. I. С. 465–469.

⁴³ Летописец Русский. С. 15.

⁴⁴ Пискаревский летописец. С. 189.

⁴⁵ Летописец Русский. С. 33.

⁴⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 185.

⁴⁷ Первое послание Грозного // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 43.

⁴⁸ Древняя российская вивлиофика. С. 83.

⁴⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I, ч. II. С. 492.

⁵⁰ Летописец Русский. С. 57.

⁵¹ Первое послание Грозного. С. 33.

⁵² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории середины XVI в. М., 1960. С. 414.

⁵³ Летописец Русский. С. 67–68.

⁵⁴ Там же. С. 121, 127.

⁵⁵ Там же. С. 136–137.

⁵⁶ Там же. С. 140.

⁵⁷ Там же. С. 141–142.

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. М., 1977. С. 93.

⁵⁹ Первое послание Грозного. С. 33.

⁶⁰ Дженкинсон Э. Путешествие в Московию // ЧОИДР. Кн. 4. М., 1884. С. 58.

⁶¹ Древняя российская вивлиофика. С. 91–92.

⁶² Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 368.

⁶³ Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 17–18.

⁶⁴ Никоновская летопись. С. 383.

⁶⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 170.

⁶⁶ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 18.

⁶⁷ Фроянов И.Я. Драма русской истории. М., 2007. С. 843.

⁶⁸ Никоновская летопись. С. 391.

⁶⁹ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 857–858.

⁷⁰ Никоновская летопись. С. 392.

⁷¹ Пискаревский летописец. С. 190.

⁷² Скрынников Р.Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 278. Л., 1965. С. 22–65.

⁷³ Веселовский С.Б. Ликвидация Старицкого удела и расширение ведомства Опричного двора // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 164–165.

⁷⁴ Там же. С. 174.

⁷⁵ Собрание государственных грамот... С. 557–558.

⁷⁶ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Кн. 10. М., 1940. С. 89.

⁷⁷ Русский летописец. С. 141.

⁷⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 212.

⁷⁹ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 62; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 89.

⁸⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 98.

⁸¹ Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2007. С. 180.

⁸² Пискаревский летописец. С. 191.

⁸³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 243.

⁸⁴ Послание Таубе и Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 46–47.

⁸⁵ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 45.

⁸⁶ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 395.

⁸⁷ Гримм О.А. Астраханская селедка // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1887. С. 7–43.

⁸⁸ Послание Таубе и Крузе. С. 47.

⁸⁹ Духовные и договорные грамоты. С. 442.

⁹⁰ Веселовский С.Б. Духовное завещание царя Ивана 1572 г. // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 302–322.

⁹¹ Духовные и договорные грамоты. С. 436.

⁹² Пискаревский летописец. С. 192.

XX ВЕК В НАШЕЙ ПАМЯТИ

Т. Архипова

ВСПОМИНАЯ ТАТЬЯНУ МИХАЙЛОВНУ СМИРНОВУ

Часть жизни Татьяны Михайловны Смирновой прошла без меня: мы впервые увидели друг друга в 1964 г. Поэтому этот отрезок ее биографии я восстановлю по ее рассказам.

Родилась Татьяна Михайловна в Пекине в 1935 г. в семье старого большевика: он в это время был сотрудником Министерства иностранных дел и представлял интересы СССР в качестве генерального консула в Тяньзине. Можно только предположить, как могла сложиться ее судьба, вернись семья Смирновых в СССР в 1937–1938 гг., но она вернулась в 1939-м. Осложнение отношений с Китаем не могло не сказаться на судьбе отца – он был уволен из МИДа и вернулся к прокурорской работе: до командировки в Китай он был прокурором Краснопресненского района Москвы. Любовь Ивановна – мама Тани – рассказывала мне, что два предвоенных года они жили в страхе перед возможным арестом ее мужа. Но началась война, и отец был направлен прокурором в действующую армию. К сожалению, после войны семья распалась, что наложило отпечаток на воспоминания Тани об отце: она редко и неохотно говорила о нем. Однажды с горечью сказала: «Мы с мамой так ждали отца всю войну...» Она его не простила, а он, как мне кажется, до своей смерти принимал участие в ее судьбе.

В детстве и юности она была весьма своевольным ребенком: обладая прекрасной памятью, она запоминала все необходимое со слов учителей, поэтому после уроков у нее была масса свободного времени. Центр Москвы она знала наизусть. Вокруг нее всегда было много приятельниц, с которыми они устраивали своеобразные соревнования, кто из них как можно большее количество выставок и спектаклей посетит «на протырку» – без билета. Особым местом поклонения для этих девочек-девушек был Большой театр. Именно там Таня обрела кумира всей своей жизни – Сергея Яковлевича Лемешева, став «сырихой»-лемешистской. Она посещала все его концерты и спектакли, в товарных вагонах ездила за ним на гастроли, была в курсе всех подробностей его биографии, его неприятности воспринимала как свои, дралась с «козловитянками» – фанатками И.С. Козловского... Она периодически «сырила» кого-то еще – Игоря Горбачева, других советских артистов и даже Жерара Филиппа, Ива Монтана, Мишеля Лег-

рана. Дело дошло до того, что она обратила внимание на своего будущего мужа потому, что его подбородок напоминал ей подбородок Жерара Филиппа. Но Лемешева она «сырила» всю жизнь: чуть ли не ежедневно носила цветы к мемориальной доске дома, где он жил. Как странно складывается судьба: ведь она и умрет тоже 26 июня, как и ее кумир.

Ко времени окончания школы Таня не определилась, куда ей поступать. Понимая, что шансов для поступления в творческий вуз у нее немного, решила поступать в институт военных переводчиков: она прекрасно владела английским. Но в том году в него не было набора девушек. Время было упущено, и единственным вузом, куда можно было успеть подать документы, был Горный институт. Боже мой, Горный, так Горный!

Поступила, месяц походила на занятия и забастовала. Мама Тани была необыкновенно тактичным человеком, обожала дочь, жила ее проблемами, всю свою жизнь подчинила заботам о ней. Кстати, дочь отвечала ей тем же. Так вот, мама очень осторожно стала намекать на то, что надо бы идти работать: к «тунеядцам» в стране крайне негативное отношение. Несколько подружек-«лемешисток» поступили в Историко-архивный институт: он же напротив Большого театра, можно в любое время сбежать с лекции и встретить своего кумира. Вот тут, я думаю, помог отец, и Таня перевелась из Горного в Историко-архивный. О студенческих годах она много не рассказывала. Училась легко, но уже с первых курсов стала подрабатывать. Тогда это было явлением не частым.

По окончании института она была распределена в архив Ботанического Сада, затем стала преподавать научный коммунизм в Мясо-молочном институте, чем очень тяготилась. И когда ей там намекнули, что неплохо бы защитить кандидатскую диссертацию, она поступила в аспирантуру Историко-архивного института. Защитившись, пришла работать на

Т.М. Смирнова
1960-е гг.

одну из его кафедр, где тогда трудился основатель школы историков-государствоведов Н.П. Ерошкин. Вместе с ним она была в числе основателей кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, где и проработала до ухода на пенсию, дослужившись до доцента.

Впервые я увидела Таню в 1964 г. Мы собрались выверить гранки наших статей для очередного выпуска «Трудов МГИАИ». Тогда я впервые увидела А.Д. Степанского, Т.П. Коржихину и Таню – своих будущих коллег, а потом и друзей. Татьяна Михайловна произвела на меня неизгладимое впечатление. Оторвать глаза от этой красавицы было невозможно. Дитя смешанного брака – мама была армянкой, – она взяла от родителей лучшее. Выразительные темно-вишневые глаза, широкие, как у Элизабет Тейлор, брови, персикового цвета кожа, густые, черные прямые, до лопаток, волосы, цветаевская челка, яркие губы (и вся эта красота – без косметики!), маленькие и очень красивой формы кисти рук... А манера говорить! Все завораживало. Будучи полноватой, она необычайно легко и грациозно двигалась. Забегая вперед, скажу, что поклонники вокруг нее складывались штабелями. Она же меня тогда и не запомнила.

Не запомнила она меня и тогда, когда на кафедре обсуждалась моя кандидатура для почасовой работы. Но вскоре она сыграла существенную роль в моей судьбе. На кафедре освободилась ставка: из института ушел А.А. Нелидов. У Николая Петровича других, кроме моей, кандидатур не было. Дело в том, что по окончании мной института он рекомендовал мне не устраиваться на работу всерьез, сказав, что мы обязательно будем работать вместе. Но воспротивилась Татьяна Петровна Коржихина. Я казалась ей «несерьезной»: употребляла косметику, часто меняла цвет волос, носила юбки до колен, а потом и брюки, а их преподавательницам тогда носить запрещалось. За меня заступились Татьяна Михайловна и Александр Давидович. Я в это время отдыхала в Крыму, и Таня телеграммой вызвала меня в Москву. При встрече она сказала: «Я боялась, что кого-нибудь другого возьмут». Тогда ведь работа преподавателя вуза была престижной.

После моего прихода на кафедру Таня впустила меня в круг своего общения. Мне теперь кажется, что они с Коржихиной даже боролись за влияние на меня. Коржихина хотела меня «улучшить», а Смирнова принимала меня такой, какой я была. На самом деле она как-то исподволь выдавливала из меня провинциальность. Что было, то было.

Допуск в круг друзей предусматривал выяснение объекта моего фанатизма. Ответ «у меня такого объекта нет, я замужем» вызвал гомерический хохот. Оказалось, «так жить нельзя, а замужество тут абсолютно ни при чем». С помощью перекрестного вопроса подружки выяснили, что мне нравится артист Евгений Матвеев. Объект поклонения был воспринят положительно: актер хороший, работает в Малом театре, то есть рядом с Историко-архивным институтом. Мгновенно был найден телефон его глав-

ной фанатки, мы с ней связались, она милостиво разрешила войти в ее окружение (могли ведь и побить) и я даже несколько раз побывала на его спектаклях. Сам Евгений Семенович несколько раз оставлял на касе для меня пропуск. Однако надолго меня не хватило, да и он вскоре ушел из театра.

С годами и у Тани времени на такие развлечения оставалось все меньше: подрастала дочь Наташа, которую она любила до беспамятства, нужно было уделять ей много внимания. С мужем она рассталась, мама пошла на пенсию, чтобы смотреть за внучкой, – зарабатывать приходилось ей одной. Постоянно не хватало денег – сначала на еду и одежду, причем самую обычную: ни Таня, ни Наташа никогда не были рабами вещей. Бывало, кто-то достанет ей (тогда ведь вещи не покупали, а «доставали»), какую-то супермодную вещь, она наденет ее раз-другой, а потом кому-то из подруг отдаст: им нужнее, а она и так обойдется. Иногда кое-что с ее плеча перепадало и мне, могло перепадать и чаще, но у нас были разные весовые категории, что было постоянным объектом ее шуток. Потом надо было хоть как-то улучшить жилищные условия: они втроем жили в однокомнатной квартире гостиничного типа, в которой практически не было кухни. Сколько я помню, всю свою жизнь Таня «подрабатывала»: по договорам готовила документы организаций для передачи в архив, занималась репетиторством (и по истории, и по английскому языку) – ее преподавательский дар проявился очень рано, не гнушалась и полы помыть. Но иногда она вдруг, как в юности, начинала кого-то «сырить»: это могли быть или начинающий актер, или провинциальная балерина, или юноша с красивым голосом.

Долгие годы она была для меня примером для подражания во всем: в умении выбирать круг чтения, дружить, разбираться в балете, слушать оперу, готовиться к лекциям и читать их. Благодаря ей я в значительной степени восполнила пробелы в знании отечественной и зарубежной литературы, познакомилась с новинками «самиздата», полюбила балет и оперу, овладела, насколько могла, методикой подготовки и чтения лекций.

Методистом она была блестящим – не случайно ее ученики, которых она готовила к экзаменам, всегда сдавали историю на «отлично». Особенно хорошо давались ей причинно-следственные связи, она умела отделить рассказ яркой, запоминающейся картинкой. Иногда она рассказывала какие-то эпизоды из жизни семьи, связанные с теми или иными событиями в истории страны. Я это наблюдала не раз, когда она готовила мою дочь к поступлению в институт.

Мне довелось побывать на лекциях всех членов кафедры. Шефа я слушала студенткой. Меня учили замечательные учителя, но никто из них не оставил в моей памяти такого следа, как он. До сих пор я не могу забыть его лекций и иногда ловлю себя на том, что в чем-то его копирую. Но об этом я уже писала в другом месте. К коллегам я ходила на лекции с целью

Т.П. Коржихина, Н.П. Ерошкин, Т.Г. Архипова
1982 г.

повышения квалификации. Утверждать, что Татьяна Михайловна читала лекции так, как это делали Александр Давидович Степанский или Татьяна Петровна Коржихина, я не могу. Как и мой учитель, коллеги были неподражаемы, причем каждый по-своему. Но у Степанского и Коржихиной было много общего, что шло от Николая Петровича. У Татьяны Михайловны же была абсолютно своя манера поведения в аудитории и способ преподнесения материала. Она не парила над аудиторией, как Ерошкин, не удивляла всезнанием, как Степанский, не была одновременно мудрой и своей в доску, как Коржихина. Она была очень академичной. Озвучив план лекции, она очень строго его придерживалась, очень четко формулировала фразы, говорила так, что даже самый медлительный студент мог успеть все, что нужно, записать, а для разговоров друг с другом времени у них просто не оставалось. Аудиторию она держала в тоне, тишина на лекциях была идеальной. Меня всегда удивляли студенческие конспекты ее лекций. Будучи по жизни человеком эмоциональным, на лекциях она была весьма сдержанной. В ее манере общения со студентами от Ерошкина, мне кажется, была лишь напускная суровость, хотя суровой она не была. Не была и фамильярной.

Несколько работ мы с ней опубликовали вместе, а потом, решив, что хватит нам играть в Ильфа и Петрова, стали писать отдельно. Она оставила после себя несколько учебных пособий по читаемому курсу и спецкурсам для студентов-документоведов. И все же она больше любила (и ей это лучше удавалось) лекционную работу. Писать, вводя себя в рамки специфического советского академизма, было для нее истинным мучением. Кстати, и сам Ерошкин читал лекции куда как интереснее, чем излагал тот же материал в учебниках. Жаль, что никто из его учеников не записал ни одной из его лекций на диктофон. Да тогда и культуры такой не было.

А уж как она умела дружить, хотя друзей у нее было множество! Среди них были друзья детства, «сырихи», коллеги, ученики. Если кому-то из них было плохо – она бросала все и отправлялась на помощь. Когда я ушла в декретный отпуск, остро встал вопрос о моей замене. Все члены кафедры были перегружены, надо было приглашать кого-нибудь на замену. Таня была категорически против и сама вызвалась меня заменить. Когда я спросила у нее, зачем она это сделала, ответ был таков: «Придет какой-нибудь аферист и в твоё отсутствие тебя подсадит». Как у всякой молодой матери, у меня возникли проблемы с новорожденной дочкой. Таня, не выносившая электричек, метро, общественный транспорт вооб-

Т.М. Смирнова
1982 г.

ще (страх перед закрытым пространством у нее был с того времени, когда они с мамой, спасаясь от бомбежки, спускались в метро), приехала ко мне в Подольск и дала мастер-класс ухода за ребенком, приготовила обед, помыла полы и т.п. Не имея возможности часто приезжать ко мне, не любя писать письма, она еженедельно писала мне (телефона у меня тогда не было). Как же они поддерживали меня! Пока она была жива, я не помню своих проблем, которые она не помогла мне решить.

Легко допуская в круг своего общения, она тяжело расставалась с друзьями, но если расставалась, то навсегда. Поводом могло стать, пожалуй, лишь предательство.

Степень влияния на меня Татьяны Михайловны очень велика. Даже отдыхать на воде она меня приучила. С большим трудом добывая билеты на рейсовые теплоходы по Оке и Волге (месяцами отмечаясь в очередях или переплачивая), она брала меня с собой. Вот уж был праздник общения! С тех пор редкий год я не плыву летом по российским рекам.

Будучи человеком внешне очень открытым, выглядя победительницей во всем, неудачи она переживала тяжело и редко допускала кого-либо к сопереживанию. Пережив беду, она с юмором рассказывала о ней. Наверное, это укоротило ей жизнь.

Когда в университете началась кампания по увольнению лиц пенсионного возраста (а ведь уже состоялось решение Конституционного суда о неконституционности подобных действий), Таня не захотела оставаться в вузе. Мы даже не успели за нее заступиться. Она смертельно обиделась на руководство университета, тяжело переживала отрыв от кафедры. Все мои попытки сгладить остроту ситуации действия не возымели. Она попросила меня не возвращаться к этой теме. Думаю, это тоже укоротило ей жизнь.

Последние годы ее жизни были посвящены Наташе и внукам. Внуки стали предметом ее забот и гордости. О старшем, Илье, она говорила: «Этот мужчина – последняя моя любовь».

Многим казалось, что болезнь ее была совершенно неожиданной. Но это не так. Где-то еще в конце 60-х – начале 70-х у нее были обнаружены признаки этой болезни. Мнения врачей разделились. Одни предлагали операцию, другие – отслеживать развитие болезни. Она советовалась не только со мной, но все мы поддержали второй вариант. Первое время она следовала рекомендациям врачей, а потом, видя, что никаких изменений не происходит, по чисто российской привычке махнула на них рукой и пропустила признаки ухудшения. Когда они появились, было уже поздно, хотя можно было бы еще побороться за жизнь. Она не захотела, несмотря на все усилия Наташи и друзей. Что-то в ней сломалось, но иногда мне кажется, что она не хотела верить в близкий уход, внимательно выслушивая, например, мои успокоительные беседы. Звонки становились все реже,

Т.Г. Архипова
1982 г.

она просила не приходить. Думаю, не хотела, чтобы я видела ее слабой. Перестала брать трубку...

Ее не стало 26 июня 1998-го. Столько воды утекло. Уже Наташа – бабушка. Годы стерли детали, остались воспоминания о ярчайшей личности, человеке необычайной доброты и душевности. Такие встречаются редко, мне повезло.

Соколов Б.В. Врангель. М.: Молодая гвардия, 2009. – 502 с. (Жизнь замечательных людей).

ОЧЕРЕДНОЙ ПЕРЕСКАЗ «ЗАПИСОК» ВРАНГЕЛЯ, ДОПОЛНЕННЫЙ, НО НЕ ИСПРАВЛЕННЫЙ

Изрядно постарался в последние, эмигрантские, годы жизни генерал Петр Николаевич Врангель, чтобы в «Записках» своих предстать перед современниками и потомками «рыцарем без страха и упрека». О чем-то умолчал. Что-то исказил до убедительной полуправды. А где-то солгал, но так хитроумно и уверенно солгал, что сомнений в правдивости его утверждений у не искушенного читателя не возникает. Есть в тексте и фактические ошибки, возникшие помимо воли автора (адресуем читателя к нашим комментариям к «Запискам», опубликованным в 5-й и 6-й книгах «Белого дела» (М., 1995)).

Правы те исследователи, которые, поработав с «Записками», пришли к заключению: трудно получить от них прямые ответы на сложные и острые вопросы, их источниковедческий анализ требует привлечения и обширной мемуарной литературы, и множества документов, а еще – глубокого понимания личности Врангеля. Потому-то цитировать, не вдумываясь, не задавая вопроса относительно «нестыковок» с другими источниками и не «задавая неудобных вопросов» автору, – гораздо проще. Иначе говоря, проще поверить Врангелю на слово, чем определить степень правдивости его слов.

Так что усилия последнего главнокомандующего русской армией даром не пропали: один за другим берутся историки за написание его биографии, а «оторваться» от текста «Записок» не могут. Как не может оторваться от взлетной полосы самолет без крыльев.

Начало пересказу «Записок» как основы изложения биографии Врангеля положил его младший сын – Алексей Врангель. Его книга сначала была опубликована на английском языке в США (первое издание – “General Wrangel: a personal biography” (N.Y., 1986), второе – “General Wrangel: Russia’s White Crusader” (N.Y., 1987)). На русском языке она вышла под многозначительным названием: «Генерал Врангель: Доверие воспоминаний» (Минск, 1999). Полностью доверившись как «Запискам» отца, так и тем воспоминаниям, где тому давались самые лестные характеристики и оценки, Врангель-младший построил книгу на их цитировании.

Естественно, созданный сыном-историком образ полностью соответствовал тому, к которому стремился в своих «Записках» отец-генерал. Однако текст, собранный в основном из цитат, нарезанных из мемуарной литературы, сразу обнаружил немало пробелов в биографии Врангеля. С одной стороны, пробелы эти были вызваны тем, что «Записки» охватывают лишь четыре года из его 50-летней жизни: с ноября 1916 по ноябрь 1920 гг. С другой – повествуя о своих славных деяниях, о победах и одолениях его войск за эти четыре года, автор «Записок» кое о чем просто умолчал.

Тем не менее, для первого знакомства с биографией Врангеля книга эта была полезна. И весьма кстати: в 1990-е гг. интерес к Белому движению и его вождям достиг пика, стал почти массовым.

Продолжил пересказ «Записок», развил эту зародившуюся «методу» В.Г. Черкасов-Георгиевский в книге «Генерал П.Н. Врангель – последний рыцарь Российской империи: Документальное жизнеописание» (М., 2004). Стремясь и фактов дать погуще, и добиться эпической стилистики этакой «саги о Врангелях», он дополнил «Записки» цитатами из слегка расширенного круга мемуаров, а также «Доверия воспоминаний». Цитатами, естественно, восторженными или, по крайней мере, одобрительными. Дополнил и опубликованными документами. А именно: обнаруженными нами в «Пражском архиве» документами о работе Врангеля над «Записками», их издании генералом А.А. фон-Лампе в альманахе «Белое дело» (впервые приведенные нами в статье, напечатанной в нью-йоркском «Новом Журнале» (1997. № 207), а затем, более полно, в книге «Русские без Отечества» (М., 2000), они отдельной подборкой были «вывешены» в Интернете).

За счет этого В.Г. Черкасову-Георгиевскому удалось чуть уменьшить пробелы в биографии Врангеля. Однако не критичный подход к «Запискам» не позволил ему заметить искажения и ошибки. А упорное стремление поднять своего героя на пьедестал «последнего рыцаря», который оказался бы много выше пьедесталов других белых военачальников, привело к тому, что Врангель получился лишенным человечности, «застывшим в бронзе», а еще – будто обклеенным со всех сторон страницами, выдранными из «Записок» и других воспоминаний. Да и книга сама настолько «побронзовела», что даже страницы ее тяжело переворачивать.

«Вершиной» самого примитивного пересказа «Записок» Врангеля путем не очень-то осмысленного нагромождения цитат с кавычками и без, – а потому не только вершиной, но и сразу резким падением в пропасть халтуры – стала книга А.Б. Широкограда «Упущенный шанс Врангеля: Крым, Бизерта, Галлиполи» (М., 2009). Историк белой военной эмиграции И.А. Белоконов, с присущими ему – по его относительной ученой молодости – максимализмом, резкостью и язвительностью, но ярко и в общем-то справедливо, уже высказался насчет этого труда на страницах

«Нового исторического вестника» (2009. № 3(21)). Поэтому мы лишь отметим самое существенное: книга эта не только ничего не прибавила к фактической стороне биографии генерала Врангеля, но и исказила, извратила некоторые ее моменты. В общем, книги этой вполне могло бы не быть.

Хотя, признаем, халтурность и неумные, пустословные попытки А.Б. Широкограда «опустить» последнего главкома, свергнуть его – «заурядного ротмистра», «немецкого барона» – с пьедестала «последнего рыцаря» сделали его книгу куда более «читабельной» по сравнению с книгой В.Г. Черкасова-Георгиевского. Понятно: нынешняя «читающая публика» предпочитает злодеев, а не героев.

В целом же все эти три варианта биографии генерала Врангеля, по сути, – пересказы его «Записок». Приправленные цитатами из воспоминаний его современников, они представляются нам грубо высеченными ступенями, ведущими вниз. Очень круто вниз – в холодный и темный склеп. И в склепе том Врангель – этот, по оценке фон-Лампе, «большой русский человек» – обращается в «прах и тлен». И эти «прах и тлен» никак не могут помочь нам понять и почувствовать, каким человеком был генерал Врангель.

И вот в минувшем году издательство «Молодая гвардия» выпустило в серии «Жизнь замечательных людей» книгу «Врангель», написанную автором плодовитым и известным – Б.В. Соколовым.

Авторитет, даже прославленность, этой серии, естественно, породили надежду всех, кто симпатизирует генералу Врангелю или, по крайней мере, проявляет интерес к его жизни и борьбе против большевистской диктатуры: наконец-то, дескать, на свет появилась полная биография столь яркой личности.

Авторское предисловие надежд прибавило. В первом же абзаце Б.В. Соколов отметил, что «в биографии Врангеля до сих пор остается немало “белых пятен”» (с. 5). А во втором абзаце фактически признал – и признание это дорогого стоит, – что последний главком проявлял «черты, явно не относящиеся к рыцарским». А именно: надменность, жестокость, склонность к интригам, крайнее честолюбие, боязнь подмочить свою репутацию военачальника поражениями подчиненных ему войск (с. 6).

Однако текст, уже с первых частей – «Детство и юность», «Начало службы», – надежды эти рассеивает.

Детские годы будущего последнего главкома излагаются в основном путем пересказа книги его отца, барона Н.Е. Врангеля, – «Воспоминания (от крепостного права до большевиков)» (первое издание: Берлин, 1924). Воспоминания эти – очень интересные по фактуре, глубокие по размышлениям, написанные ярким стилем хорошо образованного русского интеллигента. Из них мы узнаем о той атмосфере, в которой вырос Петр, складывался его характер, формировалось его мировосприятие.

Однако учеба Петра Врангеля в ростовском реальном училище как была «белым пятном», так им и осталась. И учеба в столичном Горном институте осталась им же. «Белым пятном» остался и короткий период статской службы инженера Врангеля в Иркутске. А между тем иркутский опыт по части гражданского управления наверняка оказал решающее влияние на формирование его представлений о бюрократическом механизме Российской империи, о стиле работы и нравах чиновничества.

С другой стороны, уже в первых двух частях становится очевиден стиль очередного биографа: максимум цитирования и пересказа мемуаристов при минимуме собственных рассуждений. Хотя, возможно, наше утверждение о «минимуме» – излишне категорично: все-таки их немало. Дело, однако, не в количестве их, а в качестве: они весьма поверхностны и давно очевидны. Так или иначе, но, утомляя читателя, постоянно мелькает: такой-то «рисует эпизод», такой-то «приводит эпизод», такой-то «вспоминал», такой-то «описывает», такой-то «утверждает», такой-то «оставил», такой-то «свидетельствует»...

И так по всей книге. В общем – опять «Врангель в воспоминаниях современников».

Если сравнивать книгу Б.В. Соколова с трудами предшественников, явных достоинств у нее обнаруживается три. Первое: помимо хвалебных оценок одних мемуаристов Б.В. Соколов приводит и противоположные мнения других – разной степени критичности. Пытается их противопоставлять, сравнивать, рассуждать, какая же из оценок ближе к истине. Второе: ради этого стремления к объективности круг цитируемых и пересказываемых мемуаров расширен. Третье: на их основании автор строит предположения, как могли бы пойти события на юге России, как бы сложилась судьба Белого движения, если бы предложения и планы Врангеля были реализованы.

Достоинства эти – немалые. Однако достаточно ли их для того, чтобы новый вариант биографии Врангеля признать «открытием», «приподнятием завесы», «прорывом»?

Увы, нет.

В обоснование нашего разочарования укажем на несколько наиболее показательных сюжетов. В том смысле показательных, что они как были «белыми пятнами» до выхода в свет книги Б.В. Соколова, так ими и остались. А еще в том, что ошибки в тексте «Записок» остались автором не замеченными и не исправленными.

Участие Врангеля в мировой войне между Каушеном и ноябрем 1916 г., то есть началом «Записок», описано пунктирно и поверхностно. Как не представляли мы «боевой путь» последнего главкома в эти два с небольшим года, так и не представляем. Упреки автору насчет того, что не удосужился он поработать с документами РГВИА, были бы по нынешним историографическим временам бестактны, а потому промолчим на этот

счет. Благо, начались наконец «Записки» – началось их обильное, целыми страницами, цитирование и пересказ. За счет этого сам Врангель сразу резко «приблизился» к читателю.

Но и «Записки» не помогли Б.В. Соколову показать всю глубину и трагизм колебаний Врангеля, приехавшего в Киев в мае 1918 г.: принимать или нет предложение старого сослуживца и приятеля П.П. Скоропадского, ставшего гетманом Украины, занять должность его начальника штаба? Это означало вступить в борьбу с большевизмом «под протекторатом» Германии и под «вывеской» Украинского гетманства. «Записки» не помогли автору и другое правдиво рассказать: почему же, в отличие от тысяч офицеров, Врангель не поспешил на Дон, уклонился от вступления в Добровольческую армию генералов М.В. Алексеява и Л.Г. Корнилова, хотя бывший главком крепко на него рассчитывал.

Есть у автора общие рассуждения на сей счет. Есть нелюбимая и, в общем-то, верная оценка: «Врангель действовал, как расчетливый карточный игрок, долго выбирающий, на какую карту выгоднее поставить» (с. 83). Главного нет: личности самого Врангеля, его сомнений, его переживаний. Понять его душевное состояние, логику его тогдашних рассуждений и мучения выбора мог бы помочь автору генерал М.А. Свечин, очень хорошо знавший Врангеля. Конкретно – его «Записки старого генерала о былом» (Ницца, 1964). Но их Б.В. Соколов не использовал.

Начало «серьезных разногласий» Врангеля с командующим Добровольческой армией генералом А.И. Деникиным автор отнес к январю 1919 г., к обсуждению вопроса о важности царицынского направления (с. 130). Однако это – уже вчерашний день историографии Белого движения. Жаль, что Б.В. Соколов не ознакомился с новой литературой о вооруженной борьбе на Северном Кавказе в 1918 г., не попытался поискать новые источники. Он даже в «Записки» Врангеля и «Очерки русской смуты» Деникина не особенно глубоко вчитался и вдумался. Иначе ему удалось бы вскрыть подлинные, рожденные самой обстановкой Гражданской войны, обстоятельства, которые уже в начале осени 1918 г. породили «трения» и неприязнь между Врангелем и Деникиным, между Врангелем и начальником штаба Добровольческой армии генералом И.П. Романовским. А заодно вскрыть и роль генерала М.Г. Дроздовского, которую тот неосознанно сыграл в «разжигании» этой неприязни (отсылаем читателя к нашему роману-хронике «Последний главком», изданному в 2006 г.).

Этот сюжет дал бы Б.В. Соколову немалые возможности не просто подметить у Врангеля, а обстоятельно разобрать, как в этом конкретном случае проявились его «черты, явно не относящиеся к рыцарским». А без этого дальнейшего обострения конфликтных отношений между Врангелем и Деникиным до всей глубины не понять, что означает одно: от цитат и пересказа «Записок» не оторваться.

При описании обороны Царицына Кавказской армией Врангеля в августе–начале сентября 1919 г. Б.В. Соколов, уверенно, вернее – вынуж-

денно, следуя за Врангелем по страницам его «Записок», объясняет успех обороны города от войск 10-й армии в том числе и «слабостью кавалерийских частей красных, включая корпус Б.М. Думенко» (с. 189–190). Тут он повторил ошибку Врангеля: в то время корпуса этого не было в природе вещей. Конно-сводный корпус, командиром которого был назначен Б.М. Думенко, едва оправившийся от тяжелейшего ранения, был им сформирован в конце сентября. И именно этот корпус за октябрь–декабрь решил судьбу и Царицына, и Новочеркаска, «стольного града» Войска Донского. Трудно удержаться от резкости: Б.В. Соколову, автору «замечательной» (в смысле удостоенной напечатания в той же серии «Жизнь замечательных людей») биографии С.М. Буденного следовало давно уже разобраться, какими именно войсками, когда и где командовали Думенко и Буденный.

Врангель, работая над «Записками», больше всего хотел скрыть правду о своей борьбе за пост главкома ВСЮР, против Деникина. Особенно – в январе–феврале 1920 г., во время своего пребывания в Крыму. И Б.В. Соколов ему в этом помог. По крымскому, решающему, моменту врангелевского «похода на власть» автор прошелся беглым цитированием. Помимо, естественно, «Записок», цитирования удостоились лишь воспоминания генерала Я.А. Слащова и «полувоспоминания» журналиста Г.Н. Раковского. В итоге у автора получилось, что Врангель во всей этой «некрасивой истории» оказался где-то с краю, почти что ни при чем.

На удивление поверхностно и односторонне изложил Б.В. Соколов конфликтные отношения между Врангелем и командиром корпуса генералом Слащовым. Естественно – с точки зрения Врангеля, в согласии с трактовкой «Записок». Вообще, заметим безо всяких скобок, автор гораздо лучше знает, что написал М. Булгаков о генерале Хлудове, чем то, что нынешние «белые» историки пишут о Слащове. А суждения его о «трагедии больной совести палача» Хлудова (с. 360–374) – едва ли ни самое интересное место в книге. Остается допустить, что в этом просто-напросто проявилась неприязнь автора к «карьеристу» Слащову, которую он особенно и не старается скрыть (с. 285, 363). А еще, вероятно, – стремление «поддержать» Врангеля в конфликте со Слащовым. Хотя врангелевские мотивы и методы третирования Слащова – еще дальше от «рыцарства», чем его «поход на власть».

Б.В. Соколов, опять же следуя «Запискам», не стал задерживаться на описании суда, устроенного Врангелем в Крыму над командованием Донского корпуса – генералами В.И. Сидориным и А.К. Кельчевским. По сути, это был суд над всем южно-русским казачеством. Хотя главный мемуарный источник об этом событии был у автора под рукой, и в библиографии он указан: не раз переизданные записки военного прокурора полковника И.М. Калинина «Под знаменем Врангеля» (первое издание: Л., 1925). Это странно: ведь автор совершенно справедливо включил обидчивость,

злопамятность и мстительность в те самые черты Врангеля, что «явно не относятся к рыцарским» (с. 277). Не иначе и тут сыграло свою роль желание (осознанное или нет – не нам судить) помочь Врангелю скрыть подлинные мотивы и цели организации этой судебной расправы, утаить свое подлинное отношение к казакам – пренебрежение и подозрительность.

Но вот «Записки» закончились ноябрем 1920 г., и Б.В. Соколову сразу стало как-то мало о чем писать, а Врангель резко «отдалился» от читателя.

Не указывая на другие яркие, трагические сюжеты горькой эмигрантской судьбы Врангеля, которые автор обошел скорее всего из-за незнания многих мемуарных источников (про документы молчим из тактичности), остановился на описании конфликта Врангеля с генералом А.П. Кутеповым. Описание это таково, что подлинные причины, суть (действия Кутепова Врангель назвал «подлой игрой») и последствия этого конфликта остались за рамками книги. Даже между строк им не нашлось места. Как не нашлось места и оценке неблагоприятной роли, сыгранной в этом конфликте вел. кн. Николаем Николаевичем.

Трудно судить, чего не хватило тут автору, но на одно обстоятельство укажем (вот нам самим все-таки не хватило тактичности): нельзя было «сочинять» заключительную главу – «Последние годы» – без цитирования писем Врангеля жене. Тех немногих сохранившихся, что были добротной подготовлены к публикации известным исследователем А.В. Квакиным (за это ему сердечное спасибо от собратьев-историков) и изданы в нью-йоркском «Новом Журнале» (2005, № 238). Вообще, писем этих остро не хватает всей книге.

В каждой бочке меда – своя мера дегтя. Вся наша критика новой книги Б.В. Соколова не ставит под сомнение очевидное: он далеко обошел своих предшественников-биографов Врангеля. Обошел за счет стремления сравнивать, вдумываться, обобщать. Относительная объективность особенно заметна на последних страницах: не обаяла Б.В. Соколова слезная сказка о злодейском отравлении Врангеля агентами ОГПУ. Доводы в пользу «чекистского покушения» на Врангеля он оценил как «весьма шаткие» (с. 486) и здравомысляще отменил.

Итак, и очередная биография генерала Врангеля свелась, по сути, к пересказу его «Записок». С повторением имеющихся в них фактических ошибок, а главное – с повторением почти всех умолчаний, тенденциозных полуправд и лжи последнего вождя Белого движения. Можно сказать, Врангель стал полноправным соавтором Б.В. Соколова. Или наоборот.

Критического запала Б.В. Соколову хватило не на много. Дополнив «Записки» пересказом и цитированием других мемуаристов, подвергнув их самому простому, «перекрестному», сравнению, он попытался выявить, где Врангель был «не прав», где проявил он «черты, явно не относящиеся к рыцарским». Но все ограничилось не самыми важными событиями.

Тем не менее, на сегодня книга Б.В. Соколова стала лучшей из биографий Врангеля.

Теперь о «личном». Самая, нам кажется, большая ущербность книги – уклонение автора от раскрытия личностных качеств генерала Врангеля, освещения его внутреннего мира, душевного состояния в те или иные моменты жизни, его острых идейно-нравственных кризисов. Уклонение от описания его страданий, сомнений, колебаний, метаний. От описания его внутреннего состояния в те моменты, когда он совершал поступки, заведомо безнравственные. Когда ярко проявились его «черты, явно не относящиеся к рыцарским».

Тогда зачем вообще историку братья за судьбу человека? Вопрос, конечно, риторический.

Ведь у Врангеля была своя «трагедия больной совести» (вторично отсылаем читателей к нашему роману-хронике «Последний главком»). Но то ли не вписалась эта трагедия в авторскую концепцию «замечательности» Врангеля, то ли Б.В. Соколов не рискнул вторгнуться в эти «тонкие материи». И получился «его» Врангель каким-то бестелесным и бездуховным.

Тут самое время привести слова Василия Витальевича Шульгина из предисловия к его мемуарным очеркам «1920 год». До обидного пророческими оказались они, эти слова, написанные в 1921 г. на чужбине:

«Бесполезно, конечно, напоминать, что мы живем в эпоху, которой будут весьма интересоваться наши потомки. Но, может быть, следует подумать о том, что о Русской революции будет написано столько же лжи, сколько о Французской. И из этой лжи вытечет опять какая-нибудь новая беда. Для нас это ясно...»

Разумеется, время для изображения нашей трагедии во всем ее объеме, так сказать, с журавлиной высоты, еще не наступило. Невозможно, с другой стороны, пока и интимное изображение нашей жизни, т.е. как мы любили, ненавидели, страдали и радовались – ключ, без которого, конечно, будущие историки ничего не поймут. Или поймут вкривь и вкось, как это они всегда и делают...»

Не будем задаваться вопросами, когда же, по мнению Шульгина, должно было наступить такое время, каким именно оно должно было бы стать. Рассуждения на сей счет уведут нас далеко. Главное сейчас – итоговая оценка книги Б.В. Соколова «Врангель». Если подходить к ней «по шульгинскому счету» – приходится признать: не нашел автор «ключ к Врангелю», не состоялось «приподнятие завесы», одоление лжи.

Этим и закончим. Что тут еще скажешь?.. Разве что вот это: не одному барону Врангелю так «повезло» в нынешней российской историографии.

С.В. Карпенко

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

- Мельников М.В.** Судьба золотого рубля: споры между сторонниками и противниками денежной реформы С.Ю. Витте (1895–1897 гг.) 11

Мельников Максим Викторович – докт. ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Ковровской государственной технологической академии им. В.А. Дегтярёва
mmax-2003@rambler.ru

В статье рассматриваются основные этапы общественного обсуждения преобразования денежной системы страны, сравниваются позиции сторонников и противников золотого рубля – ученых-экономистов и общественных деятелей. Показывается участие Министерства финансов и лично С.Ю. Витте в обсуждении. С помощью своего влияния на прессу и через своих представителей в публичных прениях финансовое ведомство максимально пыталось заручиться поддержкой общественного мнения во внутриправительственной борьбе вокруг реформы.

Рубль, государственные финансы, золотой монометаллизм, С.Ю. Витте, Министерство финансов, денежная реформа

- Чудакова М.С.** Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) 22

Чудакова Марина Станиславовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии
marichud@rambler.ru

В статье на основе архивных документов рассматриваются формирование и деятельность секретной агентуры центральных и местных учреждений политической полиции Российской империи в течение последнего десятилетия ее существования.

Показывается, что наличие разных типов секретных агентов позволяло им более или менее успешно противостоять революционному и оппозиционному движению в России. Показывается, как противоречия между общей полицией и политической сыском снижали эффективность его работы.

Департамент полиции, губернское жандармское управление, охранное отделение, секретная агентура, наружное наблюдение

- Костров А.В.** Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. 35

Костров Александр Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета
a_kostrov@mail.ru

На основе анализа впервые введенных в научный оборот источников рассматриваются отношения между старообрядцами Байкальской Сибири и органами Советской власти в 20-е гг. XX в. Особое внимание уделяется конфликту, произошедшему из-за отказа старообрядцев зарегистрировать свои общины в органах государственной власти. Выявляются причины, ход и итоги этого противостояния.

Байкальская Сибирь, старообрядцы, старообрядческая община, «семейские», антирелигиозная политика

- Кулинич Н.Г.** «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) 42

Кулинич Наталья Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
kulinich_n_g@mail.ru

В статье рассматриваются основные изменения в системе семейно-брачных отношений горожан Советского Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. Показывается, как замена церковного брака гражданским и провозглашение «свободы любви»

привели к расшатыванию семьи, росту разводов, сокращению средней продолжительности брака. Эти процессы усугублялись местными условиями: повышенной социальной мобильностью населения, оторванностью от родных и невозможностью опереться на их поддержку, численной диспропорцией между полами и тяжелыми жилищно-бытовыми условиями.

Советский Дальний Восток, патриархальная семья, гражданский брак, «свободная любовь», развод

Садовников С.И. Неизвестный солдат – самый известный солдат Второй мировой 54

Садовников Сергей Иванович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института развития профессионального образования (Москва)
sadovnikovs@yandex.ru

Статья основана на материалах многолетних поисковых исследований, проводимых автором и направленных на установление имен и фронтовых судеб командиров и бойцов Красной армии, «пропавших без вести» в годы Великой Отечественной войны. Раскрывается понятие «пропавший без вести». Рассматриваются причины массовой «пропажи без вести» и появления многочисленных безымянных захоронений воинов Красной армии на территории СССР и европейских стран в 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война, «пропавший без вести», солдатский медальон, красноармейская книжка, останки военнослужащих, опознание, поисковое движение

Хохлов В.А. Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем 67

Хохлов Виктор Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
hohlovictor@yandex.ru

В статье анализируется образ Великой отечественной войны в новейшем российском военном кино: фильмы

«Сволочи» (2005), «Первый после бога» (2005), «Мы из будущего» (2008), «Первый отряд» (2009), «Мы из будущего-2» (2010) и другие. Выявляются характерные элементы фантастического кинодискурса о войне, его влияние на историческую память современного российского общества.

Великая отечественная война, военное кино, кинодискурс, историческая память

Сообщения

Бородкин А.В. «Предивный» инок Капитон 75

Бородкин Александр Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославского филиала РГГУ
borodkin@mail.ru

В статье описывается деятельность одного из вождей раннего старообрядчества инок Капитона, которого длительное время принято было считать родоначальником самоубийств среди старообрядцев. Рассматриваются создание им новых пустыней и формирование общин «церковных мятежников», версии его гибели, его вклад в развитие движения старообрядцев.

Капитон, старообрядцы, пустынь, самосожжение, сыск, стрельцы

Булюлина Е.В. Будни Царицынского уголовного розыска (первая половина 1920-х гг.) 81

Булюлина Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета
bulyulina@mail.ru

В статье на основе архивных документов рассматриваются организация и деятельность Царицынского губернского уголовного розыска в первой половине 1920-х гг. Раскрываются социально-экономические и политические условия, в которых осуществлялась его деятельность, дается характеристика его сотрудникам, рассказывается о самых крупных раскрытых делах.

Царицын, Царицынская губерния, новая экономическая политика, уголовная преступность, рабоче-крестьянская милиция, уголовный розыск, агент уголовного розыска

Антибольшевистская Россия

Иоффе Г. (Канада) Революционер:
Жизнь и смерть Бориса Савинкова 89

Иоффе Генрих Зиновьевич – докт. ист. наук, член редколлегии «Нового Журнала» (Нью-Йорк)
ioffe@videotron.ca

Новая работа известного историка посвящена легендарному русскому революционеру Б.В. Савинкову, его взглядам, роли в организации революционного террора партии эсеров против самодержавия, участия в строительстве демократической России в 1917 г., борьбе против большевистского режима на территории России и в эмиграции, операции «Синдикат-2». Ставится вопрос о загадке его гибели в тюрьме ОГПУ на Лубянке.

Б.В. Савинков, С. Павловский, А.П. Федоров, ОГПУ, «Синдикат-2»

Антоненко Н.В. Н.Д. Тальберг и его «чаемая монархия» в России 107

Антоненко Наталья Викторовна – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета
anton_vlad_oleg@mail.ru

В статье рассказывается о жизни и деятельности русского правоведа и эмигрантского публициста Николая Дмитриевича Тальберга (1886–1967). Основное внимание уделяется его размышлениям о причинах падения Российской империи и перспективах возрождения православного самодержавия в России, разработанной им оригинальной системе государственного управления в России.

Н.Д. Тальберг, российская монархия, Государственная дума, Временное правительство, антибольшевистская эмиграция, неомонархизм, государственное управление

События и судьбы

Таймасова Л.Ю. Князь Владимир Старицкий: в шаге от престола 116

Таймасова Людмила Юлиановна – соискатель кафедры общей истории Тверского государственного университета, стажер-интерн Европейского отдела Библиотеки Конгресса США, литератор
taimassova@yandex.ru

В очерке рассматривается эволюция взаимоотношений Ивана IV и князя Владимира Старицкого. На основе скрупулезного исследования летописных источников и юридических документов автор выдвигает оригинальную гипотезу: добиваясь внесения изменений в завещание государя, Старицкие стремились получить не царские регалии, а привилегию на владение Дмитровским уделом, который, по традиции, переходил к прямым наследникам престола.

Князья Старицкие, Владимир Старицкий, Иван IV, Сильвестр, Дмитровский удел, духовная грамота

XX век в нашей памяти

Архипова Т.Г. Вспоминая Татьяну Михайловну Смирнову 138

Архипова Татьяна Григорьевна – докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ
archipova-iai@mail.ru

Воспоминания о жизни, преподавательской и научной судьбе Т.М. Смирновой, доцента кафедры истории государственных учреждений Историко-архивного института, одной из учениц Н.П. Ерошкина.

Т.М. Смирнова, Н.П. Ерошкин, А.Д. Степанский, Т.П. Коржихина,
Московский государственный историко-архивный институт,
кафедра истории государственных учреждений

У книжной полки

Карпенко С.В. Очередной пересказ «Записок»
Врангеля, дополненный, но не исправленный 144

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент
кафедры истории России новейшего времени Историко-
архивного института РГГУ
skarpenk@mail.ru

В статье в контексте современной практики изучения истории Белого движения и антибольшевистской эмиграции анализируется книга **Б.В. Соколова «Врангель» (М., 2009)**. Книга рассматривается с точки зрения проблематики, использованных источников, авторских подходов и оценок как труд, характерный для нынешней биографической литературы о военных и политических руководителях Белого движения. Оценивается сочетание в книге обычных недостатков и необычных достоинств.

П.Н. Врангель, А.И. Деникин, Я.А. Слащов, Первая мировая война, Гражданская война, Белое движение, эмиграция, офицерство, мемуары

CONTENTS, AUTHORS, SUMMARIES

Articles

M. Melnikov Destiny of gold rouble:
Disputes between supporters and opponents
of currency reform of S. Vitte (1895–1897) 11

Maksim V. Melnikov – doctor of History, professor of the
Department of Humanitarian Sciences of Kovrovsky state
technological academy of V.A. Degtyaryov
mmax-2003@rambler.ru

This article deals with the main stages of public discussion on the problem of monetary system reform in Russia. Attention is paid to the opinions of supporters and opponents of “Golden Rouble”: scientists, economists, public figures. The Department of Treasury and S. Vitte played a great role in this process. With the help of its representatives in public disputes the financial department tried to turn the discussion of monetary system reform to the necessary direction and enlist the support of public opinion in the intergovernmental struggle about the reform.

Rouble, state finances, gold monometallism, S. Vitte, Ministry of Finance, currency reform

M. Chudakova The secret agents of Department of Police (1907–1917) 22

Marina S. Chudakova – candidate of History, senior lecturer
of the Department of History and Philosophy of Yaroslavl State
Medical Academy
marichud@rambler.ru

The author analyses on the basis of archival documents the formation and activity of confidential agents of the central and local establishments of secret police of Russian empire within last decade its existence are examined. It is shown, that presence of different types of confidential agents allowed them more or less successfully to resist to revolutionary and oppositional movement in Russia. It is shown, how contradictions between the general police and political investigation reduced efficiency of its work.

Department of Police, provincial gendarme management,
security branch, confidential agents, external supervision

A. Kostrov Soviet power and Old Believers of Baikal Siberia in 1920s 35

Alexandr V. Kostrov – candidate of History, senior lecturer of the Department of Contemporary Russian history of Irkutsk state university
a_kostrov@mail.ru

The author is considering the problem of relations of Soviet power and Old Believers of Baikal Siberia in the 1920s. A special attention is paying to the conflict, which was because of refuse of Old Believe to register their communities in the local authorities. The author is discovering causes and results of this opposition.

Baikal Siberia, Old Believers, Old Believers' communities, «semeyskie», antireligious policy

N. Kulinich “Free love” and soviet marriage:
Family relations in cities of Far East (1920–1930s) 42

Natalia G. Kulinich – candidate of History, senior lecturer of the Department of Philosophy and Culture of Pacific State University (Khabarovsk)
kulinich_n_g@mail.ru

In this article the main changes in system of family-marriage relations of townsmen in 1920–1930s are examined. The main conclusion is that replacement of church marriage by civil and declaration of “freedom of love” lead to shattering of family, growth of amount of divorces, and to shortening average duration of marriage. In Far Eastern conditions this process was fasten by such factors as heightened social mobility of inhabitants, isolation from relatives and impossibility to rely on their support, numerical disproportions between sexes, hard living conditions.

Soviet Far East, patriarchal family, civil marriage, “free love”, divorce

S. Sadovnikov An unknown soldier –
the most famous soldier of the World War II 54

Sergei I. Sadovnikov – candidate of History, senior research fellow of Research institute of development of professional education
sadovnikovs@yandex.ru

The article is based on the material of long practical findings obtained by the author and aimed to trace back the names and the war destinies of the officers and soldiers of Red Army missing in action during the Great Patriotic War of 1941–1945. The researcher explains the meaning of the notion “missing in action” and examines the reasons of widespread “missing” and appearing numerous nameless graves of servicemen on the territory of the USSR and European countries in 1941–1945.

The Great Patriotic War of 1941–1945, «missing in action», «the dog-tag» of soldiers, the certificate of Red Army soldiers, remains of soldiers killed in the World War II, identification, Searching Movement

V. Hohlov The Great patriotic war in the Contemporary
Russian Cinema: to be continued in the fantasy-future 67

Victor A. Hohlov – candidate of History, senior lecturer of the Department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives of RSUH
hohlovictor@yandex.ru

In the article author analyses the Image of the Great Patriotic War of 1941–1945 that was presented in the Contemporary Russian Cinema: “Bastards” (2005), “The first after God”, “We Are from the Future” (2008, 2010), “The first squad” (2009). He formulates an idea of “fantastic discourse” of the war and its influence over historical memory of modern Russian society.

The Great Patriotic War of 1941–1945, war cinema, movie discourse, historical memory

Comments

A. Borodkin The Marvelous monk Capito 75

Alexander V. Borodkin – candidate of History, senior lecturer of the Department of Humanitarian Sciences and Socio-Economic disciplines of the Yaroslavl branch of the RSUH
borodkin@mail.ru

The article describes the activities of one of the leaders of the early Old Believers monk Capito, who had taken a long time regarded as the ancestor of suicide among the Old Believers. Author examines the creation of monk Capito the new desert communities and the formation of “church rebels”, versions of his death, his contribution to the development of the movement of Old Believers.

Capito, Old Believers, hermitage, self-destruction, inquisition, strelets

H. Bulyulina Everyday life of Criminal Investigation Department in Tsarytsyn Province (the first part of 1920s) 81

Helen V. Bulyulina – candidate of History, senior lecturer of the Department of Documentation Science and Business Communication of Volgograd State University
bulyulina@mail.ru

The article presents the history of forming and activity of Tsarytsyn criminal investigation department on the basis archival documents in the first part of 1920s. Historical conditions of the criminal investigation departments’ practice and characteristics of agents are discussed; some examples of the most important revealed cases are presented also.

Tsarytsyn, Tsarytsyn Province, new economic policy, criminality, worker’s and peasant militia, criminal investigation department, agent of criminal investigation department

The Anti-Bolshevik Russia

G. Ioffe (Canada) The Revolutionary: Life and death of Boris Savinkov 89

Genrikh Z. Ioffe – doctor of History, the associate editor of “Novyi Zhurnal” (New York)
ioffe@videotron.ca

The new work of the famous historian covers the life of legendary Russian revolutionary Boris Savinkov, his political views, his role in organization of socialist-revolutionary party’s terror against Russian autocracy, his participation in constructing of democratic Russia in 1917, his struggle against Bolshevik regime during the Civil War in Russia and in emigration period, the Case Syndicate-2. The author deals with the mystery of Savinkov’s death in GPU prison on Lubianka.

B. Savinkov, S. Pavlovsky, A. Fedorov, GPU, Syndicate-2

N. Antonenko N.D. Talberg and his “desired monarchy” in Russia 107

Natalia V. Antonenko – candidate of History, the senior lecturer, head of State and Municipal management department of the Michurinsk State Agrarian University
anton_vlad_oleg@mail.ru

Life and activity of a Russian jurist and emigrant publicist Nicolai D. Tal’berg has been described in the article. Much attention has been paid to his speculations about causes of the down fall of Russian Empire and perspectives of the revival of the Orthodox autocracy in Russia, his original system of state management in Russia.

N. Talberg, Russian monarchy, State Duma, Provisional Government, Anti-Bolshevist emigration, neomonarchism, state management

Landmarks in Human History

L. Taimasova Prince Vladimir Staritskii: One Step to the Throne 116

Liudmila J. Taimasova – the fellow-applicant of the General History department of Tver State University, intern of the European

Division of the Library of Congress (USA), writer
taimassova@yandex.ru

The article observes an evolution of interactions between Ivan the Terrible and his cousin Prince Staritskii. On the base of the detailed study of the chronicles and juridical documents the author offers a new hypothesis that the clan of Staritskii intended to acquire not the throne, but the privileges for Dimitrov principality, which by convention went to the direct heirs to the throne.

Clan of Staritskii, Vladimir Staritskii, Ivan the Terrible, Sylvester, Dimitrov principality, testament

Recollecting the Twentieth Century

T. Arkhipova Remembering Tatiana Mikhailovna Smirnova 138

Tatiana G. Arkhipova – doctor of History, professor, the Head of the Department of History of state and public-service institutions of Institute for History and Archives of RSUH
archipova-iai@mail.ru

The article contains the memories about the life and science activity of Tatiana M. Smirnova, the professor of the Department of History of state and public-service institutions of Institute for History and Archives, who was one the disciple of professor Nikolai P.Eroschkin.

T. Smirnova, N. Eroshkin, A. Stepanskii, T. Korzhikhina, Moscow State Institute for History and Archives, Department of History of state and public-service institutions

Book Reviews

S. Karpenko One more retelling of Vrangels' "Notes", added, but not corrected ... 144

Sergei V. Karpenko – candidate of History, senior lecturer of the Department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives of RSUH
skarpenk@mail.ru

The author, basing on the contemporary historiography of White Movement, analyses the new book by **Boris V. Sokolov "Vrangel" (M., 2009)**. On the focus are the problems of sources, science approaches, author's position as an example of contemporary biography literature, devoted to the leaders of White Movement. There are some estimations of unusual merits and usual unmerits of the book.

P.Vrangel, A. Denikin, Ya. Slashchov, World War I, Russian Civil War, White Movement, Russian emigration, officers, memoirs

Научное издание

**Новый
исторический вестник**

Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.

Подписано в печать 31.05.2010

Формат 60x90/16

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5

Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон: (495) 970-72-63
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574